В. ИНОЗЕМЦЕВ

К ТЕОРИИ ПОСТЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМАЦИИ

1995

taurus

CONTRIBUTION TO THE THEORY OF POST-ECONOMIC FORMATION OF SOCIETY

CONTRIBUTION SUR LA THEORIE DE LA FORMATION POST-ECONOMIQUE DE LA SOCIETE

Владислав Л. ИНОЗЕМЦЕВ

К ТЕОРИИ ПОСТЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМАЦИИ

Москва
Таурус
1995

И 57 **ИНОЗЕМЦЕВ В.Л. К теории постэкономической общественной формации**: Научное издание. — М.: Таурус, Век, 1995. — 336 с.

ISBN 5-88987-010-6

Представляемая работа посвящена исследованию системы классовых обществ как единого целого, объединяемых понятием экономической общественной формации. Автор уделяет большое внимание анализу становления концепции экономического прогресса, рассматривая развитие исторических теорий, начиная с античного периода. Предпринимается оригинальное критическое переосмысление марксистской теории экономической общественной формации. Основное внимание уделено оценке современных хозяйственных систем западных обществ как постэкономических. Предложена попытка непротиворечивого синтеза марксовой теории экономической общественной формации с концепциями постиндустриального общества, предоставляющая существенные новые возможности для переосмысления исторического места современных западных обществ и оценки исторического места социализма советского типа.

ISBN 5-88987-010-6 **© Таурус, 1995**

К ТЕОРИИ ПОСТЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМАЦИИ

тексты 1986—1991 годов,
исправленные и переработанные,
под общей редакцией
Алексея И. АНТИПОВА

Настоящее сочинение,
ставшее результатом десятилетних исследований,
с благоговением посвящается

Вере Алексеевне

МЕДВЕДЕВОЙ

в чьих совершенных человеческих качествах
нам ни разу не пришлось усомниться за эти годы

«Не говори: ,,отчего это прежние дни были лучше нынешних?", потому что не от мудрости своей ты спрашиваешь об этом»

Екклесиаст, 7, 10

Введение

В XX веке человечество столкнулось с таким же количеством вопросов о путях и формах развития социального организма, какое поставил перед ним век XIX в области естественных наук. Однако если дискуссии по проблемам «исчезновения» материи, взаимоотношений между массой и энергией, вопросам теории внутриядерных взаимодействий, споры вокруг волновой и корпускулярной концепций света при всей их интенсивности не изменяли и не могли изменить объекта исследования, каковым являлась сама природа, то социальные теории и тем более социальное экспериментаторство нынешнего века серьезно отразились на человечестве, создавшем и опробовавшем на себе самые разнообразные утопии.

Нынешнее столетие в значительной степени прошло под знаком борьбы между двумя общественными системами — одной, естественным образом выросшей из положительных черт социума, привычно называемого капиталистическим, и другой, столь же естественно появившейся как попытка отрицания недостатков, которыми этот социум был наделен в той же мере, в какой обладал и достоинствами. В рамках XX века можно отметить несколько характерных исторических моментов, с каждым из которых существенно изменялась вся совокупность взглядов на социальную эволюцию.

Во-первых, в западных обществах, которые ранее рассматривались и самими их представителями, и приверженцами противоположного лагеря как наследники и продолжатели капиталистического типа общественного устройства, возникли сомнения относительно правомерности объединения в рамках понятия «капитализм» качественно различных общественных систем, представленных европейскими нациями середины прошлого и второй половины нынешнего столетия. Этот период осмысления собственного исторического места пришелся на 60-70-е годы и породил ряд весьма оригинальных философских построений, с которыми мы

будем постоянно сталкиваться на протяжении всего нашего исследования.

Во-вторых, в социалистических обществах, никогда не отличавшихся той естественностью развития, которая в значительной степени осталась присущей странам Запада, укрепилось понимание бесперспективности избранного исторического пути. Сначала данное представление ограничивалось сомнениями по поводу последовательности воплощения первоначально принятого императива, затем появились критические замечания относительно основ системы, до поры до времени заслонявшиеся успехами нового строя, а в последние десятилетия стало очевидным общее поражение социалистической системы в борьбе с западной. Распад восточного блока и отказ от формальных основ коммунистической идеологии в 1989—1991 годах означали, по сути, завершение одного из этапов трансформации обществ, революционно отказавшихся в свое время от прежнего типа развития.

Эти два обстоятельства представляются крайне тесно связанными и являют собой осмысление объективно происходивших во второй половине XX века событий, причем события эти, как ни парадоксально звучит подобное утверждение, в полной мере подтверждали как верность коммунистического тезиса о преимуществах социализма в борьбе с капитализмом и прогрессивности первого, так и убежденность западных идеологов послевоенного периода в неизбежности победы системы ценностей, присущей капиталистическому миру, над системой ценностей, доминировавшей в странах коммунистического блока.

В качестве способа объяснения этого парадокса может быть применен вариант синтеза некоторых элементов марксистской теории с воззрениями западных авторов. Согласно марксистской трактовке, в начале нынешнего столетия капитализм вступил в некую особенную, империалистическую, стадию, результатом которой должно было стать разрушение этой системы и возникновение нового общественного устройства. Империализм был назван В.Лениным кануном краха капиталистического строя, однако социалистические революции произошли в весьма ограниченном количестве стран, и марксисты в середине XX века стали искать ответы на два вопроса: во-первых, почему враждебная

им система оказалась столь живучей и, во-вторых, почему социалистический лагерь все больше и больше уступал западным странам в основных показателях экономического развития.

Между тем ответ на оба эти вопроса, причем ответ, не противоречащий марксистской доктрине, лежит на поверхности и может быть получен при отказе от одной из самых принципиальных догм, давлеющих над сознанием исследователей как на Западе, так и на Востоке, — от догмы о капиталистическом характере современных социумов в странах свободного мира.

Ответ этот очевиден: капитализм, вступая в высшую и заключительную стадию своего развития, подверг все общественные отношения, присущие данному типу социального устройства, крайнему перенапряжению, которое должно было неизбежно привести к его краху. Последнее произошло в ряде стран в ходе социалистических революций и было расценено марксистами как великая победа их учения. В странах, где изменения сопровождались меньшей волной насилия или носили преимущественно эволюционный характер, в этот исторический период кардинальным образом переродились внутренние основы общественного строя, причем иногда даже в большей степени, чем там, где пронеслись вихри революций и гражданских войн.

После Великой депрессии и Второй мировой войны западные общества претерпели изменения, которые, будучи относительно малозаметными поверхностному наблюдателю, к середине 60-х годов вывели эти социумы за пределы капиталистического строя. Этот факт был отмечен сначала осторожно, а затем более отчетливо теоретиками, принадлежащими к сторонникам концепции «постиндустриального» общества, однако адекватного противопоставления современных западных социумов капитализму в их работах не возникло вследствие применения иных классификационных подходов. Адекватное понимание меняющейся ситуации не могло зародиться и в лагере марксистов, оперировавших несовершенным определением капиталистического общества и основывавших свои построения на крайне примитивизированной теории формационной периодизации социального прогресса.

Таким образом, основные положения марксистов и современных западных идеологов относительно борьбы

двух общественных систем остаются истинными: империализм начала XX века действительно явился последней фазой капитализма, социализм некоторое время обнаруживал значительные возможности ускорения экономического развития по сравнению с капитализмом, и, наконец, преодолевшие капиталистическую стадию развития западные страны оставили далеко позади социалистический лагерь, способный эффективно противостоять иной общественной системе только в том случае, если последняя по принципам своего функционирования не отличается сколь-либо серьезно от традиционного, известного еще К.Марксу, капитализма.

Мы считаем возможным констатировать, что состояние, в котором находятся сегодня современные развитые общества Запада, не является ни капитализмом в собственном смысле этого понятия, ни социализмом в привычном для нас его понимании. Более того. Ни советские марксисты, со времен В.Ленина оперировавшие примитивным концептуальным аппаратом «теории общественно-экономических формаций», согласно которой капиталистическая «общественно-экономическая формация» сменяется коммунистической «общественно-экономической формацией», ни западные авторы, с оттенком техницизма противопоставившие новому социуму прежние индустриальные общества, не смогли, на наш взгляд, непротиворечиво определить историческое место той общности, которая сформировалась в развитых странах после второй мировой войны и с известными изменениями существует там по сей день.

Однако за дискуссиями о месте этого отрезка истории на бесконечном луче исторического прогресса теряется еще один феномен, кажущийся нам более значимым и могущий быть рассмотренным в качестве третьего важнейшего исторического поворота, которыми отмечен переломный для судеб человечества XX век.

Имеется в виду более глобальный переход, происходящий сегодня на наших глазах, — переход от «экономической» системы, являющейся специфической реакцией человека на давление внешних материальных обстоятельств и основанной на труде в собственном смысле этого понятия, к более высокой, «неэкономической» скорее по существу, нежели по форме.

Экономическая общественная формация представляется таким периодом в развитии человеческого

общества, в рамках которого люди при всех существующих между ними классовых, религиозных, профессиональных и прочих различиях оказывались равны между собой как индивиды, включенные в единую систему удовлетворения своих материальных интересов. В силу этого она может быть определена как такая форма организации социума, которая основана на труде — сознательной, но порожденной внешней материальной необходимостью деятельности человека и характеризуется частной собственностью, эксплуатацией человека человеком или группы лиц другой группой лиц, а также активным обменом продуктами труда между членами общества.

Центральным понятием теории экономической общественной формации является понятие труда — сознательной орудийной деятельности, выполняемой человеком под прямым или опосредованным воздействием внешней материальной необходимости. В советской социологической доктрине, направленной на подчеркивание огромной роли труда в социальном развитии, труд не получил адекватного определения. Между тем в западной традиции начиная с Г.Гегеля и кончая А.Маршаллом и современными социологами труд трактовался со все большей однозначностью как отчужденная деятельность, не столько адекватная внутренней природе человека, сколько господствующая в рамках исторического периода, предшествующего эпохе наиболее полного проявления этой внутренней природы. Определяя вслед за А.Маршаллом труд как «всякое умственное или физическое усилие, предпринимаемое частично или целиком с целью достижения какого-либо результата, не считая удовлетворения, получаемого непосредственно от проделанной работы»[1], современные западные философы рассматривают последние изменения в мотивации и характере орудийной деятельности в качестве обусловливающих переход от труда к более высокому типу человеческой активности.

Такая трактовка труда, которая может быть названа ограничительной, позволяет более полно определить сущность этого понятия и выявить его основные черты,

---

[1] *Маршалл А.* Принципы политической экономии. Т.1. М., 1983. С.124.

а также адекватным образом описать то общественное состояние, которое основано на трудовой деятельности и предполагает ее в качестве своей характерной черты. Более того. Исследование характера, степени свободы от внешних материальных обстоятельств и типа побудительных мотивов современной деятельности дает возможность лучше, чем каким-либо иным способом, понять важность и значимость того исторического перехода, который отделяет всю предыдущую историю человечества от наступающего постэкономического состояния.

Противоречия, существовавшие в советских теориях труда, восходят к трактовкам возникновения этого вида деятельности, содержащимся в работах Ф.Энгельса. В марксизме распространен тезис о том, что «труд создал самого человека», что именно орудийная деятельность привела к совершенствованию физиологических и психологических черт предков человека, позволившему ему выделиться из животного мира. Однако данные формулировки некорректны изначально. Труд, определяемый в марксистской концепции как осознанная орудийная деятельность, сам по себе не мог заложить фундамент для развития того сознания и абстрактного мышления, которыми он по определению характеризуется. Так же он не мог и создать «самого человека», рассматриваемого обычно в качестве существа, способного к орудийной деятельности и абстрактному мышлению. Поэтому логично предположить, что труд не был изначально свойственен человеческим индивидам.

В течение длительного промежутка времени, целой исторической эпохи, человечество руководствовалось в своей деятельности инстинктами, лишь незначительным образом усовершенствованными зарождающимся сознанием. Подобный тип активности обычно называют инстинктивной предтрудовой деятельностью, а иногда даже и совершенно иррационально: «инстинктивным трудом».

Инстинктивная деятельность не предполагает в полной мере развитого абстрактного мышления и рефлексии. Это означает, что человек не воспринимает свою деятельность как проявление формы связи собственного «я» с окружающим миром, а ее мотивы — как продукт сознания. Инстинктивная активность основана на системе заложенных природой и изменяющихся в соответствии с принципами эволюции внутри вида стереотипов

поведения и не предполагает осознания индивидом своего места в мире и значения своего действия для его изменения.

Следовательно, предтрудовая инстинктивная деятельность, с одной стороны, *не является разумной*, так как ее субъект осуществляет лишь некий стереотипный набор действий, не обогащенный осмыслением внешних обстоятельств, и, с другой стороны, оказывается порожденной *внутренними обстоятельствами*, поскольку в период преобладания инстинктивных форм поведения несправедливо говорить о природе как о внешнем по отношению к субъекту факторе, ибо сам субъект полностью подчиняется закономерностям, существующим в окружающем его мире.

Напротив, труд, знаменуя своим возникновением гигантскую революцию в истории человечества, характеризуется диаметрально противоположными чертами. С одной стороны, трудовая деятельность в собственном смысле этого слова имеет явно разумный характер; современные антропологические исследования исходят из того, что о возникновении труда свидетельствует появление сложных орудий, создаваемых из двух и более элементов, обработка каждого из которых предполагает повторяющиеся усилия неслучайного характера. С другой стороны, формирование навыков, отличных от обусловленных инстинктами, означает, что человек осмысливает и перерабатывает сигналы, поступающие из внешнего мира; таким образом, трудовая деятельность порождается внешними обстоятельствами именно в той же степени, в какой является разумной.

Связь разумного характера трудовой деятельности с ее внешней обусловленностью совершенно очевидна и подчеркивается тем, что само становление абстрактного человеческого мышления и формирование осознанных стандартов поведения выступают как бы противоположной стороной процесса выделения индивидуального «я» из однородной среды, мира, не расчленяемого в рамках инстинктивных действий. Поэтому *труд* служит антитезой (логической и исторической) процессу *инстинктивной деятельности* и представляет собой вторую и основную из известных сегодня форму человеческой активности.

Однако, коль скоро появляется некое подобие диалектической триады и коль скоро очевидно, что труд не

возник вместе с человеком, резонным оказывается предположение о том, что он не всегда будет оставаться чертой сообщества человеческих существ. Какой же тип деятельности может прийти на смену труду и чем он будет характеризоваться?

Логически этот тип человеческой деятельности выступает в качестве замыкающего элемента диалектической триады — синтеза, содержащего в себе в «снятом» виде принципиальные характеристики тезиса и антитезиса. Деятельность человека на более высоком, нежели ныне наблюдаемый, уровне эволюции вряд ли утратит свой разумный характер, так как сегодня он в большей степени, чем когда-либо ранее, стал заложником собственного отношения к окружающей природе и к себе подобным. Новые технологии, как производственные, так и социальные, требуют от человека в высшей степени рационального поведения, оптимально соразмерного реакции окружающей среды на предпринимаемые усилия. Менее бросается в глаза иное обстоятельство: преобразовав природу, создав новые технологии, предельно обезопасив условия собственного существования и обеспечив фактически полное удовлетворение основных материальных потребностей, столь тесно ранее привязывавших его к природе, человек тем самым инкорпорировал в самого себя многие из тех связей и закономерностей, которые доселе воспринимались им как внешние и не зависимые от него. Материальные интересы отдельных индивидов оказываются удовлетворяемы без усилий, необходимых для этого прежде. В результате всех указанных изменений человеческая деятельность, не теряя своего разумного характера, утрачивает специфически трудовые мотивы, «внешность» побуждающих ее обстоятельств и перерождается в тот синтетический тип активности, который можно определить как *творчество*.

Творчество выступает в качестве вида деятельности, наиболее совершенного из всех тех, *которые сегодня могут быть избраны объектом научного анализа*. Творческая деятельность характеризуется осознанностью и внутренней, имманентной самому активному субъекту системой мотивации. Наиболее принципиальный мотив творческой деятельности — стремление индивида реализовать самого себя в свободной, не зависимой от внешних материальных условий активности.

Поэтому творчество имеет целый ряд существенных отличий от труда, а историческая граница между ними является тем эпохальным переходом, который К.Маркс называл «скачком из царства необходимости в царство свободы»; мы же говорим в данном случае об историческом пределе развития экономической общественной формации и становлении формации постэкономической.

Именно *постэкономическая общественная формация* и служит предметом нашего анализа. Специфика исследования данного предмета состоит в том, что все принципиальные закономерности и методологические приемы анализа прошлых общественных форм оказываются категорически неприемлемыми для решения новых задач. Тот факт, что творческая деятельность происходит на уровне субъект-субъектных взаимодействий и результат ее не подлежит объективной оценке, свидетельствует о невозможности фиксации анализируемых нами изменений на уровне категорий традиционной экономической теории: разговоры о модификации основного и исходного производственных отношений, анализ противоречий, складывающихся на уровне базисных отношений способа производства, уже не имеют смысла. *Впервые не общественные отношения определяют субъективные характеристики и системы предпочтений индивидов, а степень внутренней свободы человека, зависящая только от него самого, детерминирует тип общества и направленность путей прогресса.* В этом принципиальное отличие постэкономической общественной формации от доэкономической, где степень свободы индивида была тождественна степени свободы одного элемента естественной природной среды от прочих составляющих, и от экономической, где она определялась мерой развития производительных сил и базовыми экономическими отношениями.

Первым «сигналом», свидетельствующим о серьезной модификации отношений, характерных для экономической общественной формации, и подтверждающим, в частности, изменения фундаментальных черт человеческой активности, становится диффузия *стоимости*, являющейся одной из важнейших составляющих системы производственных отношений экономизированного общества.

Концепция стоимости, основы которой (в частности, закрепление связи между стоимостью товара и зат-

ратами человеческого труда на его создание) были заложены задолго до возникновения классической политической экономии, постоянно совершенствовалась в направлении поиска возможно более полного и корректного определения своего базового понятия. Наиболее удачным примером такого определения мы считаем общеизвестное положение К.Маркса, содержащееся в третьем томе «Капитала», где автор подчеркивает, что «стоимость всякого товара... определяется не тем необходимым рабочим временем, которое заключается в нем самом, а рабочим временем, *общественно* необходимым для его воспроизводства»[1].

Из данного определения с очевидностью вытекают два обстоятельства, и если первое из них так или иначе признается в рамках марксистской традиции, то второго, как правило, просто не замечают.

Стоимостью обладают только те блага, которые постоянно могут воспроизводиться, причем объем такого воспроизведения ограничен только долей общественных усилий, направляемых на создание подобных благ, но никакими иными объективными обстоятельствами. В противном случае, когда полученный продукт уникален и невоспроизводим, количественная определенность стоимости утрачивается, и возникает иррациональная квазистоимостная форма оценки соответствующего продукта.

Между тем стоимость является *формой* соизмерения благ, но не ее *причиной*. Мы полагаем, что соизмеримость благ возможна только в том случае, когда удается соотнести воздействие на человека разного рода материальных потребностей, реакцией на которые и становится трудовая деятельность. Именно так, с нашей точки зрения, всегда определялась стоимость производимых товаров и услуг. Это обстоятельство, однако, фактически никогда не рассматривалось советскими исследователями, но оно исключительно важно для понимания исторических перспектив развития стоимостных отношений.

Принимая положение о том, что стоимость в конечном счете вызывается к жизни степенью актуальности потребности человека в том или ином благе,

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.25. Ч.I. С.153.

провоцирующей соответствующую трудовую деятельность, и количественно определяется степенью сопротивления природной среды воздействию на нее человека[1], мы приходим к пониманию того обстоятельства, что стоимостные отношения могут быть полностью преодолены только тогда, когда материальные потребности человека окажутся настолько удовлетворенными, что перестанут быть основным источником, обусловливающим его активность. Это означает, что стоимостные характеристики продукта существуют только там и тогда, где и когда данный продукт (и большинство производимых в рамках всего социума продуктов) является результатом деятельности, порожденной внешними материальными обстоятельствами. *Деятельность, мотивация которой свободна от факторов, определяемых материальными интересами, не создает стоимости.*

Таким образом, исторически период существования стоимостных отношений ограничен периодом господства трудовой деятельности, и подрыв стоимостных отношений в современных постиндустриальных странах, мало у кого вызывающий сомнения, представляется косвенным свидетельством завершения экономической общественной формации, хотя такое утверждение требует многих оговорок и дополнительной конкретизации.

Вторым важнейшим фактором, обнаруживающим кризис экономической формы организации общества на современном этапе, является неопределимость количест-

---

[1] Это положение, несмотря на свою кажущуюся странность, фактически является переформулированным определением стоимости, данным К.Марксом и процитированным нами несколько выше. В определении К.Маркса связываются воедино два обстоятельства: общественно необходимые затраты труда и проблема воспроизводства блага. Однако объемы воспроизводства продукта отражают именно степень актуальности общественной потребности в соответствующем благе, т.е. меру усилий, которые общество способно затратить на его производство, тогда как общественно необходимое рабочее время, воплощенное в товаре, свидетельствует о степени преодолеваемости сопротивления сил природы при данном уровне технологии и производительности труда. Поэтому здесь мы лишь незначительно изменили марксово определение, а отнюдь не предложили кардинально отличный подход к проблеме стоимости.

венных параметров эксплуатации и в силу данной причины фактическое ее устранение.

Эксплуатация человека человеком, группы людей другой группой людей или человека социумом рассматривается в марксистской теории как фундаментальная черта экономической общественной формации. Там, где человек осознал собственное «я» и где главным мотивом деятельности субъекта выступает воспроизводство материальной жизни, неизбежно сталкиваются материальные интересы различных субъектов. При этом очевидно, что всю экономическую общественную формацию отличает, помимо трудового характера господствующей в ней деятельности, также и нехватка необходимых обществу материальных благ (несомненность этого утверждения проистекает из данного нами определения труда как деятельности, направленной на удовлетворение материальных интересов и в случае отсутствия таковых перерождающейся в иные виды активности).

Коль скоро совокупность материальных благ ограничена и значительная часть мотивов деятельности связана с удовлетворением материальных потребностей, социальные противоречия на этой основе являются неизбежными. В зависимости от условий существования того или иного социума они принимали различные формы — от кастовых государств Востока и античных полисов до фабричного капитализма с его гарантиями политической свободы, но в любом случае возникал конфликт между экономической (и политической) элитой и производителями материальных благ, а цели эксплуататоров, непосредственно не принимающих участия в производстве, и эксплуатируемых становились диаметрально противоположными. Изменение характера человеческой деятельности, происходящее вместе с насыщением материальных потребностей человека и снижением роли закономерностей экономического типа, приводит к значительной модификации эксплуатации, ставящей сам этот феномен перед фактом исчезновения.

Развитие производства уникальных и невоспроизводимых благ, подрывающее действие закона стоимости и делающее значительное количество товара несопоставимым, столь же сильно затрудняет и пресловутое разделение рабочего времени на необходимое, то есть то, в течение которого работник воспроизводит эквивалент своей заработной платы, и прибавочное, в течение кото-

рого создается прибыль, присваиваемая капиталистом. В еще большей степени это обстоятельство относится к сфере производства разного рода нематериальных благ и информации, когда индивидуализированной становится не только сфера производства, но и сфера потребления, что делает стоимостные характеристики иррациональными.

Однако гораздо более масштабные перемены обусловливает появление творческой деятельности как активности, свободной от мотивов, порожденных материальными интересами. Это означает, что таковая деятельность может иметь материальный результат не в качестве своей цели (каковой выступает либо удовлетворение, получаемое непосредственно от процесса деятельности, либо самореализация в ней, либо совершенствование собственных возможностей и способностей), а лишь в качестве побочного следствия. В таком случае интересы создателя блага и его потенциального потребителя (или лица, присваивающего его продукт) не оказываются противопоставленными тем антагонистическим образом, который предопределял эксплуатацию.

Таким образом, мы вновь попадаем в круг проблем, носящих в большей мере психологический, нежели политико-экономический, характер. В нынешних условиях проблема эксплуатации как никогда ранее несводима лишь к одной, объективистской ее стороне. Будучи тесно связана с мотивами человеческой деятельности и с той целью, которую ставит перед собой активный субъект, она уже не может констатироваться только на основе анализа вещных результатов человеческой деятельности. Поэтому эксплуатация, чисто количественное определение которой усложняется по мере развитости постиндустриального хозяйства, подрывается и устраняется только тогда, когда исчезает субъективное восприятие постоянно воспроизводящегося противоречия между материальными интересами отдельных членов общества.

Итак, эксплуатация воздействует на общественные отношения до тех пор, пока большинство людей с их утилитарными потребностями являются винтиками единой машины, всецело зависимыми от воли другого человека, организации, государства или просто от элементарных биологических потребностей. В той же степени, в какой в условиях массового производства неиндиви-

дуализированных материальных благ в полной мере действуют открытые К.Марксом закономерности стоимостного обмена, феномен эксплуатации имеет благодатную почву лишь в условиях массового производства человека, в условиях неиндивидуализированного сознания, устраняясь вместе с преодолением в индивидуальном сознании целей обретения материального благосостояния, неизбежным атрибутом системы которых он является.

Изложенное означает, что в обществах, достигших постиндустриальной стадии развития, произошли гигантские сдвиги. Основой эволюции таких обществ становится преодоление системы экономических отношений, базирующейся на трудовой деятельности, стоимостном характере обмена ее результатов и эксплуатации человека человеком. Все эти признаки конституируют историческую эпоху, названную основоположниками марксизма экономической общественной формацией. Их отрицание, напротив, знаменует наступление новой эры, которую можно определить в качестве формации постэкономической. Это состояние общества не тождественно ни новой фазе капитализма, ни ступени развития социалистического общества; оно не определимо на сегодняшний день в категориях традиционной политической экономии, однако наблюдаемый в последние десятилетия переход является величайшей социальной революцией, которую когда-либо переживало человечество. Именно оценкам этой революции и открываемых ею перспектив и посвящено наше исследование.

Глава первая

СТАНОВЛЕНИЕ МЕТОДА

Исследование теорий истории, созданных выдающимися гениями человечества, — не только необходимое условие осмысления представлений современных авторов о течении исторического процесса, но и важный источник понимания самих закономерностей человеческой цивилизации. Хотя развитие философских взглядов на общество и его историю — феномен, безусловно, более сложный и многомерный, чем сама история, и дальше отстоит от управляющих движением социума глубинных закономерностей, оно тем не менее заключает в себе в некотором смысле даже больше информации о путях и тенденциях прогресса, нежели исторические материалы как таковые.

История знает много примеров того, как под воздействием обстоятельств движение общества принимало порой самое неожиданное направление, и в некоторые моменты могло показаться, что прогресс сменился регрессом. Развитие цивилизации отнюдь не представляет собой прямой линии, и подчас казавшиеся современникам совершенными системы общественного устройства уничтожались менее высокими, а великие очаги культуры угасали под пятой поправших их варваров. Однако во все времена сохранялся процесс, в гораздо меньшей степени испытывавший на себе воздействие подобного рода посторонних факторов. Этим процессом был и остается процесс познания пройденного пути. Если в вооруженном столкновении двух государств одно неминуемо терпит поражение и приходит в упадок, то противоборство философских направлений никогда не заканчивается тотальным торжеством одного из них; если война несет каждому государству, в ней участ-

вующему, разрушения и потери, то любая серьезная дискуссия философов различных направлений лишь взаимно укрепляет позиции обеих сторон.

В силу того, что любая идеология может изжить себя только тогда, когда полностью отойдут в прошлое, да еще и успеют быть основательно забытыми коллективной памятью человечества все вызвавшие ее к жизни материальные и духовные предпосылки, смена господствующих исторических воззрений происходит намного медленнее, чем изменяется их объект. Таким образом, ценность изучения развития взглядов на общество определяется в конечном счете тем, что оно иногда даже в большей степени, чем анализ конкретных исторических событий, дает возможность понять истинный характер движения цивилизации.

Задачи нашего исследования, связанные с изучением генезиса постэкономической общественной формации, выделением черт, отличающих ее от доэкономической и экономической эпох, обусловливают особенное внимание к строгой *периодизации* исторического процесса. Именно *принципы, на основании которых производится выделение отдельных стадий исторического прогресса*, рассматриваются нами как основополагающие для теории истории, а мера внутренней субординированности этих принципов и соответствия выстраиваемой на их основе картины реальным процессам — как показатель ее *адекватности*.

Однако совершенно очевидно, что критерии периодизации истории, как и сама эта периодизация, зависят в значительной мере от субъективного подхода исследователя. Иначе невозможно объяснить наличие столь многообразных суждений об истории при единстве объекта исследования. Основу же для понимания того, почему тот или иной теоретик избирает ту или иную систему критериев для периодизации истории, следует искать в духовном состоянии и уровне развития философской и исторической мысли современной ему эпохи. Не вызывает сомнений, что такая постановка вопроса, требующая к тому же учета субъективных особенностей того или иного автора, приводит к выводу о невозможности получения строгого научного результата в изучении эволюции принципов периодизации истории. Однако можно отметить некоторые общие закономерности, дающие определенные средства для пони-

мания характера и форм совершенствования этих принципов.

С того самого времени, как в философии истории утвердилась идея прогресса, возникло и укоренилось в сознании исследователей наивное заблуждение, приверженность которому объединяет сторонников столь различных представлений об историческом развитии, что между ними, казалось бы, не может быть ничего общего. Этот предрассудок сводится к утверждению, прямому или косвенному, о том, что именно современная автору историческая эпоха содержит в себе величайшую революцию, переживавшуюся когда-либо цивилизацией. При этом следующие такому взгляду авторы смело проводят через близкий им исторический период принципиальную грань, разделяющую человеческую историю на «до» и «после».

Подобный подход легко поддается объяснению. Любому познающему человеку вполне *свойственно переоценивать значение современного ему периода истории* уже хотя бы потому, что это *тот единственный миг мироздания, в котором ему предначертано существовать*. Поэтому объективно пролегающая через каждого человека граница между прошлым и будущим, представляющая собой любое мгновение его собственного бытия, заведомо более значима для него, чем самый знаменательный переворот, разделявший минувшие исторические события. Как следствие, исследователь, зачастую преувеличивая значимость современного момента, максимально принижает важность предшествовавших ему перемен, вычленяет в прошлом в качестве исторических вех малозначительные события. Применяется подход, удачно охарактеризованный Ф.Бэконом словами: «nos nihil magni fecisse, sed tantum ea, quae pro magnis habentur, minoris fecisse». Акцентируя внимание на раздробленности исторического прошлого, философы тем самым посвящали свои теории доказательству *неделимости и завершенности будущего состояния по отношению ко всем минувшим историческим эпохам*.

Однако развитие исторической мысли с неизбежностью приводило к тому, что подобные подходы находили все меньше и меньше приверженцев. Все менее и менее значительными становились признаки, на основе которых выделялась вторая гигантская эпоха все-

мирной истории; росло и понимание того, что многократно провозглашаемые исторические изменения оказывались всего лишь прелюдией к новому непродолжительному периоду, который отнюдь не является неделимым, а представляет собой целый ряд мимолетных состояний. Поэтому с течением времени скрупулезное вычленение отдельных периодов в историческом прошлом человечества наряду с признанием самодовлеющего характера наступающего «завтра» постепенно стало вытесняться новым методологическим подходом.

Им оказался метод, делящий исторический процесс на *три большие эпохи и дополняющийся дальнейшим его членением внутри каждой из них*. Данный подход, или, по крайней мере, его методологические основы, имеет фактически столь же продолжительную историю, как и первый, однако в отличие от него может зародиться только тогда, когда философия истории начинает устойчиво строиться на признании прогрессивного характера развития цивилизации.

Переходя к беглой оценке теорий периодизации общественного развития, мы построим изложение материала в соответствии с рассмотренными выше принципами.

Концепции истории, которые были отмечены нами вначале, мы назовем, пусть это и будет несколько условно, *неадекватными*. В данное понятие вкладывается несколько смысловых оттенков. Во-первых, подобные теории несут на себе отпечаток переоценки значения современного автору исторического периода, что вызывает сдвиг акцентов в периодизации общественного прогресса с сущностных на более поверхностные и легко наблюдаемые моменты. Во-вторых, сама периодизация, как правило, осуществляется в соответствии с критериями, не являющимися однопорядковыми по уровню своей сущности, что делает концепцию в целом недостаточно логичной и не только уязвимой для критики, но и приходящей в противоречие с реальной действительностью. В-третьих, концепции такого рода используют внешний по отношению к общественному организму критерий прогресса или даже вовсе отказываются от него; таким образом, цель развития общества задается извне, что заведомо делает концепцию неприменимой к анализу социального развития и затрудняет

ее верификацию по отношению к реальным фактам общественного прогресса.

Помимо этого существуют концепции развития, которые, на наш взгляд, лежат *на пути к достижению* искомой *адекватности*. Выдвигающие их авторы с большей или меньшей критичностью выступают против абсолютизации значения современного им исторического периода, вплоть до отказа признать его сколь-либо значимым, стремятся осуществить периодизацию истории исходя из имманентных самому общественному организму критериев, причем постепенно преодолевается разграниченность истории на «до» и «после» того периода, из которого производится «наблюдение». В качестве весьма важного признака подобных концепций следует отметить строгое отношение исследователей к критериям периодизации и приобретение такими критериями достаточно субординированного характера.

И, наконец, существуют теории, которые мы условно назовем *адекватными*. В них отчетливо прослеживается диалектическая триада в членении исторического процесса, формулирование критериев, используемых для периодизации, проводится на одном сущностном уровне, что позволяет теории достичь высокой степени внутренней строгости и соответствовать реальному ходу исторического процесса, не только описывая, но также объясняя и отчасти предсказывая его. Число таких теорий на сегодняшний день измеряется десятками. Как правило, методологическая зрелость подобных концепций, каждая из которых не претендует на описание всей полноты человеческой истории (как во временном, так и в качественном аспекте), позволяет им сосуществовать, дополняя и обогащая друг друга.

Сделав эти предварительные замечания, мы можем непосредственно обратиться к очеркам теорий общественного прогресса, созданных великими философами прошлого. Цель и характер нашего исследования позволяют нам, однако, рассмотреть лишь общие направления совершенствования социальной теории, ибо прослеживающиеся в этом исключительной сложности процессе тенденции интересуют нас в большей степени, нежели собственно взгляды тех или иных авторов.

Неадекватные теории

Исторические концепции, относимые нами к разряду неадекватных, чрезвычайно разнообразны и встречаются на протяжении всей истории европейской социальной философии. Они характеризуются положениями, которые в той или иной степени делают данную доктрину неспособной описать историю человечества исходя из саморазвития внутреннего движущего начала прогресса цивилизации.

В зависимости от эпохи, в которой жили авторы, придерживавшиеся подобных позиций, они либо вообще отрицали прогрессивный характер движения социума, либо оценивали его развитие с точки зрения внешних по отношению к общественному целому факторов, либо отказывались от серьезной периодизации исторического прогресса, предпочитая противопоставлять наступающее будущее всей предшествующей истории.

Мы попытаемся проиллюстрировать эти обстоятельства на примере краткого обзора неадекватных представлений об истории, начиная с древнегреческих концепций и завершая теориями утопического коммунизма XIX века.

Постулаты античной традиции

Античная философия истории неотделима от общих основ древнегреческого мировоззрения. Наиболее серьезное влияние на ее становление оказали два обстоятельства: мифологизированный характер античного мировосприятия и предпринимавшееся большинством греческих авторов перенесение фундаментальных философских основ их естественнонаучных учений на представления о социальном развитии.

Древнегреческая мифология носила в своих принципиальных чертах явственно выраженный внеисторический характер. В отличие от религиозных доктрин более позднего времени античная вера не предполагала некоего центрального исторического момента, связанного с определенными сверхъестественными проявлениями или развитием религиозного чувства, который мог бы стать вехой на пути развития цивилизации. Проповедуя бессмертие богов олимпийского сонма и

фактически отождествляя их с явлениями природы, древние приходили к неизбежному выводу о том, что повторяющиеся циклическим образом процессы, олицетворенные божественной волей, представляют собой эталон любого развития. Направленное же развитие оказывалось в таком случае исключением из общего хода истории, аномалией, которая изначально не могла восприниматься как нечто положительное.

Именно так можно объяснить характер первой попытки описать человеческую историю, предпринятой Гесиодом в VIII веке до нашей эры. Изобразив человечество в его первоначальном состоянии как пребывающее в условиях «золотого века», где люди «сколько хотелось, трудились, спокойно сбирая богатства»[1], он создал картину нарастания бедствий и страданий человеческого рода, происходившего от века к веку, и пришел к выводу о том, что современным людям «нет передышки и спасения от труда, и от горя, и от несчастий»[2]. При этом следует отметить, что Гесиод является автором и другой концепции — концепции становления организованной природы из первоначального Хаоса, предполагавшей постепенное усложнение и субординацию природных явлений, но субординацию, имеющую своим венцом достижение природой того состояния круговращения, которое одно только и может считаться совершенным типом движения.

Но даже в античное время идеи Гесиода не могли считаться основанием концепции истории; они не объясняли ни возникновения человеческого общества, ни протекающих в нем процессов. Реальное становление традиции началось на триста лет позднее, когда Демокрит и Антифонт предприняли крайне абстрактное описание появления человека как звероподобного существа, постепенно поднимавшегося до его нынешнего состояния. Однако эти воззрения, равно как и представления Гесиода (хотя по проповедуемой направленности развития данные концепции являются совершенно противоположными), не в полной мере согласовывались с основами античной методологии, абсолютизировавшей значение кругового движения.

---

[1] *Гесиод*. Труды и дни, 119—120.

[2] Там же. 176—177.

Поэтому задачей наиболее знаменитых философов античности стало устранение противоречия между относительно направленным развитием человека в период его становления как субъекта общества и проповедуемым ими, исходя из общеметодологических посылок, круговращательным характером социального движения.

Платон, один из выдающихся философов античного периода, также полагал, что человечество начало свою историю с «золотого века»[1], однако было выведено из этого состояния богами, направившими на Землю потоп, что ознаменовало главную катастрофу в истории человеческого рода. Платон стремится, насколько это возможно, не рассматривать период достижения человечеством общественного состояния, а анализировать только тот отрезок истории, в рамках которого хорошо прослеживается циклический характер развития социума.

Подход философа к становлению общества (или государства, что в концепции Платона фактически одно и то же) представляется значительным достижением социальных теорий того времени. Отмечая, что движение в сторону создания государства может инициироваться не только представителями «сильных», то есть господствующего класса, но и «слабыми», объединяющимися перед лицом угнетения, Платон рассматривает возникновение государства как объективную потребность человеческого сообщества: «государство возникает... когда каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но нуждается еще во многом»[2], а его формирование описывается как процесс, в ходе которого «в общение... вступает все большее и большее количество людей, составляя большие по размеру сообщества»[3].

Однако при этом Платон полагает, что создание государства все же представляет собой волевой акт, конституирующий законы новой общности и форму правления[4]. Именно последнее Платон называет основной характеристикой государственного образования и поэтому сосредоточивает внимание на смене форм

---

[1] См.: *Платон.* Законы 679 d.

[2] *Платон.* Государство 369 b.

[3] *Платон.* Законы 680 e.

[4] См.: Там же. 681 c-d.

организации государства, каковых он насчитывает четыре: тимократия, олигархия, демократия и тирания[1]. Оценивая историю их возвышения и падения, философ обнаруживает, что они исторически замещают друг друга в поименованном порядке, а затем возвращаются вновь. При этом серьезных экономических изменений не отмечается; классовая структура общества и разделенность его на свободных и рабов принимаются как данное.

У Платона мы находим тезисы, позволяющие понять воззрения греческих авторов на соотношение прогресса и цикличности. Философ констатирует, что «движение, происходящее вокруг какого-то центра... насколько только это возможно, во всех отношениях подобно и всего более близко к кругообращению Ума», и продолжает: «Раз душа производит у нас круговращение всего, то по необходимости надо признать, что попечение о круговом движении неба... принадлежит душе»[2]. Таким образом, проявление в социальной жизни элементов круговращения оказывается возможным только тогда, когда в обществе начинает преобладать разумное начало, когда создается государство; и напротив, на том отрезке истории, где люди были оставлены попечением богов, но не поднялись до самоорганизации, может иметь место направленное развитие.

Аристотель, второй гений античности, исходил в своих исследованиях из тех же постулатов. В его социальной философии мы находим более активное перенесение натурфилософских методов в философию истории. Главной идеей аристотелевской доктрины становится обоснование полного отказа от рассмотрения того прогрессивного периода в истории цивилизации, существование которого допускали его предшественники. Аргументом в пользу признания человека «общественным животным» для Стагирита служит следующее рассуждение. «Очевидно, — пишет он, — государство существует по природе и по природе предшествует (?! — *В.И.*) каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к госу-

---

[1] См.: *Платон*. Государство 544 с.

[2] *Платон*. Законы 898 а, 898 с.

дарству такое же, как отношение любой части к своему целому... а необходимо, чтобы целое предшествовало части»[1].

В соответствии с этим положением Аристотель рассматривает «государственнические» принципы организации любого человеческого общения как данность. Семья и селение, две формы общежития в его теории, иногда толкуемые комментаторами как исторические ступени генезиса государства, являются не более чем логическими категориями. Уже на этих ступенях развития Стагирит констатирует свойственные любому государству формы подчинения (устойчивое подчинение женщин мужчинам и рабов свободным и относительное подчинение младших старшим), а также определяет три формы отношений (господское, брачное и отцовское)[2].

Подобный подход, в значительной степени внеисторический, обусловливает и пренебрежительное по сравнению с Антифонтом и Платоном отношение Аристотеля к проблеме общественного договора. Факт искусственного создания государства не расценивается им как нечто эпохальное; Стагирит лишь вскользь замечает, что «во всех людей природа вселила стремление к государственному общению, и первый, кто это общение организовал, оказал человечеству величайшее благо»[3].

Основная часть политической теории Аристотеля, как и Платона, связана с эволюцией формы государственного устройства. Различая три основные формы управления — монархию, аристократию и политию[4], Аристотель рассматривает также и производные от них, извращенные формы — тиранию, олигархию и демократию[5]. Стагирит очень подробно описывает процесс перехода от одной из государственных форм к другой, однако причины изменений и их общая направленность фактически не анализируются. Некоторая предопределенность развития форм государства (как пишет Аристотель, «вообще, в какую сторону клонится государственный строй, в том направлении и происходит из-

---

[1] *Аристотель.* Политика 1253 a25—28, a20.

[2] См.: Там же. 1252 b22 — 1253 b14.

[3] Там же. 1253 a30—31.

[4] См.: Там же. 1279 a33—37.

[5] См.: Там же. 1279 b4—10.

менение... полития, например, перейдет в демократию, аристократия — в олигархию»[1]) ограничена в концепции философа единым принципом: та или иная социальная форма, существовавшая ранее, так или иначе возвратится вновь, ибо самым совершенным видом движения является, по Аристотелю (и в этом он полностью солидарен с другими авторами своего времени), движение круговое[2].

Таким образом, уже в творчестве Аристотеля сформировался статический подход к качественным характеристикам человеческого общества, в котором ничто, кроме внешних форм государственного общежития, не мыслилось изменяемым. Последователи греческой традиции, в частности римские философы, лишь усугубили данные представления. Полибий, видный историк и социальный философ, очень хорошо дает в своей «Всеобщей истории» картину мира, какой она виделась римлянину.

К этому времени принцип первичного единовластия в государстве казался аксиомой, и предполагалось, что «единовластие возникает без всякого плана, само собою»[3]. Концепция круговращения, опять-таки ограниченная изменениями политического строя, также казалась незыблемой, ибо никто не сомневался, что именно таков «круговорот государственного общежития... порядок природы, согласно которому формы правления меняются, переходят одна в другую и снова возвращаются»[4]. Принцип круговращения получил тогда сильное эмпирическое подтверждение в виде исторического опыта поздних эллинских государств, погрязших в гражданских войнах. Прослеживался и более глобальный виток круговращения, связанный с подъемом Рима, уже фактически превратившего Средиземное море в свою внутреннюю акваторию. Поэтому циклическая концепция становилась уже не только средством описания истории, но и средством социальной экстраполяции. «По отношению ко всем эллинским государствам, — писал Полибий, — которые неоднократно то возвышаются, то

---

[1] *Аристотель.* Политика 1307 a21—23.

[2] См.:*Аристотель.* Физика VIII, 9.

[3] *Полибий.* Всеобщая история VI, 4(7).

[4] Там же. VII, 9(10—11).

приходят в упадок, легче бывает и излагать предшествующую историю, и предсказывать будущее. Ибо нетрудно передать, что знаешь, и легко предсказать будущее на основании прошлого»[1].

Последний шаг к теории абсолютного циклизма был сделан на закате античной эпохи, и формальным его основанием стали воззрения Лукреция, известного римского материалиста. Развивая видение мира атомистами Демокритом и Эпикуром, Лукреций утверждал, что всяческое движение происходит из-за перемещения атомов, а их непрекращающиеся колебания то создают новые формы, то разрушают их, открывая взору человечества другие, но лишь для того, чтобы с течением времени вернуться к первоначалу. Применительно к обществу Лукреций высказал мысль о том, что оно уже достигло высшей точки своего развития и скоро должен начаться спад, знаменующий собой новый виток кругового движения. Идею тотального круговращения поддерживал и Тацит, отмечавший, что «всему существующему свойственно некое круговое движение, и, как возвращаются времена года, так обстоит дело и с нравами»[2].

К третьему веку нашей эры теория круговращения была сформулирована в своей наиболее полной и самодовлеющей форме в исследованиях представителей школы неоплатоников. Плотин, основатель этого учения, писал: «Единое есть все и ничто, ибо начало всего не есть все, но все — его, ибо все как бы возвращается к нему, вернее, как бы еще не есть, но будет»[3]. Другой неоплатоник, Прокл, продолжил мысли Плотина, считая, что в состоянии круговращения находятся все основные мировые сущности. Он указывал: «Все первично движущее само себя способно возвращаться к самому себе»[4], и конкретизировал это положение относительно сущностей менее глубокого порядка: «Все эманирующее из чего-то по сущности возвращается к тому, из чего эманирует»[5]. Ему же принадлежит и положение, определенным образом разъясняющее ход цикла. «Все

---

[1] *Полибий.* Всеобщая история VI, 3(1—3).

[2] *Тацит.* Соч. Т.1. Л., 1969. С.106.

[3] *Плотин.* Эннеады V 2, 1.

[4] *Прокл.* Первоосновы теологии, 17.

[5] Там же. 31.

эманирующее, — писал Прокл, — из определенного множества причин возвращается через столько причин, через сколько эманирует. При этом всякое возвращение совершается через те причины, через которые эманирует»[1].

Циклизм в данных формулировках доведен до высшей степени и одинаково применяется к анализу как природы, так и общества. Проповедовавшие циклический характер движения античные авторы не заметили даже того очевидного обстоятельства, что развитие циклической теории истории в античный период оказалось направленным, что первоначально существовавшие в концепции противоречия постепенно преодолевались и она приобретала большую цельность (в то время как предполагавшая прогрессивный характер развития социума христианская трактовка, напротив, обнаружила в своем собственном развитии элемент зацикленности)[2]. Сущностные изменения социального строя остались за рамками их воззрений, и, разумеется, их концепции не могут быть включены в число адекватных исторических построений.

Главной причиной неадекватности античных исторических теорий стала их обусловленность специфической религиозной доктриной соответствующей эпохи. Если в более поздних религиях, таких, как христианство или ислам, религиозные события разворачивались как бы на фоне человеческого общества, а центральными проблемами становились проблемы морального характера, то есть вера изначально была социализирована, то в античных представлениях религия объясняла не столько первопричину мира, сколько каждый отдельный элемент мировой схематики. В результате реальным божеством оказывалась сама природа, божественным порядком вещей становился порядок, задаваемый последовательно сменяющимися природными состояниями, а социальные отношения, более сложные и разнообразные, не могли быть адекватно описаны исходя из соответствующих методологических оснований.

---

[1] *Прокл.* Первоосновы теологии, 38.

[2] Подробнее см.: *Иноземцев В.* Summa contra principi. // «Свободная мысль». 1993. №1. С.103—113.

Античную концепцию истории характеризует внеисторический подход как к социуму, так и к человеку; ни в одной теории *истории* авторы не стремились с таким упорством отказаться от рассмотрения *исторического* характера происхождения человека и общества. Легко наблюдаемый порядок смены форм государственного устройства современных авторам античных полисов стал единственной сферой приложения методологических принципов греческих философов, что серьезно обесценило их теорию, и они не в состоянии были обнаружить более значительные изменения в социальном устройстве.

Наследники античных авторов, христианские теоретики, превзошли своих предшественников по многим направлениям. И если высказывания св. Фомы Аквинского, пришедшего в результате своего анализа форм семьи к предположению о том, что в будущем между мужем и женой будут установлены отношения равноправия, а общество перестанет быть расслоено по классовому признаку[1], не могут служить адекватным противопоставлением словам Аристотеля, согласно которым «в совершенной семье обязательно должны существовать рабы и свободные»[2], так как они прозвучали спустя полторы тысячи лет после расцвета философии Стагирита, то легко понять всю ограниченность античного мировоззрения, сравнив слова Тацита о круговращении принципов морали с восклицанием апостола Павла: «Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы!»[3].

Итак, мы обозначили основополагающие принципы античной традиции: источник развития социального организма находится вне его самого, движение как в природе, так и в социуме имеет циклический характер, исследуются преимущественно поверхностные формы человеческого общежития. Все это позволяет оценить первый опыт построения исторических доктрин как впечатляющий прорыв интеллекта в сферу познания общественной жизни в период, когда сама эта жизнь

---

[1] См.: *Gilby Th.* The Political Thought of St. Thomas Aquinas. Chicago, 1958. P.312.

[2] *Аристотель.* Политика 1253 b5.

[3] *Ап. Павел.* Первое послание к коринфянам, XV, 33.

приняла лишь весьма неразвитые формы, но отнести созданные концепции к неадекватным теориям истории.

С именем Христа

Христианское учение, появившееся в середине восьмого века со дня основания Рима, хотя и инкорпорировало некоторые черты греческой традиции, тем не менее существенным образом подорвало устоявшиеся представления о человеке и его месте в мире.

Несмотря на то, что в Ветхом Завете легко можно найти места, как бы свидетельствующие о признании цикличности («Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь... Что было, то и будет, и нет ничего нового под солнцем»[1]), эти элементы не занимают центрального места в христианской традиции.

На их место помещены представления о Боге как первопричине мира (causa sui) и его спасителе, причем Бог-сын, первый из праведников, обретших вечное блаженство, проходит все основные ступени земного бытия человеков, и этот бренный путь Иисуса придает христианской доктрине весьма исторический характер. Центральная идея о воскрешении и вознесении Христа знаменует в христианстве возможность единения с Богом и вечного пребывания в небесном раю человека, достигшего морального совершенства в вере во всемилость и всемогущество Господне. Недаром, обращаясь к страждущему, Иисус говорит в Евангелии от Матфея: «Велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему!»[2].

Идея спасения повернула новую теорию лицом к человеку, способствовала преодолению перенесения принципов естествознания на общество и внесла в моральную доктрину важнейшую черту, определив

---

[1] *Екклесиаст*. 1,5. 7,9.

[2] *Евангелие от Матфея*. XV, 28.

единственно достойную цель, стоящую перед каждым человеком. Более того. Эта цель, поставленная в равной степени перед всеми людьми («нет предо Мною ни эллина, ни иудея»), позволила в естественной с позиций нового миропонимания манере начать проповедь равенства.

Принцип равенства обусловлен в христианстве самой идеей творения, которая несет в себе элемент эволюционности, изображая мир созданным за семь дней. Причем если «в начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою»[1], то только в конце творения, на седьмой день, «создал Господь человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою»[2].

Христианская концепция творения в снятом виде содержит два важнейших положения: тезис о переходе человека в общественное состояние как состояние вынужденной деятельности («со скорбью будешь питаться [от земли] во все дни жизни твоей; тернии и волчцы произрастит она тебе... в поте лица будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься»[3]) и идею братства всех людей (человек был создан Господом одним и единственным для того, чтобы показать, как приятно Ему «единство среди множества»[4]). Идея единства человеческого рода предполагала постепенный характер возникновения и формирования социума; а так как именно этот процесс и представляет собой предмет исторического исследования, то история оказывалась органически включенной в общий план мироздания. Кроме того, предопределенность мира, его творение Господом предполагало, что человечество также имеет в своем движении некую цель, что принципиально исключало любые теории круговращения.

Христианство начало формирование теории истории, основываясь на том, что источником развития человеческого общества является Бог, однако не в смысле непос-

---

[1] *Первая книга Моисея. Бытие.* I, 1—2.

[2] *Бытие.* III, 17—19.

[3] *Бытие.* II,7.

[4] *St. Augustinus.* De civitate Dei, XII, 21.

редственной движущей причины, а в качестве сущности, с которой «человек соотносится как с некоторой своей целью»[1]. Поэтому первое же социальное деление, предпринятое одним из ранних отцов Церкви, Тертуллианом, было связано с обнаружением сообщества праведников, исповедующих учение Христа, которое представляет собой защищаемый небесными силами лагерь Бога (castra Dei), и массы живущих в разврате язычников, объединяемых в лагерь дьявола (castra diaboli).

Развитие истории Тертуллиан видел в прогрессе первого лагеря, к которому присоединялись бы все новые и новые последователи. Движение человечества к Господу рассматривалось им в качестве проявления воли божества, «которое есть властитель и мира, который управляем, и людей, которые управляют»[2]. Задаваемая же этой божественной волей цель предполагает прогрессивный характер развития человечества.

В основе тертуллиановой теории истории лежало моральное совершенствование личности. Однако при этом общественные формы, такие, как греческие полисы, иудейское царство или Римская империя, рассматривались им и как ступени материального прогресса, отмечавшегося теологом гораздо более отчетливо, чем греческими авторами. Круговращение государственных форм не принималось в расчет, так как каждое общество, по Тертуллиану, давало жизнь не чему-то, «уже бывшему в веках, бывши прежде нас»[3], а качественно новому состоянию.

Более полно картина истории оформилась в трудах Лактанция, христианского философа середины IV века. В его трактовке человек также рассматривается предрасположенным к равенству с другими людьми, государственная же власть кажется противоестественной, возникшей в том состоянии, когда человек сам избрал для себя противостояние Господу, отказавшись от его заветов. По мнению Лактанция, только если «выбросить из сердца своего все дурные мысли и желания... золотой век немедленно вернется к вам, ибо никоим образом вы

---

[1] *St. Thomas Aquinas.* Summa theologiae. Prima parte. Qu.1. Art.1.

[2] *Tertullianus Q.S.F.* Apologiae, 26.

[3] *Екклесиаст.* I, 10.

не сможете достигнуть его, кроме как посредством почитания истинного Бога»[1]. В силу этого автор выдвигает два важных позитивных момента: с одной стороны, он утверждает (в полном соответствии с доктриной грехопадения) существование догосударственного состояния человечества, решительно критикуя при этом эпикуреанскую трактовку жизни в «естественном» состоянии как непрекращающейся борьбы людей друг с другом; и, с другой, — рассматривает государство в качестве чужеродного и противоестественного формирования на теле общества, с помощью которого «проникнутые жадностью, правители защищают приобретенное путем грабежа от обворованного большинства»[2].

Концепция Лактанция видится нам первым в истории философии примером гениальной догадки о триадичности цивилизованного процесса, причем триада выражена в признании догосударственного, государственного и посттосударственного состояния, достигаемого вместе с приобретением людьми должного морального совершенства. Теория Лактанция и гносеологически связанная с ней социальная доктрина Аквината будут рассмотрены нами ниже. Более стройная картина развития общества появилась в V веке в гигантском труде одного из наиболее выдающихся христианских теологов, св. Августина, названном автором «De civitate Dei», в котором «впервые во всей философской литературе была сформулирована философия истории»[3]. По св. Августину, подход Тертуллиана упрощает проблему, так как границы между castra Dei и castra diaboli проходят не между людьми, а внутри каждой отдельной личности; это представление исходит из того, что «в человеке, который был создан первоначально, получили начало хотя еще не обнаружившиеся, но уже для предвидения Божия существовавшие два общества, как бы два града в роде человеческом»[4]. Граница между ними, по св. Августину, определяется в соответствии с главным родом любви, господствующим над человеком, так как «земной [град создан] любовью к себе, дове-

---

[1] *Lactantius*. Divine institutes, V,8.

[2] Ibid. V,7.

[3] *Stumpf S.E.* Socrates to Sartre. A History of Philosophy. L., 1948. P.142.

[4] *St. Augustinus*. De civitate Dei, XII, 27.

денной до презрения к Богу, а небесный — любовью к Богу, доведенной до презрения к самому себе»[1].

Развитие земного общества описано св. Августином несколько противоречиво, однако его трактовка содержит множество положений, не могущих не привлечь наше внимание. Следует отметить, что на этом этапе происходит разрыв с концепцией цикличности; историческое время у св. Августина не зациклено, оно открыто в будущее[2], так как Божеством поставлена цель, к которой идет и придет человечество в конце своей истории. Человеческое общество, являющееся естественной формой существования рода людского и естественным средством достижения морального совершенства, определяется св. Августином исходя в первую очередь из теологических соображений, как «множество людей, собранных вместе»[3] и «объединенных согласием относительно вещей, которые они любят»[4].

Периодизация развития града земного (civitas terrestris), предложенная св. Августином, оказывается в результате двоякой, причем ни в первом, ни во втором случае сами по себе этапы морального совершенствования людей не знаменуют этапов прогресса. С одной стороны, св. Августин выделяет в качестве таковых семью, город и мир[5], что представляется достижением по сравнению с учением античных авторов, ибо в понятие мира вкладывается смысл, отрицающий государственное устройство, идентичное у св. Августина понятию «город». С другой стороны, св. Августин предлагает периодизацию, встречавшуюся в зачаточной форме в трудах Евсевия Кесарийского[6] и отчасти дублирующую периоды истории, выделенные в Евангелии от Матфея. Согласно этому варианту, первая из обозначенных св. Августином эпох заключена между сотворением Адама и всемирным потопом, второй период простирается от потопа до Авраама, третий — от Авраама до Давида, четвертый — от Давида до пересе-

---

1 *St. Augustinus*. De civitate Dei, XIV, 28.

2 См.: Ibid. XII, 13, 17.

3 *St. Augustinus*. Epistulae, 155, 3.

4 *St. Augustinus*. De civitate Dei, XIX, 24.

5 См.: Ibid. XI, 16.

6 Подробнее см.: *Norrison R.* La philosophie de Saint Augustin. P., 1865. T.2. P.420 и сл.

ления в Вавилон, а пятый — от вавилонского пленения до рождества Христова.

Два следующих периода, замыкающих человеческую историю, трактуются комментаторами св. Августина неоднозначно, но так или иначе после рождества Христова автор в качестве единственного значимого события рассматривает Страшный Суд и, таким образом, признает, что «земной град не будет вечным»[1].

Концепция св. Августина отразила основной недостаток христианской доктрины истории, заключающийся в признании конечности земного пути человечества и привнесенности критериев периодизации прогресса извне самого исторического действа. Св. Августин совершенно неадекватно поставил всю последующую историю человечества (от рождества Христова до Страшного Суда) в один ряд с малозначительными периодами земных странствований иудейского народа. Однако в то же время отдельные положения, содержащиеся в концепции этого выдающегося философа, имели огромное значение для развития теории истории и были усвоены даже не столько католической традицией, сколько позднейшей европейской философией.

Развитие христианской социальной доктрины после св. Августина пошло по двум направлениям. *С одной стороны*, в XIII веке св. Фома Аквинский, взгляды которого положили начало попыткам адекватного постижения истории и потому будут рассмотрены позднее, приняв ряд положений св. Августина, успешно развил теорию периодизации общественной жизни, не связанную с событиями библейской хроники. Св. Фома, соглашаясь со св. Августином в том, что «для человека является естественным быть общественным и политическим животным и жить сообществом»[2], считал, что это сообщество определяется не любовью людей к определенным идеалам, а материальными потребностями, вытекающими из их общественной природы[3], причем общество людей представляет собой не единство мысли и веры, а единство

---

[1] *St. Augustinus*. De civitate Dei, XV, 4.

[2] *St. Thomas Aquinas*. De regimine principum, I, 1.

[3] См.: *St. Thomas Aquinas*. Summa contra gentiles, III, 85, 102; *Idem*. De rege et regno, I, 1; *Idem*. Contra impugnantes Dei cultum et religionem, VIII.

действия, единство не в esse, но в agere. Совершенствование теории общественного прогресса в трудах св. Фомы Аквинского открывало эпоху истинного понимания человечеством своего исторического места.

С другой стороны, некоторые авторы попытались догматизировать учение св. Августина о двух градах. Будучи основанием концепции прогресса, выдающимся достижением мысли для IV века, это представление, однако, не могло удовлетворить мыслителей XV—XVI веков, когда наметился расцвет неоавгустинизма.

Догматизация учения о двух градах, предпринятая в тот период, была связана с самим процессом развития христианского вероучения и христианской практики. Превращение Церкви из традиционного религиозного института в важнейший элемент европейской политики и общественной жизни вызвало вполне понятную реакцию: вернуть ее на исходные позиции, очистить от наслоений, вызванных прежде всего политическими обстоятельствами. Европейская Реформация, по мнению ее идеологов, и должна была выполнить эту задачу.

Лютер, наиболее заметный представитель реформации в Германии, не был философом истории как таковым, однако его воззрения оставили значительный след в истории политических и социальных доктрин и дают возможность оценить направление развития социологической теории христианства в период позднего средневековья.

Лютер попытался возродить учение св. Августина о двух градах, предполагавшее, что нравственное совершенствование человека определяется не только и не столько его поведением, его делами, сколько верой в Господа, без которой никакое соблюдение заповедей не означает спасения. Однако это возрождение теории соседствовало с ее радикализацией, в результате чего Лютер оказался, на наш взгляд, не столько последователем св. Августина, сколько очевидным плагиатором у Тертуллиана. Как Тертуллиан обличал римских правителей, отказавшихся от мудрого управления государством, так и Лютер отмечает: «Никогда еще ни одно царство не держалось на силе; всегда должно оно охранять себя мудростью»[1]. Как

[1] Цит. по: Источники по истории Реформации. Вып.1. М., 1906. С.42.

Тертуллиан объявлял о необходимости разграничения власти светской и духовной, так и Лютер говорит: «Ввиду того, что светское управление установлено Богом, для наказания злых и защиты благочестивых, должно предоставить ее обязанностям свободно и беспрепятственно распространяться на тело всего христианства»[1]. Как Тертуллиан не призывал к войне с язычниками, так и Лютер считает, что «надо еретиков преодолевать Писанием, а не огнем»[2].

Однако творчество Лютера не было в полной мере возвращением к тертуллиановой концепции. В отличие от ранних христианских авторов Лютер не рассматривал становление государства, тем более не оценивал его в качестве отступления от христианских принципов, абсолютизируя библейский тезис о божественном происхождении всякой власти. Естественность социальной жизни, признававшаяся христианскими авторами, переносилась им и на естественность государственного управления. Таким образом, концепция истории оказалась как бы законсервированной и не получила существенного развития.

Еще более упадок христианской теории истории заметен на примере знаменитой книги «Relectionas theologicae» испанского доминиканского монаха Франциска Виктория, относящейся к первой половине XVI века. В данном произведении можно констатировать отход от всех фундаментальных положений христианской социальной доктрины: фактически по-аристотелевски трактовалось возникновение общества через общественный договор, указывалось, что от природы все люди независимы друг от друга и объединяются, осознав пользу общежития, и, наконец, утверждалось, что государственная власть возникает в результате наделения ею

---

[1] *Лютер М.* К христианскому дворянству германской нации. Харьков, 1912. С.8. Следует отметить, что после осуждения его взглядов в 1521 году Вормсским рейхстагом Лютер кардинально поменял свою точку зрения, отмечая, например: «А что, если князь неправ; обязан ли народ последовать за ним? Нет, ибо против истины никто да не идет; Богу подобает более повиноваться, нежели человеку» (*Лютер М.* О светской власти и до каких пределов ей надлежит повиноваться, III).

[2] Там же. С.56.

правителя, избираемого в момент заключения общественного договора.

Таким образом, более чем за тысячу лет своего развития христианская социальная доктрина знала и взлеты, и падения. Впервые привнеся в философию истории идею прогресса, пусть и понятую сугубо теологически, она между тем, за исключением наиболее выдающихся ее представителей, не создала теории *общественного прогресса*, сведя позитивные изменения в человеческом обществе к нравственному совершенствованию личности, которое и является источником поступательного движения.

Католическая доктрина в ее ортодоксальном виде не предложила сколь-либо научной концепции периодизации истории, ограничившись крайне несовершенным делением ее на эпохи господства отношений семейных, государственных и религиозных. Между тем в большинстве случаев христианские теоретики, рассматривавшие социальный прогресс как порожденный целью, к которой идет человеческий род, признавали достижимость таковой цели и связывали с этим завершение человеческой истории, что также не может расцениваться как позитивный вклад в историческую теорию.

В дополнение ко всему само развитие христианской концепции показало, что проповедовавшая прогрессивный характер движения человечества теория оказалась зацикленной в собственной эволюции и к XVI веку пришла с догмами, от которых отталкивалась тысячу лет назад, не приняв в свое лоно наиболее заметных социальных философов средневековья, чьи воззрения послужили основой дальнейших плодотворных исследований. Такое положение обусловлено, на наш взгляд, тем, что христианская традиция, как и традиция античная, осталась скорее *политической философией* и не стала *философией истории* в собственном смысле этого понятия. Ее предопределенность сиюминутной политической конъюнктурой диссонирует с высокими идеалами христианского учения и подводит нас к выводу о том, что и в этом случае адекватным представлениям об истории не суждено было родиться.

«Новое издание» теории общественного договора

Новое время, как мы привыкли называть период, начавшийся с XVII века, привнесло в философию истории целый ряд новых направлений, причем характерной чертой большинства из них стала попытка синтезировать общественные учения христианских авторов с концепциями античного периода. Нельзя не отметить, что сомнительный характер подобных попыток обрекал их авторов на создание эклектичных построений, как правило, походивших на античные или христианские лишь по форме, по существу же представлявших собой противоречивые и нередко далеко не гуманистические теории.

Неудачи, преследовавшие попытки построения теории истории в XVII веке, в значительной мере были предопределены самим характером эпохи. В критике христианства, которую зачастую предпринимали философы Нового времени, требовалась методологическая опора, и она, по их мнению, могла быть найдена в античных теориях. У древних философы XVII века переняли идею общественного договора, из средневековья они заимствовали постулаты о прогрессивной направленности развития цивилизации. Однако совершенствование теорий древних и средневековых авторов философами XVII столетия обернулось неудачей по причине их крайне упрощенного подхода к оценке места человека в природе и обществе. В отличие от античных авторов, рассматривавших человека как подобие божества и решительно отделявших его от природы, равно как и в противовес христианским теоретикам, расположившим человеческое существо на равном отдалении от природного и божественного начал, философы Нового времени постулировали единство законов, управляющих природой и обществом, отнеся человека к явлениям природы и забывая о тех качествах, которые, несомненно, выделяют его из их ряда. Приблизив человека к природе, они продолжили движение, начатое античными и христианскими мыслителями, но при этом не приспособили новую теоретическую платформу для сколь-либо адекватных положений о развитии социума. Иными словами, античные и христианские учения были соединены на фундаменте, чужеродном как для одного,

так и для другого из этих направлений, что и обусловило значительную противоречивость и логическую непоследовательность данных концепций.

Н.Макиавелли, Г.Гроций и Т.Гоббс, наиболее видные представители современной им теории «общественного договора», основывали свои концепции на ряде положений, непротиворечивое соединение которых сегодня кажется нам совершенно невозможным.

Во-первых, их построения отличались заметным присутствием материалистических мотивов. Приближая человека к природе и объясняя общественные явления законами физики, они, безусловно, отходили от христианской морализаторской методологии. Последнее, однако, не мешало им признавать, что социумом управляет разум (именно это предположение позволяло утверждать разумный характер создания общества посредством общественного договора). Разум же, «который есть естественный закон, ниспослан каждому непосредственно Богом, как мерило его действий», а «правила житейского поведения представляют то, что было возвещено Божественной волей в законах небесного царствия словами Господа нашего Иисуса Христа, святых пророков и апостолов»[1]. Более того. Т.Гоббс прямо отмечал: «Я до такой степени являюсь врагом безбожников, что я самым прилежным образом искал и старался найти какой-нибудь признак, на основании которого я мог бы обвинить их в нарушении права»[2].

Во-вторых, имело место известное противоречие между созданной указанными авторами концепцией становления государства и их представлениями о естественном праве. По мнению Н.Макиавелли и Г.Гроция, а также Т.Гоббса, естественное состояние заключалось в непрестанной войне человека с человеком, основным побудительным мотивом которой выступала личная материальная выгода. Переход же к общественному состоянию трактуется Н.Макиавелли не как изменение, а скорее как упорядочение подобного положения дел: с одной стороны, право сильного остается столь же важным, как и ранее, с другой, — непримиримая вражда переносится с уровня отдельных личностей на уровень

---

[1] *Hobbes Th.* De cive, IV, I.

[2] Ibid. XIV, XIXn.

народов и государств. Это прослеживается и у Г.Гроция[1]. Перенесение на межгосударственные отношения принципов дообщественного состояния оставляет сомнения как в предпочтительности государственного строя перед догосударственным, так и в его устойчивости.

В-третьих, фактическая невозможность описать в рамках подобных теорий прогрессивный характер развития общества вынудила Н.Макиавелли и Г.Гроция ограничиться исследованием чисто политических процессов, причем их преклонение перед абсолютной монархией наряду с рассмотрением круговращения форм государственного устройства представляется незатейливым пересказом положений Полибия.

Таким образом, существенного продвижения вперед достигнуто не было. Т.Гоббс, хотя и устранил некоторые наиболее очевидные противоречия доктрины, все же не сумел создать сколь-либо завершенную теорию; серьезные сомнения вызывают как ее предпосылки, так и выводы.

Теория общественного договора Т.Гоббса построена на основе признания человека в дообщественном состоянии существом, желающим вреда всем окружающим. Этот тезис, как бы кладущий зло в основу всего сущего, имеет определенное обоснование, которое выглядит вполне здраво. «Наиболее частая причина, в силу которой люди желают вреда друг другу, — пишет Т.Гоббс, — состоит в том, что многие желают одновременно одну и ту же вещь, которой, однако, они не могут ни пользоваться сообща, ни поделить между собою, откуда следует, что ее нужно отдать сильнейшему; кто же является сильнейшим, решается борьбой»[2]. Борьба эта, по Т.Гоббсу, фактически непреодолима, доколе существует человеческий род. Стремление к материальному

---

[1] См.: *Grotius G.* De jure belli ac pacis, II, XXIII.

[2] *Hobbes Th.* De cive, I, VI. Этот тезис Т.Гоббса, несмотря на его кажущуюся справедливость, сомнителен именно применительно к примитивному состоянию общества, с которого он и начинает свою историческую концепцию. Гораздо более обоснован тезис А.Фергюсона о том, что в первобытном состоянии само стремление к присвоению противоестественно (см.: *Ferguson Ad.* Essay on the History of Civil Society. Basil, 1789. P.125). Подробнее весь комплекс данных проблем рассмотрен нами ниже (С.75—76).

благополучию определяет жажду власти, которая является для каждого человека столь же естественной, как и оно само. «На первое место, — указывает Т.Гоббс, — я ставлю как общую склонность человеческого рода вечное и бесконечное желание все большей и большей власти, желание, которое прекращается лишь со смертью. И причиной этого не всегда является то обстоятельство, что человек надеется на более интенсивное наслаждение, чем то, которое им уже достигнуто, или что он не может удовлетвориться умеренной властью, а лишь то, что человек не может обеспечить ту власть и те средства к благополучной жизни, которыми он располагает в данную минуту, без приобретения большей власти»[1].

Однако исходные посылки, принятые Т.Гоббсом, заведомо не позволяют ему построить непротиворечивую теорию общественного договора. Если у античных авторов причиной такого договора выступало стремление людей упорядочить свою жизнь ради противостояния природе и люди в таком случае объединяли свои силы как бы в том же направлении и с той же целью, в каком и с которой каждый из них действовал и раньше, то Т.Гоббс изображает общественный договор как стремление радикально изменить ранее присущие человеку черты, что если и возможно, то лишь в очень малой мере.

Т.Гоббс считает, что в момент заключения общественного соглашения каждый из людей «должен отказаться от права на все вещи в такой степени, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты, и довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим людям, какую он допустил бы у других людей по отношению к самому себе»[2]. Однако само описание Т.Гоббсом государства разительно противоречит данному тезису. Во-первых, оказывается, что человек уже не волен соизмерять степень своей свободы со степенью свободы других людей; если бы такое право было сохранено за каждым индивидом, то логичным оказалось бы стремление к достижению внутри общественного (государственного) целого определенного

---

[1] *Гоббс Т.* Левиафан. М., 1898. С.98.

[2] Там же. С.118.

равенства. Между тем Т.Гоббс настолько жестко отрицает саму возможность равноправия в рамках государственного устройства, что возводит неравенство в ранг конституирующего признака общества, указывая, что «общения их [животных] не являются обществами, и эти животные не могут называться общественными; порядок в их общении зависит *от согласия многих воль* (курсив мой. — *В.И.*), направленных на один объект, а *не от одной воли* (курсив мой. — *В.И.*) (как бывает в обществе)»[1].

Данное замечание показывает, что с момента образования общественного целого человек рассматривается философом не как разумное существо, ограничивающее свои действия по принципу соотнесения степени собственной свободы со степенью свободы других членов общества, но исключительно как элемент государственного устройства, подчиненный воле суверена. «Если мне приказывают делать что-либо, что является грехом для приказывающего, и я это делаю, — отмечает Т.Гоббс, — то я не впадаю этим в грех, лишь бы приказывающий был по праву моим господином; например, если я по приказу государства буду воевать, считая, что война начата несправедливо, я не поступлю неправильно, но наоборот, я окажусь виновным, если откажусь воевать, приписывая себе принадлежащее государству установление различий между справедливым и несправедливым»[2]. Но и это состояние кажется философу недостаточно жестким: он отмечает, что в ходе осуществления норм общественного договора порождаются и отношения рабства (в котором, как нам ка-

---

[1] *Hobbes Th.* De cive, V, V.

[2] Ibid. XII, II. В данном случае Т.Гоббс в своей апологии государства и его правителей заходит слишком далеко; как мы уже отмечали, даже М. Лютер, отнюдь не самый прогрессивный социальный мыслитель позднего средневековья, писал: «А что, если князь неправ; обязан ли народ последовать за ним? Нет, ибо против истины никто да не идет; Богу подобает более повиноваться, нежели человеку» (*Лютер М.* О светской власти и до каких пределов ей надлежит повиноваться, III). Т.Гоббс вступает в противоречие с прокламируемым им же стремлением строить свою теорию в рамках христианской традиции и оказывается одним из безбожников, с которыми пытался бороться.

жется, пребывают едва ли не все члены общества по отношению к государству), и пишет, что гражданин может сказать о рабе: «Это мое», «откуда следует, что все, принадлежавшее до рабства рабу, потом принадлежит господину... потому что распоряжающийся личностью человека распоряжается и всем, чем может располагать эта личность»[1].

Такова степень свободы в обрисованном Т.Гоббсом общественном устройстве. Совершенно очевидно, что описание истории в данном контексте может быть только однозначным: никакой положительной истории, кроме факта заключения общественного договора, не существует. И если Н.Макиавелли хоть и относился отрицательно к любым фактам общественного движения, удалявшим социум от состояния абсолютной подчиненности верховному властителю, но признавал круговорот форм государственного общежития как данность, то Т.Гоббс вообще отрицает саму закономерность любого изменения общественного строя, когда указывает: «Там, где известная форма правления уже установилась, не приходится рассуждать о том, какая из... форм правления является наилучшей, а всегда следует предпочитать, поддерживать и считать наилучшей существующую, ибо делать что-нибудь, что может привести к ниспровержению существующей формы правления, противоречит как естественному, так и положительному божескому закону»[2].

В своей концепции Т.Гоббс отказался от основных положений, так или иначе учитывавшихся ранее сторонниками теории общественного договора. В результате его доктрина не смогла объяснить ни преимуществ общественного состояния, ни причин перехода к нему, ни эволюции человеческого общества и ее движущих сил. Т.Гоббс поставил во главу угла асоциальные черты человека, разрушительное начало, враждебность людей к себе подобным, от чего предостерегали многие известные философы, последователями которых считали себя теоретики Нового времени. Еще Аристотель писал, что недопустимо принимать за основу анализа зло или иной порок, ибо «порок уничтожает сам себя, и, если он

---

1 *Hobbes Th.* De cive, VIII, V.

2 *Гоббс Т.* Левиафан. С.390—391.

достигает полноты, то становится невыносимым»[1]. Прокл, присоединяясь к такой точке зрения, отмечал, что «начало и первейшая причина всего сущего есть благо»[2], по мнению же св. Фомы Аквинского, «сущность зла состоит в том, чтобы вещь отступала от блага»[3], тогда как «с разрушением всякого блага, что необходимо для целокупности зла, разрушилось бы и само зло, субстрат которого есть благо»[4].

Именно с таких позиций началась критика Т.Гоббса его же современниками. В вышедшей через четыре года после смерти философа книге Р.Камберленд заявил, что вражда не может быть избрана исходным понятием социальной теории, что мир нельзя определять как отсутствие войны, «так как мир должен быть первичен по отношению к войне, как жизнь первична по отношению к смерти»[5]. Совершенно справедливо Р.Камберленд отметил и ряд логических противоречий в теории Т.Гоббса; в частности, последнему ставилось в вину то, что как состояние войны, так и положительный закон государства основаны на одной и той же субстанции, коль скоро источником и естественного права, и положительного закона называется разум[6]. В таком случае смысл перехода от естественного состояния к государственному оказывается полностью утраченным.

Подробно останавливаясь на логических противоречиях теории Т.Гоббса, Р.Камберленд абсолютно правильно указывает на то, что данная концепция противоречит не только своим исходным посылкам, но и социальным реалиям. Обращая внимание на положение о невозможности оценки подданными деяний правителей, что весьма отчетливо сформулировано Т.Гоббсом, его критик отмечает, что сам ход истории состоит из событий, заведомо предполагающих подобные оценки; люди же, принимающие участие в историческом про-

---

[1] *Аристотель.* Никомахова этика, IV, 5, 1126 a13—14.

[2] *Прокл.* Первоосновы теологии, 12.

[3] *St. Thomas Aquinas.* Summa theologiae. Prima parte. Qu.48. Art.2.

[4] Ibid. Qu.49. Art.3.

[5] *Cumberland R.* De legibus naturae... Lubeca et Francofurti, 1683. P.277.

[6] См.: Ibid. P.87.

цессе, действуют именно исходя из подобных оценок[1]. Статичность теории Т.Гоббса, таким образом, противоречит динамике общественной жизни, и в силу этого подобная теория не может быть названа удачной.

Осмысление и жесткая критика концепций Н.Макиавелли, Г.Гроция и Т.Гоббса, основанных на примитивно-материалистическом понимании общества и его исторического развития, привели к модификациям теории общественного договора, сторонниками которой считали себя указанные философы. Обнаружив свою несостоятельность в качестве концепции резкого перехода от «естественного» к «общественному» состоянию, идея общественного договора оказалась приспособлена к описанию процессов вполне эволюционных, а само понятие стало со временем использоваться в большей степени как логическая формулировка, чем как термин, отражающий кардинальные изменения в развитии человечества.

Однако идеи жесткого государственного устройства как единственно возможного средства совершенствования человеческой природы остались достаточно популярными в XVII веке у теоретиков, обратившихся к описанию возможных будущих форм существования человечества. Забегая вперед, следует отметить, что подобные элементы отличают работы лишь основателей нового течения общественной мысли, большинство же их последователей так или иначе придерживалось главным образом гуманистических принципов.

Страна Утопия

Наблюдая жестокие нравы позднего средневековья, социальные мыслители XVI и XVII веков направляли свои усилия не только на обоснование незыблемости власти суверена, но и на поиск того более совершенного типа общественного устройства, «какое по праву может называться государством»[2].

Первые представления такого рода традиционно связываются с именами Т.Мора и Т.Кампанеллы, однако они вряд ли могут считаться провозвестниками гу-

---

[1] См.: *Cumberland R.* De legibus naturae. P.403—409.

[2] *Мор Т.* Утопия. М., 1978. С.273.

манистического подхода к будущему обществу. Теории Т.Мора и Т.Кампанеллы (хотя их построения имеют весьма отдаленное отношение к *теоретической* мысли) в качестве основного постулата предполагают возможность построения совершенного общества на базе не только существующих орудий и форм производства, но и общественных отношений, что отрицалось многими мыслителями задолго до утопистов.

В концепциях Т.Мора и Т.Кампанеллы вольно или невольно присутствует стремление законсервировать существующую ступень общественного развития, предполагается лишь незначительное видоизменение форм некоторых социальных отношений. Так, Т.Мор считает, что основой хозяйственной жизни совершенного общества станут полуремесленные-полусельскохозяйственные коммуны численностью в 2—3 тысячи человек[1], которые в своей деятельности будут использовать орудия, не кажущиеся пределом совершенства даже для того периода, когда философ писал свой трактат; преодоление разделения труда рассматривается им только через призму перемещения масс людей из города в деревню и обратно; всякий технический прогресс исключается.

Соответственно и социальная жизнь не может подняться значительно выше тех схем, которые автор наблюдал в повседневной действительности. Нельзя также не отметить, что в существенных чертах своей схемы Т.Мор даже отступил назад по сравнению с современным ему периодом. Так, он однозначно разделял жителей Утопии на свободных и рабов, не видя в такой степени неравенства ничего отрицательного; его знаменитый тезис о том, что «распределить все поровну и по справедливости, а также счастливо управлять делами человеческими невозможно иначе, как вовсе уничтожив собственность»[2], во многом утрачивает свое звучание в контексте нарисованной философом картины государственности.

Именно государственная власть выступает главным движителем социального прогресса и в «Утопии» Т.Мора, и в «Городе Солнца» Т.Кампанеллы. Отчасти можно говорить о регламентации общественной жизни в этих

---

[1] См.: *Мор Т.* Утопия. С.174—175.

[2] Там же. С.164.

иллюзорных общностях как о функции самого социума, ибо в той или иной форме предусмотрена сменяемость и выборность власти. Однако сама форма подобной «демократии», предполагающая, с одной стороны, недопущение рабов, женщин и несовершеннолетних к принятию каких-либо решений, а с другой стороны, основанная на многоступенчатых выборах, в ходе которых изъявление народной воли сводится к минимуму, не дает возможности серьезного влияния масс на характер правления. В условиях столь мрачной тоталитарной структуры отсутствие собственности оказывается не столько средством освобождения людей, как то предполагал Т.Мор, сколько средством их подчинения воле государства.

Государство же в социальных утопиях Т.Мора и Т.Кампанеллы имеет фактически неограниченные права. Его прерогативы — перемещение населения из городов в деревни и обратно, использование коллективного труда рабов (в равной степени принадлежащих всем гражданам, то есть являющихся объектом собственности) в сферах, недостойных свободных граждан; определение зачастую унизительного порядка вступления граждан в брак и так далее, вплоть до насаждения религиозных верований. Последние выполняют в жизни Утопии весьма значительную функцию, фактически обосновывая ту непомерную роль государства, которую рисует философ в своем трактате. Как отмечает Т.Мор, «утопийцы верят, что после земной жизни за пороки установлены наказания, за добродетели назначены награды. Того, кто думает по-иному, *они даже не числят среди людей* (курсив мой. — *В.И.*)»[1], и уже эта формулировка показывает степень свободомыслия в обществе, которое философ считает идеальным.

Схемы Т.Мора и Т.Кампанеллы являют собой примеры наиболее примитивного подхода к исторической динамике; этот схематизаторский метод, однако, был присущ и более поздним направлениям утопических теорий, достигнув наибольшей выразительности в работах Ш.Фурье.

Несмотря на предпринятую им оригинальную историческую периодизацию, схема социального прогрес-

---

[1] *Мор Т.* Утопия. С.259—260.

са, по Ш.Фурье, выглядит невиданной смесью реалистического и фантастического подходов.

С одной стороны, автор начинает свое исследование с эденического периода, походящего в целом на «золотой век», каким он был представлен в работах некоторых античных мыслителей. Развитие человечества само по себе вывело его из этого состояния, и наступили более мрачные времена. «Чрезмерное умножение племен, — пишет Ш.Фурье, — породило бедность; в то же время распространение хищных зверей вызвало смертоносные изобретения, а вкус к хищению распространился тем легче, что младенческое состояние и трудности земледелия не позволяли поддерживать сверхизобилие продуктов питания»[1]. В результате человечество как бы оказывается в неизбежном историческом тупике, в качестве которого выступает период варварства. Относительно него Ш.Фурье высказывает оригинальную мысль о том, что люди в эту эпоху «обретают крупное производство, являющееся рычагом строя гармонии. До тех пор социальный мир отходил назад перед лицом счастья, подобно тому, кто, оказавшись перед рвом, отступает, чтобы легко перепрыгнуть»[2]. Однако и наступающий строй цивилизации, в котором общество оказывается разделенным на богатых и бедняков, где «бедность рождается из самого изобилия»[3], также не кажется Ш.Фурье оптимальным. Целью же социального прогресса мыслитель видит социантизм — будущий справедливый строй, предшественником которого является переходная общность, названная им гарантизмом.

В своем описании будущего общества Ш.Фурье фактически повторил все ошибки ранних утопистов, что удивительно, поскольку концепции разделены более чем двумя столетиями, неузнаваемо изменившими лицо Европы и мира. В качестве основы будущего общества нам снова предлагается небольшая общность, на этот раз называемая фалангой. Теперь, однако, не утверждается полное отсутствие собственности: наряду с общей собственностью фалангистов существует и индивидуальная

---

[1] *Фурье Ш.* Судьбы мира и человечества. // Избр. соч. Т.1. М., 1951. С.150.

[2] *Фурье Ш.* Критика строя цивилизации. // Там же. С.245.

[3] *Fourier Ch.* Oeuvres completes. T.VI. P., 1845. P.35.

собственность ее членов. В связи с различным вкладом каждого человека в устройство фаланстера Ш.Фурье обосновывает классовое деление, хотя и выводит его формально из того обстоятельства, что «люди по природе неравны, что существует контраст между характерами, способностями и страстями»[1]. При этом традиционными для утопических воззрений Ш.Фурье остаются представления о необходимости более быстрого развития сельскохозяйственного производства (как более «естественного») по сравнению с промышленным, о применении весьма примитивной техники, о чередовании труда как форме преодоления его разделения и, что самое существенное, — о детальной регламентации жизни членов фаланстера, труд которых занимает все их время с утра до вечера и не дает возможности предаваться нерегламентированным видам деятельности.

В целом Ш.Фурье несколько развил утопические идеи о будущем обществе, однако примитивизировал при этом сами основы исторической теории. Он определил общий срок эволюции человечества в 80 тысяч лет, указал, что «всеми слабыми успехами социального прогресса мы обязаны случаю, а не политическим или моральным наукам»[2], связал развитие общества с совершенно фантастическими изменениями природной среды[3], отметил, не утруждая себя и читателя доказательствами, что «свойства дружбы в точности воспроизведены по законам круга... любви — эллипса... честолюбия — гиперболы»[4], и заявил, что не мир регулирует движение социума, а общество управляет движением мира, так как оно является более совершенным, «а это значит, что свойства животного, растения, минерала и

---

[1] Цит. по кн.: *Дворцов А.* Шарль Фурье. М., 1938. С.125.

[2] Цит. по кн.: *Волгин В.П.* Очерки по истории социализма. М., 1935. С.114.

[3] Так, например, Ш.Фурье утверждает, что «скачок от хаоса к гармонии» происходит в соответствии с «нарождением Северного венца» и «дезинфицированием и благоуханием морей благодаря северному флюиду», а обратный «скачок от гармонии к хаосу» связан с «вторым заражением морей южным флюидом» и «изменением намагниченного железа у южного полюса» (см.: *Фурье Ш.* Избр. соч. Т.1. Таблица хода социального движения).

[4] *Фурье Ш.* Судьбы мира и человечества. // Т.1. С.135, прим.

даже звездного вихря представляют собой некое следствие человеческих страстей в социальном порядке и что все, начиная с атомов вплоть до небесных тел, образует картину человеческих страстей»[1].

И лишь в середине XIX века исследователи, стремившиеся создать картину будущего общества, стали признавать невозможность осуществления законченного построения подобной схемы, осознав, что ни одно описание будущего социума не окажется в полной мере адекватным. «Никто не знает, и никто не хранит тайну будущего, — писал Л.Бланки, — самый прозорливый человек может иметь лишь какие-то предчувствия, видеть какой-то просвет, бросить в будущее беглый и неясный взгляд... Безумцы те, которые думают, что имеют у себя в кармане подробный план этой неизвестной земли»[2]. «Тот, кто верит в прогресс, — вторил ему В.Вейтлинг, — не должен считать совершенным ни одно учение»[3], хотя при этом не должен и сомневаться в возможности его создания.

Л.Бланки и В.Вейтлинг выработали во многом схожие концепции, выгодно отличающиеся от теорий ранних утопистов. Отдельные элементы этих концепций свидетельствуют, что им удалось приблизиться к элементам адекватного понимания исторического процесса. В их работах мы находим анализ экономической эпохи, обоснование роли обмена в развитии человеческого общества, понимание причин его возникновения, ограниченности натурального обмена и объяснение природы денег[4]. Развитое товарное производство оценивается как необходимый этап прогресса, однако Л.Бланки и В.Вейтлинг придерживаются мнения о том, что «обмен посредством... денег в достаточной мере показал свою неспособность создать социальный порядок на основе справедливости»[5].

---

[1] *Фурье Ш.* Судьбы мира и человечества. // Избр. соч. Т.1. С.136, прим.

[2] *Бланки Л.О.* Социальная критика. // Избр. произв. М., 1952. С.258.

[3] *Вейтлинг В.* Гарантии гармонии и свободы. М., 1952. С.226.

[4] См.: *Бланки Л.О.* Указ. соч. С.181—182; *Вейтлинг В.* Указ. соч. С.118—119.

[5] *Бланки Л.О.* Указ. соч. С.194.

Отрицанием общества неравенства и несправедливости Л.Бланки и В.Вейтлинг считали коммунистический строй, отмечая при этом, что его становление, несмотря на необходимость существенных революционных изменений, должно происходить естественным и эволюционным образом. Если, например, Ш.Фурье настаивал на быстром изменении отношений собственности и полагал, что «к концу весны 1808 года первая фаланга прогрессивных серий вступит в действие, и хаос строя цивилизации, варварства и дикости тотчас же рассеется по всей земле, унося с собой единодушные проклятия всего рода человеческого»[1], то, по мнению Л.Бланки, «нападать на принцип частной собственности было бы в такой же степени бесполезно, как и опасно. Коммунизм нельзя предписать декретом, его пришествие должно быть вызвано свободным решением страны»[2], а развитие общества, последующее за таким «решением», представляется эволюционным, органичным преобразованием экономической системы.

Л.Бланки рассматривал современный ему социальный и экономический прогресс как процесс, тождественный наступлению коммунистического строя, органично включенного в исторический путь человечества. По его убеждению, «всякий прогресс — это победа коммунизма, всякое отступление — это его поражение, развитие его сливается с развитием цивилизации, обе эти идеи идентичны; все проблемы, последовательно поставленные в истории и вызванные потребностями человеческого рода, разрешаются коммунистически»[3].

Л.Бланки и В.Вейтлинг существенным образом сменили акценты в описании будущего общества по сравнению с их предшественниками. Так, они полагали, что коммунизм явится «единственно возможным обществом, состоящим из высокообразованных людей»[4] и основанным на достижениях технического прогресса; труд рассматривается ими как внутренняя потребность каждого человека, ощущающего свой долг перед обществом, и поэтому в его оплате возможно полное равенство; все

---

[1] *Фурье Ш.* Пути будущего. // Избр. соч. Т.2. М., 1952. С.135.
[2] *Бланки Л.О.* Социальная критика. С.231.
[3] Там же. С.197.
[4] Там же. С.235.

же руководящие органы будущего сообщества неизбежно должны быть выборными[1], чем обеспечивать основные свободы граждан.

Таким образом, теоретики коммунистического преобразования общества первой половины XIX века существенно усовершенствовали свои позиции по отношению к утопистам XVI—XVIII столетий, однако их доктрины не знаменовали становления теорий адекватного типа.

Прежде чем перейти к оценке движения исторической мысли в направлении создания адекватных теорий истории, хотелось бы вкратце повторить основные выводы, вытекающие из уже рассмотренных нами исторических построений.

Во-первых, неадекватные исторические теории в различных формах существовали на всем протяжении истории человечества. Завершение нашего обзора этих теорий анализом концепций социалистов-утопистов весьма условно; представления, относимые согласно нашей классификации к неадекватным, возникали и позднее; появляются они и сегодня. Так, было бы несправедливым полагать, что все авторы неадекватных исторических теорий просто «не поднимались до осознания» (как это часто утверждалось советскими исследователями) тех или иных исторических закономерностей; следует отметить, что философы, чьи воззрения мы только что рассмотрели, изначально применяли в своих исследованиях методологические приемы, отличные от тех, *которые выглядят сегодня наиболее оптимальными*. De principiis non est disputandum, и поэтому вряд ли можно утверждать, что подобные концепции имеют меньше шансов на существование, нежели те, которые мы проанализируем ниже.

Во-вторых, и это не противоречит первому утверждению, принятые создателями неадекватных исторических доктрин методологические принципы обусловили значительное количество внутренних противоречий, серьезно снижающих их теоретическую ценность. Именно поэтому, удачно отметив многие исторические закономерности, обобщив большое число фактов, упомянутые

---

[1] См.: *Михайлов М.И.* История Союза коммунистов. М., 1968. С.73.

авторы не смогли соединить их в совершенную систему, каковая обеспечила бы возможности успешного социального прогнозирования. Последнее особенно очевидно при знакомстве с картинами, созданными утопистами.

В-третьих, и это нельзя не отметить особо, авторы рассмотренных нами концепций не смогли *естественным образом* включить в свои теории понятие социального прогресса. Поступательное развитие общества либо вообще отрицалось ими (как в случае с античными теориями, проповедовавшими круговращение форм общественной жизни), либо присутствовало как сугубо случайный фактор (Ш.Фурье), либо связывалось непосредственно с волей самого человека (в той или иной степени это прослеживалось у сторонников теории общественного договора). Исключение в данном случае представляли собой лишь те теории, которые были созданы христианскими философами, однако и в этом случае социальный прогресс в значительной мере подменялся прогрессом человеческой личности, что, разумеется, имеет огромное значение, но не обусловливает совершенствование социума как целого.

Следовательно, до тех пор, пока понятие социального прогресса не станет основным в исторической теории, пока прогресс этот не будет рассмотрен с точки зрения процессов, внутренних по отношению к самому общественному целому, построение адекватных исторических теорий вряд ли возможно. Анализ движения теоретической мысли к достижению адекватных концепций является, таким образом, очерком становления идеи прогресса.

На пути к адекватности

Становление адекватных представлений о человеческой истории — это, по сути, продолжительнейший процесс. Выделение его из общего прогресса человеческой мысли, которое будет предпринято ниже, неизбежно условно, и принципы такого выделения нетрудно подвергнуть критике. Однако, так как мы указывали, что к *адекватным* относятся *исторические теории*, во-пер-

вых, *не предполагающие искусственного начала человеческой истории*, во-вторых, *не ограничивающие пределов совершенствования социума* и, наконец, в-третьих, *проводящие периодизацию исторического процесса на основе анализа механизмов самодвижения человеческой общности*, формирование адекватных исторических теорий рассматривается нами на протяжении всей истории развития представлений о внутренней природе и основных направлениях движения социальных систем.

Первые шаги

Элементы адекватных исторических построений могут быть обнаружены там, где, казалось бы, неадекватное восприятие мира полностью господствует. Встречающиеся в таких случаях теоретические положения, знаменующие стремление к выработке адекватных взглядов, весьма незаметны на общем интеллектуальном фоне, и лишь с большой долей условности их можно оценить в качестве зачатков новой концепции.

Так, еще в античный период выдающийся представитель материализма, Демокрит, сумел противопоставить трактовке божественного сотворения человека и договорной природе государства концепцию постепенного, эволюционного выделения человека из мира животных и формирования основ социального общежития. Он предположил, что, сосуществуя с животными, первые люди постепенно «стали искать убежища в пещерах» и им «стало известно употребление огня»[1]. Формирование первичных человеческих сообществ отличалось, по мнению Демокрита, тем, что «в общении друг с другом [люди] стали устанавливать словесные символы относительно каждой из вещей и создали самим себе привычную речь обо всем сущем»[2]. Нужда, полагал Демокрит, а не божественные установления, заставляла людей совершенствовать их навыки и способности, и в конечном счете в результате длительного эволюционного процесса «были изобретены ис-

[1] Здесь и далее: *Демокрит* в изложении *Диодора*. См.: *Диодор* I 8 (7).

[2] *См.: Диодор* I 8 (3).

кусства и все остальное, могущее быть полезным для общественной жизни»[1].

Эти положения Демокрита кажутся сегодня наивными, но для его времени они стали фактически единственным свидетельством того, что элементы эволюционной доктрины прогрессивного развития общества владели умами некоторых мыслителей.

То же самое относится и к упоминавшимся нами идеям Лактанция, который в первые века христианства в полном соответствии с основными постулатами нового вероучения предпринял попытку рассмотреть догосударственное (представляемое как предшествующее Адамову грехопадению и потому более гносеологическое, нежели историческое), государственное и постгосударственное состояния человечества. Последнее опять-таки оставалось у него гипотетическим, и понятие о таковом выводилось из возможностей становления общества, все члены которого будут проникнуты христианской моралью, что не потребует насилия человека над человеком.

Однако первый реальный шаг к формированию адекватного видения исторического прогресса был сделан в XIII веке св. Фомой Аквинским, одним из величайших средневековых теологов. Его концепция общественного прогресса по стройности и непротиворечивости была, на наш взгляд, превзойдена не ранее чем в конце XVIII века. Одним из первых в истории человечества св. Фома осознал, что человеческое общество одновременно является и не является частью окружающей его природы. Человек, по мнению теолога, — результат всех предшествующих фаз прогрессивного развития материального мира[2] и «представляет собой то, что является наиболее совершенным во всей природе»[3]. Св. Фома выделил в мире четыре типа закономерностей: lex divina, lex aeterna, lex naturalis и lex humana; при этом данный ряд законов поразительно напоминает ряд наук, предложенный впоследствии О.Контом[4]. И подоб-

---

[1] *См.: Диодор* I 8 (7).

[2] См.: *St. Thomas Aquinas.* Summa theologiae. Prima parte. Qu.75. Art.4.

[3] Ibid. Qu.75. Art.4.

[4] См.: *Comte A.* Course de philosophie positive. P., 1864. T.1. P.79.

но тому, как в XIX веке О.Конт, в XIII св. Фома указывал, что с переходом от одного вида законов к другому снижается та степень, в какой эти законы можно считать абсолютными, и возрастает вариантность развития. Весьма удачной кажется следующая формулировка теолога о различиях между общественными и натурфилософскими закономерностями. «Каждый человеческий закон, — писал св. Фома, — в такой степени является законом, в какой он отдален от закона природы. Но если он совершенно несопоставим с законом природы, то это уже не закон, а извращение закона»[1].

Св. Фома во многом следовал Аристотелю и св. Августину, полагая естественными социальные черты в жизни людей, однако формулировки теолога оказываются куда менее категоричными, нежели высказывания его предшественников. Говоря о стремлении человека к общественному существованию, св. Фома отмечает, что «это гораздо более свойственно ему, чем другим животным»[2], не ставя, таким образом, непреодолимой преграды между человеком и окружающим его миром[3].

Исходя из своих представлений о человеке как высшей форме проявления природы, св. Фома обосновывает тезис о значительной самостоятельности общественного целого по отношению к природе, о возможности вмешательства человека в развитие природы и о естественном характере использования им потенциала внешнего мира для удовлетворения своих повседневных нужд. Однако в отличие от Аристотеля св. Фома не переносит на социум такое понимание соподчинения развитого и неразвитого начал, «сильного» и «слабого». Напротив, он, основываясь на своем понимании lex humana, утверждает, что подчинение слабого сильному, возможно, влияющее на становление общества, не должно делаться базой социального строя и в перспективе

---

[1] *St. Thomas Aquinas*. Summa theologiae. Prima secundae. Qu.95. Art.2.

[2] *St. Thomas Aquinas*. De regimine principum, I, 1.

[3] Идея св. Фомы о том, что личность не является продуктом общества (см.: *St. Thomas Aquinas*. De rege et regno, I, 1), диссонирующая с основами его учения, скорее дань католическому догматизму, нежели заметный элемент его теории.

неизбежно искореняется[1], причем (и здесь св. Фома следует трактовке своего учителя) этому искоренению должны способствовать усилия святой Церкви[2].

Все эти положительные моменты, отмечаемые в творчестве великого философа, являются как бы прелюдией к главному достижению Аквината — его теории общественного прогресса. Картина истории создана св. Фомой прежде всего потому, что является отражением христианского миропонимания, а оно должно быть инкорпорировано в ряд других наук ради обогащения теологической доктрины, которая «может взять нечто у философских дисциплин... ради большей доходчивости преподаваемых ею положений»[3].

Концепция развития общества построена Аквинатом как бы в двух плоскостях. С одной стороны, иерархия обществ выстраивается в зависимости от того, какой тип цели достигается людьми в том или ином обществе. Цели социума разделены философом на непосредственные, промежуточные (или опосредованные) и предельные[4]. Эта часть концепции в определенной мере заимствована им у ранних христианских авторов и несет существенный теологический оттенок. Вторая часть теории, которая может быть сочтена обусловленной представлениями Аристотеля, но в действительности имеет важный элемент новизны, связана с выделением трех эпох, критерием какового становится характер общественной связи.

Первым этапом Аквинат называет этап общины, причем поддерживает мысль Аристотеля о том, что в таком состоянии люди оказываются уподоблены частям

---

[1] См.: *St. Thomas Aquinas*. Summa theologiae. Secunda secundae. Qu.61. Art.4.

[2] См.: *St. Albertus Magnus*. Politica, I, 1.

[3] *St. Thomas Aquinas*. Summa theologiae. Prima parte. Qu.1 Art.5.

[4] Подробнее см.: *Benkert G.F.* The Thomistic Concept of an International Society. Wash., 1942. P.57—58; данная трактовка может быть (с известной долей условности) рассмотрена как упорядочивающая общественные иерархии по целям деятельности людей и мотивам этой деятельности. В последнем случае существует возможность проследить определенную степень соответствия классификации делению истории на «большие» общественные формации.

тела, подчиненным целому, а основной характеристикой данного общества является серьезная зависимость, в которой все члены общины находились по отношению к правителю (старейшине, царю и т.д.). *Вторым* этапом св. Фома считает общество, именуемое им civilis conversatio; в нем существуют законы, гарантирующие основы юридической независимости граждан, а верховная власть перестает столь сильно, как ранее, подавлять своих подданных. Основой этого типа социальности становится равноправное сотрудничество юридически не зависимых друг от друга граждан. И, наконец, *третьим* этапом теолог называет ассоциацию, или общество всеобщего братства, в котором люди перестают угнетать и унижать друг друга. На третьем этапе вместе с существенным изменением господствующих социальных и экономических отношений происходит кристаллизация высших (предельных) целей человеческих индивидов, связанных с их стремлением к нравственному совершенствованию.

Именно к третьему этапу развития общества св. Фома относит свои наиболее проникновенные слова о справедливом государственном устройстве. Достаточно тривиальное утверждение о том, что «если группа свободных людей руководима своими правителями во имя общего блага всей группы, то такое правительство оправданно и справедливо, как отвечающее потребностям людей; если же правительство создается не для общего блага всех, а во имя частного интереса правителя, оно будет несправедливым и извращенным правительством»[1], дополняется высказанным св. Фомой в том же произведении положением, что в состоянии ассоциации «в ходе исполнения правителем своих функций должны удовлетворяться потребности, соответствующие нормальной жизни»[2], причем «не того или иного индивида, а [нормальной жизни] всех как совокупности»[3].

Современные комментаторы св. Фомы усматривают в его взглядах на будущее общество подчас даже больше оригинальных моментов, чем в них реально содержится.

---

[1] *St. Thomas Aquinas*. De regimine principum, I, 1.

[2] Ibid. I, 15.

[3] Ibid. I, 1.

Вряд ли тезис, согласно которому в будущем станет возможной мировая конфедерация государств, где центральная власть поддерживала бы отношения мира и «обеспечивала бы экономический, социальный и культурный прогресс человечества посредством коллективных институтов»[1], представляет собой нечто большее, нежели свидетельство приверженности теолога определяющей роли святой Церкви, да и мнение о том, что в будущем основной функцией общества станет «предоставление членам своим благ, необходимых для жизни»[2], тоже не нужно считать зачатком коммунистического мировосприятия.

Между тем следует отметить, что в творчестве св. Фомы заложены основы адекватного понимания общественного прогресса как сложного явления, периодизация которого может быть произведена только исходя из принципов саморазвития общества, без привлечения к анализу разного рода внешних обстоятельств. Неизбежно теологический характер концепции отодвигается на второй план тогда, когда св. Фома говорит о прогрессе общества, которое он считал, как мы уже отмечали, не единством существования, а единством действия, единством не в esse, но в agere.

Концепция св. Фомы — это, на наш взгляд, фактически единственный в средневековый период пример интеллектуального прорыва к пониманию истинной природы истории и принципов ее периодизации. Продолжить этот процесс смогли лишь наиболее реалистичные философы и историки XVII—XVIII веков, которые и подготовили своими исследованиями возможность адекватного понимания истории.

Либерализм Нового времени

Интеллектуальный прорыв св. Фомы Аквинского обрел черты теории спустя пять столетий, чему способствовали труды представителей раннего европейского материализма. Г.Гроций и Р.Камберленд, Ф.Бэкон и Дж.Локк — все они в той или иной

---

[1] *Benkert G.F.* Op. cit. P.93—94.

[2] *Dougherty G.V.* The Moral Basis of Social Order According to St. Thomas. Wash., 1941. P.26.

степени поддерживали принципиальные методологические постулаты христианской доктрины, хотя отчасти интерпретировали ее в духе теории «общественного договора». Так, например, Дж.Локк, аргументируя естественный характер общественного бытия человеческих существ, как и св. Августин, объяснял это тем, что «Бог создал человека таким существом, что по Его Господнему решению для него было нехорошо находиться одному»[1], а так как «все люди созданы одним всемогущим и бесконечно мудрым Творцом; [то] все они слуги одного верховного владыки, ниспосланы в мир по Его приказу... и существование их должно продолжаться до тех пор, пока Ему, а не им, это угодно»[2].

Существенно новое звучание получило в работах авторов XVII века и учение св. Фомы о законах природы и общества. В отличие от представлений сторонников Б.Спинозы и Р.Декарта, переносивших законы природы на социум, Ф.Бэкон и его последователи сумели найти удачное сочетание historia naturalis и historia civilis. Элементом взаимопроникновения этих видов истории Ф.Бэкон счел материальный прогресс общества, понимаемый им отчасти как прогресс естественных наук, отчасти как технические преобразования. Рассматривая «науку о человеке и гражданском обществе как часть науки о природе»[3], Ф.Бэкон обнаруживал и в природе, и в обществе постепенные эволюционные изменения, которые и составляли предмет исторического исследования. Соотношение законов природы и общества трактовалось таким же образом, как это встречается у св. Фомы Аквинского, даже спустя шесть столетий, когда Ш.Монтескье писал: «Мир разумных существ не управляется... с таким совершенством, как мир физический, так как, хотя у него и есть законы по своей природе неизменные, он не следует им с тем постоянством, с которым физический мир следует своим законам»[4].

Центральной проблемой философии истории XVI—XVIII веков стала проблема социальности, ее возник-

---

[1] *Locke J.* Second Treatise on Legislation. Ch.VII. Art.77.

[2] Ibid. Ch.II. Art.6.

[3] *Бэкон Ф.* Соч. Т.1. М., 1974. С.251.

[4] *Montesquieu Ch.* L'esprit des Lois, I, 1.

новения и перспектив. Теории истории начали формально тяготеть к использованию концепции «общественного договора», однако за этой формальной приверженностью старой доктрине скрывалась ее существенная модификация, подрывавшая сами основы подобных представлений. В отличие от Т.Гоббса Дж.Локк и философы Просвещения трактовали естественное состояние как «состояние мира, доброй воли, взаимной помощи и безопасности»[1], «наименее подверженное переменам и наисчастливейшее для человека»[2].

Трактовка самого общественного договора быстро эволюционировала в этот период от относительного признания его в качестве политического феномена, как это было у Дж.Локка, считавшего, что «все люди... остаются в нем [естественном состоянии] до тех пор, пока по своему собственному согласию они не становятся членами какого-либо политического общества»[3], к рассмотрению его в качестве скорее логической, чем исторической, категории. Так, Ж.-Ж.Руссо, полагая, что «первое чувствование в человеке было чувствование о своем существовании, а первое его попечение — о соблюдении себя»[4], отмечает, что фактом, свидетельствующим о формировании общества, является утверждение личного интереса, отличного от интереса иных людей. «Первый, кто напал на мысль огородить участок земли и сказать «это мое!», — пишет Ж.-Ж.Руссо, — кто нашел людей, достаточно простодушных, чтобы этому поверить, был истинным основателем гражданского общества»[5].

Таким образом, общественное состояние переставало казаться искусственным, а органически вписывалось в общую картину истории. Ж.-Ж.Руссо полагал, что естественное право распространяется и на общественное состояние, различая при этом droit naturel prorrement dit и droit naturel raisonne, причем первое основывается на инстинкте, а второе на разуме.

---

[1] *Locke J.* Op. cit. Ch.III. Art.19.

[2] *Руссо Ж.-Ж.* Рассуждение о начале и основаниях неравенства между людьми. М., 1770. С.71.

[3] *Locke J.* Op. cit. Ch.II. Art.15.

[4] *Руссо Ж.-Ж.* Указ. соч. С.59—60.

[5] Там же. С.68.

Французские просветители XVIII века также достаточно однозначно связали становление общественного состояния не с отношениями власти и подчинения (хотя это обстоятельство также оставалось значимым[1]), а с формированием частной собственности. Трактовка возникновения собственности тесно переплетена с исследованием (пусть и весьма примитивным) экономических отношений. «Пока люди выполняли лишь те работы, которые были под силу одному, — писал Ж.-Ж.Руссо, — они продолжали наслаждаться во всей прелести благами независимых отношений. Но с той минуты, когда человек начал нуждаться в помощи другого... с этой минуты равенство исчезло, возникла собственность»[2]. Однако понятие собственности, по мнению философа, не даровано человеку свыше: «Нужно было далеко уйти по пути прогресса, приобрести множество технических навыков и знаний, передавать и умножать их из века в век, чтобы приблизиться к этому последнему пределу естественного состояния»[3].

Именно через анализ собственности и возникающей на ее основе эксплуатации, подавления человека человеком философы XVIII века подходят к центральной для их системы идее равенства и свободы. Последняя положена Ж.-Ж.Руссо в основание его теории будущего общества, рассматриваемого как возвращение на новой базе к состоянию, характеризующемуся отсутствием собственности и неравенства[4]. Между тем проблема будущего общества стояла для Ж.-Ж.Руссо как проблема соотношения черт естественного состояния и некоторых положительных сторон социального порядка, и такая постановка вопроса, предполагавшая некий синтез черт двух, казалось бы, полностью отрицающих друг

---

[1] См.: *Montesquieu Ch.* Op. cit. I, 2.

[2] *Руссо Ж.-Ж.* Рассуждение о начале и основаниях неравенства между людьми. СПб., 1907. С.78.

[3] *Руссо Ж.-Ж.* Указ. соч. С.68.

[4] Этого иного качества нового общественного состояния в теории Ж.-Ж.Руссо не понял Вольтер, назвавший его «Общественный договор» «книгой против человеческого рода» и считавший, что «никогда не было употреблено более ума на то, чтобы вселить в нас желание стать животными» (*Voltaire.* Oeuvres completes. P., 1877—1882. T.1—52. T.18. P.475).

друга состояний человечества, была исключительно нова для того времени.

Концепция Ж.-Ж.Руссо в ее главных положениях встретила понимание и поддержку среди европейских философов. Рассмотрение перехода от естественного (примитивного) состояния, не знавшего собственности и организованного производства, к гражданскому обществу, анализ возникновения трудовой деятельности, разделения труда, формирования собственности и неравенства были более подробно, нежели у Ж.-Ж.Руссо, прослежены у И.Г.Гердера в его «Идеях к философии истории человечества»[1]; у Э.Э.К.Шефтсбери мы находим прекрасное описание будущего общества как «снимающего» все положительные черты прошлых состояний человечества, в котором «природа [человека] проявляется наиболее совершенно и вполне зрело»[2].

В представлениях философов XVIII века о высших ступенях развития цивилизации мы видим весьма откровенное признание объективности всех дотоле происшедших в истории общества изменений, причем даже тех из них, которые в наибольшей мере противоречат заявленным просветителями чертам человеческой природы. В результате теория истории становится концепцией развития индивидуальных и общественных интересов, а также форм их соотношения. Из этого следует определение цели будущей ассоциации как свободного развития каждой личности, обеспечиваемого материальным прогрессом общества.

По сути дела, к середине XVIII века вновь распространилась трактовка, методологически напоминающая томистское учение о прогрессе общества. Однако принципиальным ее отличием от католических доктрин стало привнесенное грубым материализмом XVI—XVII веков понимание значения природных, технических и в конечном счете экономических факторов, воздействующих на общественный прогресс. Таким образом, последней подготовительной стадией к становлению адекватных представлений об общественном прогрессе дол-

---

[1] См.: *Herder I.G.* Ideen zur der Philosophie der Geschichte der Menschheit, IV, I—III; VIII, IV; IX, I—IV и др.

[2] *Шефтсбери Э.Э.К.* Моралисты. // *Шефтсбери Э.Э.К.* Эстетические опыты. М., 1975. С.159.

жен был оказаться синтез экономического подхода к общественному прогрессу с идеей триадичности самого этого прогресса.

Первые попытки экономического взгляда на историю

В конце XVIII столетия становление капиталистического типа общества с присущим ему быстрым развитием производственного потенциала вызвало усиление внимания философов и историков к происходящим в обществе хозяйственным процессам. Так или иначе вся история цивилизации стала рассматриваться не через призму морального совершенствования человека, а с точки зрения экономических возможностей и целесообразности тех или иных явлений общественной жизни. Одновременно резко возрос интерес к изучению становления и развития общества, так как горизонты мира расширились вследствие географических открытий и представители европейской цивилизации столкнулись с такими сообществами, о существовании которых они ранее могли лишь догадываться.

Наиболее заметными исследователями, отмечавшими влияние экономических факторов на общественный прогресс, в конце XVIII века были во Франции А.Р.-Ж.Тюрго, а в Англии — А.Фергюсон и А.Смит. Они активно критиковали концепцию «общественного договора» в ее крайних проявлениях и поддерживали трактовку естественно-исторического характера формирования общественных связей. Исторические события прошлого исследовались представителями данного направления в тесной связи с хозяйственными процессами того или иного периода, что вело к более глубокому постижению принципов функционирования современного им общества. Во всех этих аспектах воззрения упомянутых мыслителей XVIII столетия, безусловно, подготавливали появление адекватных исторических теорий. Обобщение же выдвинутых ими концептуальных положений стало делом другого их великого современника.

В конце XVIII века удалось фактически полностью преодолеть примитивный взгляд на период, предшествовавший «общественному договору», как на состояние дикости. Соединение тезиса об общественной сущности человека с реальными фактами относительной обособленности первобытных общин было достигнуто посред-

ством апелляции к характеру деятельности тех времен, когда главными источниками существования оставались охота и собирательство, а охотничий быт неизбежно предполагал «семейства или маленькие племена, весьма удаленные друг от друга, ибо каждому для добывания средств существования нужно было обширное пространство»[1]. В этих условиях «лишь небольшое количество людей могло жить вместе, так как их значительное число в течение непродолжительного времени могло уничтожить всю дичь в определенной местности, и последствием этого было бы исчерпание основных средств существования»[2].

А.Р.-Ж.Тюрго и А.Смит подчеркивали, что в таком состоянии общества нет места социальному неравенству, ибо «всеобщее равенство людей утверждает всеобщая бедность»[3]. А.Фергюсон отметил, что собственности не может существовать там, где накопление богатства невозможно или нецелесообразно из-за тех форм, которые оно принимает. «В племени, существующем охотой и рыболовством, — писал философ, — оружие, мелкая утварь и шкуры зверей, которые использовал каждый охотник, были для него единственным объектом собственности», пища же, которая могла быть потреблена в будущем, «не могла быть присвоена до своей поимки»[4]. Таким образом, присвоение в собственность большего числа орудий труда, чем то, которое могло эффективно использоваться, было не нужно, а присвоение потребительских благ оказывалось невозможным.

Соответственно собственность стала возникать только там и тогда, где и когда появились первые возможности сохранения и накопления общественно значимых благ. А.Фергюсон рассматривает переход к частной собственности в классическом смысле этого понятия в связи с распространением земледелия и индивидуализацией потребления сохраняемых продук-

---

[1] *Тюрго А.Р.-Ж.* Рассуждение о всеобщей истории. // Избр. философ. произв. М., 1937. С.80.

[2] *Smith Ad.* Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms. Oxford, 1896. P.20.

[3] *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С.514.

[4] *Ferguson Ad.* Essay on the History of the Civil Society.P.125.

тов[1]. А.Смит подчеркивает, что с переходом от присваивающего хозяйства к производящему ослабляется экономический характер связи отдельных семей, хотя и сохраняется потребность в некоторых коллективных действиях[2]. А.Р.-Ж.Тюрго, однако, анализирует формирование отношений собственности еще на стадии пастушеского хозяйства, указывая, что именно с этого периода возникают зачатки рабства, обусловленного насилием. «Народ, — писал он, — не мог иногда избежать сражения с отрядом решительных людей... которые, победив, сами становились хозяевами стад. ...Страх голодной смерти удерживал побежденных от бегства... и [они] становились рабами победителей»[3]. Здесь отмечено, что не только сам факт возникновения излишков благ привел к образованию классов, но и положение, заставлявшее часть людей смириться с их жалким существованием. А.Смит также полагает, что именно первый экономический период, пастушеский, «допускает большое неравенство состояний, и нет периода, в котором бы богатство давало большую власть тому, кто владеет им»[4].

Именно возникновение собственности и имущественного неравенства и сделало необходимым, как считали экономисты и историки конца XVIII века, появление власти и управления. Указывалось, что процесс становления отношений собственности протекал вполне «естественно, даже независимо от соображений о необходимости этого... которые [соображения] являются впоследствии и тогда содействуют и поддерживают укрепление власти и подчинения»[5], что правителями становились наиболее уважаемые (или сильные, или опытные) члены племени, а уже затем почтение к ним переносилось на их сыновей и семьи, что делало власть наследственной[6]. Но ни от кого из рассматри-

---

[1] См.: *Ferguson Ad.* Op. cit. P.125—126.

[2] См.: *Смит А.* Теория нравственных чувств. СПб., 1895. С.280.

[3] *Тюрго А.Р.-Ж.* Указ. соч. С.82.

[4] *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. С.514.

[5] Там же. С.514.

[6] См.: *Ferguson Ad.* Op. cit. P.152—153.

ваемых нами авторов не ускользнуло, что государство «учреждено для защиты собственности... для защиты тех, кто имеет какую-либо собственность, от тех, которые совсем ее не имеют»[1], для «обеспечения безопасности собственности и защиты богатых от бедных»[2].

Однако наряду с объективностью возникновения имущественного неравенства и классовой структуры и А.Р.-Ж.Тюрго, и А.Смит подчеркивают, что разделение труда, приведшее к этим явлениям, безусловно негативным с нравственной точки зрения, сыграло в то же время огромную позитивную роль в истории человечества, обеспечив экономический прогресс, позволивший обществу достичь его нынешнего уровня. Выделение умственного труда, когда «гений, избавленный от тяжести, налагаемой потребностями первой необходимости, выходит из узкой сферы, в которой они его удерживали, и направляет все свои силы к разработке наук... [порождает] мощный подъем человеческого разума, увлекающего за собой все части общества и черпающего в их совершенствовании новые силы»[3]. Но при этом, подчеркивают А.Фергюсон и А.Смит, люди, занятые производственной деятельностью, превращаются в машины, а «способности мастера... развиваются наряду с тем отуплением, от которого страдает чернорабочий»[4].

Анализ разделения труда, данный в работах указанных авторов, представляется нам гораздо более существенным, нежели все непосредственно исторические исследования, которые были проведены ими, в особенности А.Смитом[5]. Именно это обстоятельство стало

---

[1] *Смит А.* Указ. соч. С.515.

[2] *Smith Ad.* Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms. P.15.

[3] *Тюрго А.Р.-Ж.* Последовательные успехи человеческого разума. Речь в Сорбонне 11.XII.1750. // Родоначальники позитивизма. Вып.1. СПб., 1910. С.33.

[4] *Ferguson Ad.* Op. cit. P.277.

[5] Вклад А.Смита в становление подлинно научной картины истории весьма значителен. В его «Lectures» предпринят анализ прогресса человечества начиная с античных времен, при этом с преимущественно экономических позиций объяснены такие фундаментальные обстоятельства, как полисный характер греческой цивилизации, природа республиканского режима в Греции, формы вы-

центральным для философии истории, концепция которой на основе только что рассмотренных взглядов была создана выдающимся английским логиком, историком и экономистом Д.Юмом.

Д.Юм полагал, что общественная организация является не столько естественной для человека как такового, сколько естественно возникающей из потребности человеческого общежития. «Только с помощью общества, — писал он, — человек может возместить свои недостатки и... приобрести преимущества над другими живыми существами... благодаря объединению сил увеличивается наша трудоспособность, благодаря разделению труда у нас развивается умение работать, а благодаря взаимопомощи мы меньше зависим от превратностей судьбы и случайностей»[1]. Становление общественных институтов Д.Юм рассматривает как процесс углубления и совершенствования связей, возникающих между людьми в процессе их деятельности. При этом он считает, что становление таких связей и их определенных форм предполагает наличие специфических соглашений между людьми: от придания определенного значения различным словам языка до признания стабильности отношений владения благами[2].

Д.Юм обобщил взгляды многих исследователей, отмечавших серьезное воздействие экономических про-

---

рождения этого режима и становления монархии. Выдающейся заслугой А.Смита является анализ внутренней ограниченности рабовладельческой организации хозяйства, в ходе которого выдвигается тезис о том, что Римская империя представляла собой не столько высшую форму расцвета античности, сколько военную монархию (military monarchy), призванную подавить противоречия этого строя. Более того. Вопреки всем распространенным в то время представлениям, А.Смит доказывал прогрессивность варварских нашествий на Рим, отмечая, что они лишь ускорили тот процесс, который был порожден естественным разложением внутренней структуры античного общества (см.: *Smith Ad.* Op. cit. P.23—37). Можно продолжать перечисление заслуг этого философа при анализе хозяйственной и политической систем феодального общества, но это не входит в задачи нашего исследования.

[1] *Юм Д.* Трактат о человеческой природе. // Соч. Т.1. М., 1965. С.636.

[2] См: Там же. С.641.

цессов на общественную жизнь; он аргументировал возникновение неравенства в среде земледельческих племен и проанализировал значение разделения труда и торговли не только для прогресса производства, но и для развития общества, стабильность которого связывалась им с формированием сильного среднего класса независимых промышленников и торговцев[1].

Однако наибольшее значение имеет его анализ ступеней развития человеческой цивилизации. Разумеется, как и все теоретики своего времени, Д.Юм начинает анализ с догосударственной эпохи, однако весьма знаменательно, что главной ее чертой он называет не отсутствие государства или гражданского общества, а отсутствие отношений собственности. Затем следует эпоха, основанная на собственности, причем Д.Юм одним из первых применяет важный методологический прием ее анализа.

В отличие от своих современников философ отказался от рассмотрения истории классовых обществ как строго прогрессивного или однозначно регрессивного явления. Оценивая экономический фундамент античных обществ, Д.Юм первым и одним из немногих европейских философов указал, что таковым являлось мелкое сельскохозяйственное производство, осуществлявшееся свободными крестьянами (by independent property-owning farmers). Влияние же рабства было незначительным, и не оно определяло основы античного хозяйства[2]. Придерживаясь подобной позиции, Д.Юм рассматривал следующее общественное устройство, феодальное, как безусловно прогрессивное с точки зрения развития производства и техники, но при этом отмечал, что феодальное общественное устройство предполагает

---

[1] См.: *Юм Д.* О совершенствовании в искусствах. // *Хатчесон Фр., Юм Д., Смит Ад.* Эстетика. М., 1973. С.391.

[2] См.: *Hume D.* Essays Moral, Political and Literary. Vol.1. L., 1912. P.419—422. Это положение следует отметить еще и потому, что не только современники Д.Юма, как, например, Э. Гиббон, говорили о равенстве числа рабов и свободных в Древнем Риме, но и более поздние авторы, например Ф.Энгельс, допускали невиданные утверждения о том, что «[в Афинах периода наивысшего расцвета] на каждого взрослого гражданина мужского пола приходилось... по меньшей мере 18 рабов и свыше двух находившихся под покровительством» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.21. С.119).

гораздо большую зависимость масс людей от сюзерена, чем античное, и расценивал угнетение масс при феодализме как более жестокое и всеобщее.

Совершенствование общественного устройства Д.Юм связывает с современным ему обществом, однако делает это весьма специфично. Полагая, что достижение политических свобод существенно ускоряет социальный прогресс, и указывая, что последний сопровождается успехами производства, наук и искусств, Д.Юм тем не менее не считает капиталистическое общество идеальным и не связывает с ним исторической перспективы. По мнению философа, этот общественный строй, хотя и облегчает по мере своего развития тяготы неравенства и угнетения, не является тем не менее непосредственно «обществом будущего». С его точки зрения, совершенствование людей и общественных институтов приведет к тому, что «люди неизбежно станут более человечными вследствие самой привычки взаимного общения»[1], что перекликается с трактовкой А.Смита[2]. Однако следует отметить, что Д.Юм связывает появление нового общества с определенным типом человека, сознающего личное и общественное блага и поднимающего их до субординации. «Если бы каждый человек, — писал он, — имел сообразительность, достаточную, чтобы всегда уяснить себе тот глубокий интерес, который обязывает его соблюдать справедливость, и силу духа, достаточную, чтобы упорно и неуклонно следовать общим и отдаленным интересам, противоборствуя соблазнам наличного удовольствия и наличной выгоды, то в этом случае не было бы ничего подобного правительству или политическому обществу, а каждый человек, следуя собственной свободе, жил бы в полном мире и согласии со всеми другими»[3].

Этот отрывок из Д.Юма, отдаленно напоминающий представления основоположников марксизма о становлении «нового типа личности», базируется на глубоком понимании того, при каких условиях станет возможным

---

[1] *Юм Д.* О совершенствовании в искусствах. С.385.

[2] См.: *Smith Ad.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. L., 1894. P.129, 419.

[3] *Юм Д.* Исследование о принципах морали. IV. // Соч. Т.2. М., 1965. С.247.

подобное изменение человеческого рода. Д.Юм однозначно связывает такое изменение с преодолением собственности, представляющейся ему основой всех общественных катаклизмов (хотя и не является при этом величайшим двигателем прогресса). Отрицание же собственности может произойти только тогда, когда исчезает надобность борьбы между людьми за удовлетворение своих насущных потребностей, когда производство практически в состоянии обеспечить человечество всем необходимым. Как отмечает Д.Юм, «отсутствие понятия собственности возникает при наличии такого изобилия всяких вещей, благодаря которому оказываются удовлетворены все желания людей; в таком случае совершенно теряется понятие собственности и все остается общим»[1]. Именно общество, отличающееся отсутствием собственности и разъединенности людей, общество, ознаменованное высокой моральностью своих членов, становится третьей большой ступенью общественной эволюции, какой ее видели выдающиеся гуманисты века Просвещения.

Становление позитивизма

К концу XVIII столетия были подготовлены многие предпосылки для становления адекватных исторических построений. В умах исследователей утвердилось представление о прогрессивности общественного развития, о возможности выделения триады в ходе этого прогресса, о естественном характере общественной эволюции, об обусловленности таковой хозяйственными изменениями, происходящими по мере развития производительных сил. Большинство этих положений в середине следующего столетия переняли К.Маркс и Ф.Энгельс, с чьими именами связано возникновение первой адекватной картины истории, картины, отягощенной, разумеется, некоторыми противоречиями, но не становящейся от этого менее грандиозной. Однако прежде чем перейти к ее анализу, мы обратимся еще к одному течению, также зародившемуся в этот период и приведшему к иному направлению исторической теории, весьма близкому к адекватным представлениям об общественном развитии,

---

[1] *Юм Д.* Трактат о человеческой природе. С.637.

— концепции позитивизма, или позитивной философии, как называли ее сами авторы.

Позитивная школа в исторической науке была ведущей в первой половине и в середине XIX века, хотя творчество ее выдающихся представителей не ограничивалось строго этим временным интервалом. Позитивизм был естественным преемником теорий эпохи Просвещения, отвергающим философию, не основанную на опыте и фактах. Истоки позитивной философии восходят к работам А.Р.-Ж.Тюрго и Ж.-А. де Кондорсэ, ее элементы хорошо заметны в работах английских социальных мыслителей второй половины XVIII века. Однако наибольший расцвет позитивизма именно как завершенного научного направления приходится на первую половину XIX столетия и связывается с именами А. де Сен-Симона и О.Конта.

Взгляды А. де Сен-Симона и О.Конта во многом схожи, однако мы позволим себе рассмотреть их концепции относительно изолированно друг от друга.

Представления А. де Сен-Симона о социальном устройстве не сконцентрированы в специальной фундаментальной работе, как это было предпринято О.Контом; поэтому для их исследования приходится обратиться к большому числу произведений. Философ создает систему, которая, несмотря на имеющиеся в ней внутренние противоречия и некоторую непоследовательность[1], оказывается тем не менее весьма реалистичной и отражающей приверженность автора идее социального прогресса.

Основным пунктом философии А. де Сен-Симона является утверждение о прогрессивном развитии человечества в направлении состояния, отличающегося оптимальной организацией человеческого общежития, что отчасти может быть названо, пользуясь терминами эпохи Просвещения, царством Разума. Однако при этом А. де Сен-Симон тесно увязывает наступление подобного

---

[1] Нельзя не отметить, что концепция Ж.-А. де Кондорсэ, несмотря на весь ее схематизм, отличалась большей последовательностью в той части, где автор, говоря о прогрессе человеческого разума, подразумевал развитие его материального воплощения. В теории же А. де Сен-Симона подобная терминология используется непосредственно для обозначения успехов разума.

состояния с социальным и экономическим прогрессом, что делает его концепцию весьма цельной и завершенной.

Поступательность развития подчеркивается А. де Сен-Симоном, когда он говорит, что «будущее слагается из последних членов ряда, в котором первые члены составляют прошлое»[1], не отрицает, по его мнению, того обстоятельства, что в социуме существуют устойчивые отношения, не изменяющиеся коренным образом с переходом от одной исторической эпохи к другой и обеспечивающие преемственность развития. К ним философ относит собственность, «от сохранения права [которой] зависит существование общества»[2], и религию, возможности отрицания которой он не видит даже в индустриальный период.

В своей теории философ добивается удачного сочетания идеи социального и нравственного прогресса. С одной стороны, он повторяет положения исследователей XVIII столетия о роли разделения труда в общественном развитии, справедливо заключая, что в той степени, в какой «разделение труда развивается как в духовной, так и в светской области в самом широком смысле», «люди меньше зависят друг от друга индивидуально, но тем больше каждый из них зависит от всей массы»[3]. Именно это обстоятельство, по мнению А. де Сен-Симона, имеет важное значение для понимания развития нравственности, ибо «наиболее общий момент в поступательном движении обществ, факт, implicite содержащий в себе все другие, это — прогресс нравственной концепции, в силу которой человек чувствует за собой социальное назначение»[4]. Таким образом, отмечено, что прогресс производства однонаправлен с прогрессом основной нравственной идеи, господствующей в обществе.

---

[1] *Сен-Симон А. де.* Очерк науки о человеке. // Избр. соч. Т.1. М.-Л., 1948. С.199.

[2] *Сен-Симон А. де.* Взгляд на собственность и законодательство. // Там же. С.360.

[3] *Сен-Симон А. де.* О промышленной системе. // Там же. Т.2. С.16—17, прим.

[4] Изложение учения *Сен-Симона*. М.-Пг., 1923. С.54.

Сам же общественный прогресс все-таки подразделяется на отдельные стадии в большей степени согласно нравственному, интеллектуальному и религиозному характеру эпохи. С одной стороны, в произведениях А. де Сен-Симона содержится деление истории на три эпохи: теологическую с господством в ней религиозного сознания; метафизическую, когда религиозные доктрины начинают замещаться зачатками научного подхода к природе и обществу, и позитивную, под которой понимается в основном общественный строй будущего. С другой стороны, имеет место и иная классификация, целиком основанная на религиозных и интеллектуальных критериях: эпохе примитивного хозяйства соответствует идолопоклонство, эпохе изящных искусств — политеизм, эпохе знаний политических и нравственных — деизм, эпохе математических и физических наук — физицизм.

Важно отметить в качестве существенного достижения А. де Сен-Симона то, что он обратился к проблеме характера общественного прогресса и обнаружил, что в нем встречаются периоды, которые можно разделить на две группы, названные им критическими и органическими эпохами соответственно. По его мнению, «в органические эпохи цель общественной деятельности ясно определена, все усилия посвящены достижению этой цели... Критические эпохи представляют диаметрально противоположное зрелище... Цель общественной деятельности становится чем-то совершенно неизвестным, неуверенность в общих отношениях, переход в область отношений частных... законность власти оспаривается у людей, ее имеющих, правители и управляемые находятся в состоянии войны друг с другом»[1]. Внутри самих критических эпох автор отмечает периоды деструктивные, в течение которых происходит разрушение основ предшествующей организации, и конструктивные, знаменующие собой становление нового типа общественного устройства.

А. де Сен-Симон в своем историческом исследовании отметил ряд важных характерных черт европейской истории. Ему принадлежит заслуга обоснования смягчения форм эксплуатации с развитием форм хозяйствования, в

[1] Изложение учения *Сен-Симона*. С.78, 79, 80.

результате чего, как писал философ, «участь людей, составляющих подавляющее большинство общества, была при теологическом и феодальном строе гораздо в меньшей степени несчастна, чем при системе общественного строя греков и римлян»[1]. А. де Сен-Симон справедливо полагает, что различия политического строя вызваны различием экономической организации общества и что прогресс этой экономической организации вызывает необходимость адекватных изменений в политической системе. Борьба экономического прогресса и политической инертности показана им на примере Французской революции, которая представлена как борьба промышленников (а промышленниками он считает и пролетариев, и предпринимателей, так как все они в равной степени работники [travailleurs] и сотрудники [collaborateurs]) с представителями праздных классов[2]. По мнению А. де Сен-Симона, в данном случае «притязания буржуазии меньше оскорбляют идею равенства, чем притязания дворянства»[3], так как только индустриальный класс может обеспечить прогресс, столь необходимый всему обществу.

А. де Сен-Симон изобразил в своих трудах соответствующую методологии его исследования картину будущего общества — общества зрелого индустриального порядка. Развитие индустрии он рассматривает как средство обеспечения социального процветания, а не в качестве зла, как это понимали утописты. По мнению А. де Сен-Симона, прогресс промышленности может не только устранить причины классовых столкновений, но и способствовать прекращению межнациональных конфликтов и войн[4].

---

[1] *Сен-Симон А. де.* Рассуждения литературные, философские и промышленные. // Избр. соч. Т.2. С.282.

[2] См.: *Сен-Симон А. де.* О промышленной системе. // Избр. соч. Т.2. С.11.

[3] *Сен-Симон А. де.* Катехизис промышленников. // Избр. соч. Т.2. С.128.

[4] Весьма характерным моментом теории А. де Сен-Симона является описание методов перехода к развитому индустриальному состоянию. Рассматривая Французскую революцию как пример борьбы промышленников и дворянства, автор, однако, считает более предпочтительным иной путь — путь *пропаганды* достижений про-

Концепция будущего общества у А. де Сен-Симона разработана исключительно с точки зрения прогресса промышленности. Согласно его представлениям, «единственной целью, к которой должны быть направлены все наши мысли и все наши усилия, является организация промышленности, понимаемой в самом широком смысле, охватывающей все виды полезных работ»[1]. Промышленность кажется философу демократичной; для своего развития она требует увеличения потребления, повышения общественного благосостояния, и в соответствии с этим прокламируется, что «в новом политическом строе единственной и постоянной целью общественной организации должно быть возможно лучшее применение для удовлетворения потребностей человека знаний, добытых науками, искусствами и ремеслами, расширение этих знаний, их совершенствование и возможно большее накопление, словом, возможно более полное сочетание всех отдельных работ в области наук, искусств и ремесел»[2]. Во главе общества встанут промышленники, в результате чего «благосостояние государства будет развиваться с той быстротой, какая только возможна, и общество будет обладать всем тем индивидуальным и общественным счастьем, на какое только может притязать человеческая природа»[3].

Следует отметить, что А. де Сен-Симон предполагает наличие в будущем обществе некоего социального соглашения, на котором, собственно, и базируется это общество, хотя этот элемент его теории фактически никогда не рассматривается комментаторами. С одной

мышленной системы. «Единственным средством, которым будут пользоваться друзья человечества, — пишет он, — это проповедь, как устная, так и письменная.... Друзья человечества будут продолжать свою проповедь столько времени, сколько окажется необходимым, чтобы побудить государей [осуществить необходимые для торжества промышленной системы преобразования]» (*Сен-Симон А. де.* О промышленной системе. // Там же. С.92, 93).

[1] *Сен-Симон А. де.* Письма к американцу. // Там же. Т.1. С.314.

[2] *Сен-Симон А. де.* О теории общественной организации. // Там же. С.441.

[3] *Сен-Симон А. де.* Катехизис промышленников. // Избр. соч. Т.2. С.153.

стороны, низшие классы индустриального общества должны признать свое положение перед лидерами промышленности [les chefs industriels]: «Вы богаты, мы бедны; вы работаете головой, а мы руками; из этого основного различия следует, что мы должны вам подчиняться»[1]. Однако должно быть осуществлено и обратное: «Так как меньшинство не нуждается более в насилии, чтобы держать класс пролетариев в повиновении, то оно должно провести следующие мероприятия: во-первых, меры, благодаря которым пролетарии будут сильнее заинтересованы в общественном спокойствии... в-третьих, меры, имеющие целью предоставить трудящимся высшую степень политического влияния»[2]. Не перекликается ли эта система рекомендаций с тем, что было реально осуществлено в западном мире через сто пятьдесят лет после смерти философа?

Таким образом, основатель позитивизма исследовал исторический процесс преимущественно с позиций развития индустриальной системы. Более совершенное с методологической и теоретической точек зрения историческое построение было предпринято его учеником О.Контом. Концепция последнего воспринималась как знамение времени во многом потому, что «основания философии О.Конта не составляют его исключительной особенности: это общее достояние века», — как сказал о своем предшественнике Дж.Ст.Милль[3].

О.Конт предложил ранжирование наук по степени их сложности и отнес социологию к высшей категории (впоследствии, правда, он дополнил этот ряд психологией). Достоинством позитивной социологии он считал прежде всего то, что «она всегда рассматривает настоящее состояние как неизбежный результат всей предшествующей эволюции, отводя постоянно, при исследовании современных человеческих событий, преобладающее место рациональной оценке прошлого, что тотчас устраняет чисто критические тенденции, несовместимые со всякой здоровой исторической концеп-

---

[1] Цит. по кн.: *Виппер Р.* Социальная философия Сен-Симона. // *Мир Божий.* 1901. N 12. С.268.

[2] *Сен-Симон А. де.* Рассуждения литературные, философские и промышленные. // Избр. соч. Т.2. С.326.

[3] *Милль Дж. Ст.* О.Конт и позитивизм. СПб., 1906. С.9.

цией»[1]. Смысл же создания подобной теории заключается, по мнению О.Конта, в том, что «учение, которое удовлетворительно объяснит совокупность всего прошедшего... получит, благодаря этому доказательству, руководящую роль в направлении мысли будущего»[2].

Соответственно отмечается, что подобная задача требует и специфического метода исследования. О.Конт указывает, что историческая наука уже обрела достаточное количество фактологического материала, чтобы кардинально изменить ход исследования прогресса человечества. «В поисках социальных законов, — пишет О.Конт, — разум необходимо должен идти от общего к частному, то есть начать с того, чтобы понять целостное развитие человеческого рода в его единстве, различая в нем сначала лишь очень немного последовательных стадий, а затем постепенно, умножая промежуточные звенья, достичь все возрастающей точности»[3].

Социальная философия О.Конта начинается, по сути своей, с определения общества, сформулированного св. Фомой Аквинским. Соглашаясь с тем, что «человечество есть непрерывная совокупность существ, стремящихся к одной цели»[4], философ подчеркивает, что «общество есть только там, где совершается общая и комбинированная деятельность. При всякой другой гипотезе, — продолжает он, — мы получаем только скопление известного количества индивидов на одной и той же почве. Этим-то и отличается человеческое общество от общества животных, живущих стадами»[5].

Теория общественного прогресса, созданная О.Контом, отличается, во-первых, реалистическим характером, а во-вторых, формой, унаследованной от своих предшественников — А.Р.-Ж.Тюрго, Ж.-А. де Кондорсэ и А. де Сен-Симона.

---

[1] *Конт О.* Дух позитивной философии. СПб., 1910. С.44.

[2] Там же. С.47.

[3] *Comte A.* Opuscules de philosophie sociale. 1819-1828. P., 1883. P.200.

[4] Положительная философия *Огюста Конта* в изложении доктора *Робинэ*. СПб., 1898. С.110.

[5] *Конт О.* Система позитивной политики. // Родоначальники позитивизма. Вып.2. СПб., 1910. С.93.

С одной стороны, О.Конт указывает, что прогресс общества — это объективный процесс, проявляющийся в ходе постоянного эволюционного движения общественного организма от одной стадии к другой. «Порядок природы, — пишет он, — необходимо заключает в себе зачатки и предпосылки всех возможных видов прогресса. Позитивный взгляд на человеческие отношения заключается в рассмотрении всех их изменений не в качестве новых актов творения, а в качестве новых этапов эволюции. Этот принцип вполне проявляется в истории»[1]. О.Конт полагает, что на первых этапах развития общества «прогресс человечества служит продолжением совершенствования животного царства и осуществляет его высшую ступень».

Концепция прогресса О.Конта предполагает три стадии эволюции, исторически сменяющие одна другую. Эти стадии названы им теологической, метафизической и позитивной; им соответствуют военная, переходная и научно-промышленная организация общества. В рамках такого подхода О.Конт отмечает объективность исторического процесса на примере европейских государств, утверждая, в частности, неизбежность наступления феодализма («феодальный строй возник бы даже и тогда, если бы не было этих [варварских] вторжений... они повлияли лишь на время возникновения нового режима»[2]) и его прогрессивный характер (средневековый строй привел к тому, что «труд человека начал все более заменяться силами природы, которыми так мало пользовались древние»[3]). Философ отмечает то важное обстоятельство, что прогресс техники обусловлен не только развитием человеческого разума, но и прогрессом социальных отношений, в частности преодолением рабства, что устранило возможность использовать человека как бессловесное орудие труда. Переход же к индустриальной стадии стал возможен только тогда, когда был уничтожен серваж, получили большую степень свободы городские общины и развился денежный обмен[4].

---

[1] *Comte A.* A General View on Positivism. L., 1898. P.77.

[2] Социология *Конта* в изложении *Риголажа*. С.180.

[3] Там же. С.192.

[4] Там же. С.192.

С другой стороны, О.Конт подчеркивает огромную роль человеческого знания (и вообще сферы идеального) в обеспечении поступательного развития общества. Он предостерегает своих современников от недооценки интеллектуального уровня той или иной эпохи, отмечая, что прогресс общества всегда происходит на фоне прогресса знания. «Положительные свойства средневекового строя, — пишет философ, — открывают несправедливость той легкомысленной философии, которая называет варварским и темным временем замечательную эпоху, когда в католико-феодальном мире блистали св. Фома Аквинский, Альберт Великий, Роджер Бэкон и Данте»[1].

Опираясь на воззрения своих предшественников, О.Конт придает большое значение умственной эволюции человечества, что вообще характерно для исследователей конца XVIII века. Так, он считает, что «идеи управляют миром и вызывают в нем потрясения; весь социальный механизм опирается в конечном счете на мнения людей»[2], и убежден, что «умственную эволюцию следует без колебаний поставить на первом плане, как основу всего развития человечества... во главе истории общества стоит история человеческого духа. Мы должны признавать, или, вернее, *продолжаем* (курсив мой. — *В.И.*) признавать общую историю человеческого духа руководителем наших исторических исследований»[3].

Таким образом, социология О.Конта представляет собой, на наш взгляд, предел упорядочения концепций, так или иначе восходящих к идеологическим основам века Просвещения. Соответственно и представления о будущем человечества, предложенные О.Контом, не слишком отличались от высказанных А. де Сен-Симоном. Утверждая, что «богатство, будучи общественным в своем источнике, должно быть таковым и по своему назначению, сохраняя в то же время личную принадлежность, необходимую для того, чтобы оно могло сохранять свою независимость при несении службы об-

---

[1] Социология *Конта* в изложении *Риголажа*. С.192—193.

[2] *Comte A.* Course de philosophie positive. T.1. P., 1830. P.48; T.4. P., 1839. P.648—649.

[3] Социология *Конта* в изложении *Риголажа*. С.94.

ществу»[1], О.Конт считает, что «для народа неважно, в чьих руках находятся капиталы, лишь бы употребление их было полезно для него»[2].

Оценивая систему позитивной философии, нельзя не упомянуть тот вклад, который принадлежит Дж.Ст.Миллю. Этот разносторонний исследователь сумел существенно усовершенствовать целый ряд положений, выдвинутых основателями позитивизма. Не рассматривая его концепции в целом, отметим лишь некоторые его заслуги перед социологической наукой.

Дж.Ст.Милль предложил весьма обоснованную формулировку соотношения идей как фактора общественного развития и эволюции самого социального базиса, формулировку, отрицающую учение А. де Сен-Симона и отчасти О.Конта о доминировании идеальных факторов в общественном прогрессе. Он писал: «Идеи вообще, если им не способствуют какие-либо внешние обстоятельства, не производят быстрого и непосредственного влияния на человеческие отношения; однако самые благоприятные внешние обстоятельства могут проскользнуть без всякого влияния, если не существуют идеи, которые бы способствовали их непосредственному влиянию; но если благоприятные внешние обстоятельства встречаются с идеями, уже существующими в обществе, то в таком случае можно с уверенностью ожидать быстрых и хороших результатов»[3]. Именно такой подход приводит Дж.Ст.Милля к мысли о том, что строгого закона общественного прогресса не существует; косвенно это положение подчеркивает тезис О.Конта о том, что в общественных науках имеет место наименьшая степень точности, однозначности (precision) по сравнению с данными, предоставляемыми иными научными дисциплинами. Дж.Ст.Милль отмечает, что «последовательность состояний человеческого духа и человеческого общества не может иметь своего особого, независимого закона: она должна зависеть от психологичес-

---

[1] Положительная философия *Огюста Конта* в изложении доктора *Робинэ*. С.85.

[2] Социология *Конта* в изложении *Риголажа*. С.345.

[3] *Милль Дж. Ст.* Право труда. // *Милль Дж. Ст.* Рассуждения и исследования политические, философские и экономические. Вып.2. СПб., 1865. С.103.

ких и этологических законов, управляющих действием обстоятельств на людей и людей на обстоятельства»; «пока этот закон нельзя связать с теми психологическими и этологическими законами, от которых он должен зависеть, его нельзя превратить из эмпирического закона в закон научный», а о предсказании будущих путей прогресса вообще рано говорить[1].

Источником развития общества философ считает борьбу противоположностей, существующих в обществе, причем главными из них он называет статичность и стремление к прогрессу. «Борьба этих принципов — прогресса и неподвижности — и составляет великий интерес истории человечества»[2], — пишет Дж.Ст.Милль и продолжает: «Если бы постоянный антагонизм, который оживлял человеческий дух, уступил свое место полному преобладанию какого-нибудь одного, пусть даже самого благотворного (salutary), элемента, то оказалось бы, что мы слишком доверчиво положились на прогрессивность, о которой так часто говорят, как о неотъемлемом свойстве нашей природы (inherent property of our species)»[3], так как дальнейший прогресс невозможен вне борьбы противоположных исторических начал.

Нельзя не обратить внимание на то, что Дж.Ст.Милль совершенно справедливо указывает, что борьба между прогрессом и неподвижностью не только обусловливает ход истории, но сама оказывается обусловленной им. Так, анализируя феодальный строй, он отмечает, что на определенном этапе он олицетворял динамичность развития, а затем, когда перестал соответствовать потребностям времени, оказался статичным образованием, обреченным на уничтожение: «При господстве и под влиянием феодальной системы (under the domination and auspices of feudality) в цивилизации произошел значительный прогресс, и причиной падения этой системы были не ее недостатки, а хорошие стороны, а именно прогресс, происшедший под ее влиянием,

---

[1] *Милль Дж.Ст.* Система логики, силлогистической и индуктивной. М., 1899. С.739.

[2] *Милль Дж. Ст.* О свободе. Лейпциг, 1861. С.155.

[3] *Mill J. St.* M. Guizot's «Essays and Lectures in History». // The Edinburg Review. № 166. Oct. 1845. P.393.

в силу чего человечество стало желать и сделалось способным осуществить (mankind has become desirous of obtaining and capable of realising) лучшую социальную форму, чем та, которую давал феодализм»[1].

Дж.Ст.Милль, как и его предшественники, выступает сторонником совершенствования индустриального общества, основные принципы которого он считает адекватными человеческой природе. Недостатки, отрицать которые в современном ему обществе философ не имеет ни желания, ни оснований[2], могут быть, по его мнению, преодолены посредством роста степени свободы всех членов общества, что кажется Дж.Ст.Миллю важнейшим условием социального прогресса[3]. Между тем последний процесс совершается автоматически по мере прогресса экономики, в силу чего индустриальный строй способен двинуться по пути эволюции, постепенно изживая присущие ему негативные явления. «Пороки и несправедливости современной системы значительны, — отмечает Дж.Ст.Милль, — но они не имеют склонности возрастать; напротив, основная тенденция направлена на их постепенное преодоление»[4]. Как и А. де Сен-Симон, и О.Конт, Дж.Ст.Милль отрицает необходимость радикального изменения индустриальной системы с целью формирования отношений коммунистического типа, что полностью соответствует общим направлениям социологической доктрины позитивизма.

Итак, мы рассмотрели вкратце то направление развития исторической мысли, сущность которого нам видится как движение по пути становления адекватных теорий истории. Теоретики, принадлежащие к этому течению, представляют самые разнообразные социоло-

---

[1] *Mill J. St.* M. Guizot's «Essays and Lectures in History». P.414.

[2] Так, он пишет: «Если существуют люди, терпящие физические лишения или деградирующие морально, если их насущные потребности не удовлетворяются или удовлетворяются образом, достойным лишь животных, то это является показателем несовершенства их социального окружения» (*Mill J. St.* Chapters on Socialism. // The Fortnightly Review. New Series. Vol. XXV. 1879. February-April. P.225).

[3] См.: *Милль Дж. Ст.* О свободе. С.154—155.

[4] *Mill J. St.* Chapters on Socialism. P.382.

гические школы, однако оказываются связанными рядом обстоятельств, которые следует отметить особо.

Во-первых, от древнегреческих атомистов, через идеи св. Августина и св. Фомы Аквинского к исследователям Нового времени и сторонникам позитивной философии ведет связующая нить, основанная на признании всеми этими мыслителями самого *факта социального прогресса*. Идея прогрессивности развития общества изложена в проанализированных нами трактатах с разной степенью обоснованности и рассмотрена с различных точек зрения, однако сам факт ее присутствия как важнейшего методологического принципа предпринятых исследований показывает очевидную сопоставимость позиций упомянутых авторов и делает их концепции в той или иной степени применимыми к описанию реальной истории человечества.

Во-вторых, в рассмотренных нами теориях предприняты попытки (не всегда одинаково успешные) оценить общественный прогресс с точки зрения внутренних процессов, происходящих в социуме. Именно самодвижение человеческого общества поставлено в центр этих теорий прогресса. Конечно, сами подходы весьма разнообразны (св. Фома Аквинский так или иначе придерживался тезиса об определяющей роли морального совершенствования отдельных личностей в процессе модернизации общественного целого; исследователи века Просвещения тяготели к рассмотрению прогресса человеческого разума и обогащения знаний как основы совершенствования общества; авторы, акцентировавшие свое внимание на исследовании хозяйственной жизни, находили источник прогресса общества в развитии форм производства и так далее), однако развитие общества уже не сводится ни к биологическим (ни даже механистическим) процессам, не признается определяемым внешними (и даже сверхъестественными) обстоятельствами.

В-третьих, все упомянутые в этом разделе авторы предпринимали членение общественного прогресса *в соответствии с основными методологическими принципами их учений*. Если, например, события библейской хроники, положенные в основу исторической периодизации св. Августина, не имели ничего общего с рассмотренной им в качестве источника прогресса борьбой «двух градов в роде человеческом», то эпохи, выде-

ленные св. Фомой, Дж.Локком, А.Смитом и Д.Юмом, А. де Сен-Симоном и О.Контом, отражали видоизменения представлений об основных движущих силах истории. В этом отношении проанализированные здесь теории, несомненно, более строги, чем обсуждавшиеся в предыдущем разделе.

Таким образом, концепции, ставшие вехами на пути достижения адекватных исторических построений, совершенствовались весьма и весьма долго, причем необходимо отметить, что в отличие от теорий неадекватных в их развитии очевидна философская преемственность. Рассмотренные нами авторы сумели связать нить, казавшуюся разорванной сторонниками примитивного материализма XVI—XVII веков[1], и обеспечить поступательное развитие европейской философской традиции.

Однако все эти концепции были лишь прелюдией к появлению более совершенных теорий, четко основанных на трехчленном делении истории и обладающих методологическим и терминологическим аппаратом, адекватно приспособленным к данным целям. Первой из таких адекватных исторических теорий стала подвергающаяся ныне не вполне заслуженной критике историческая доктрина марксизма.

---

[1] Эта традиция европейской философии прекрасно отмечена Г.К. Честертоном, совершенно справедливо указавшим, что «пробел в философии — не до Фомы, и не в начале средних веков, а после Фомы, в начале Нового времени. Великая философская преемственность, которая идет от Пифагора и Платона, не прерывалась ни падением Рима, ни торжеством Аттилы, ни варварами. Она оборвалась, когда изобрели книгопечатание, открыли Америку, озарили мир славой Возрождения. Именно тогда оборвалась или была оборвана длинная тонкая нить, протянутая из далекой древности — нить странной тяги к размышлениям» (*Честертон Г.К.* Вечный Человек. М., 1991. С.298).

Глава вторая

МАРКСИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Теория исторического развития, созданная в середине XIX века К.Марксом и Ф.Энгельсом, стала первой успешной попыткой построения адекватной концепции истории. Значение ее тем более велико, что в новой доктрине оказались инкорпорированы основные положения предшествующих мыслителей, и можно утверждать, что марксистская теория вобрала в себя все главные течения философской мысли, представители которых внесли свой вклад в построение целостной теории общественного прогресса.

Марксистскую теорию истории нельзя, в сущности, объяснить как возникшую из трех источников, которыми зачастую считают английскую политическую экономию, немецкую классическую философию и французский утопический коммунизм. Лежащее в основе марксовых представлений о прогрессе вычленение в истории эпохи, характеризующейся отсутствием разделения труда и частной собственности, периода их существования и исторического времени, открывающегося после преодоления этих явлений, было общепризнанным в конце XVIII столетия. Для столь смелого обобщения не требовалось поставить диалектику Г.В.Ф.Гегеля с головы на ноги и соединить ее с материализмом Л.Фейербаха; сама подобная постановка вопроса представлялась уже общим местом.

Гегелевская триадичность в большей мере использовалась основоположниками марксизма как метод более глубокой аргументации выдвигаемых положений, чем как метод исследования; по крайней мере, в анализе будущего человеческого общества — так называемой коммунистической эпохи — К.Маркс оказался весьма

непоследовательным при использовании фундаментальных диалектических принципов. Материализм К.Маркса также не был заимствован у Л.Фейербаха, а был впитан основоположниками марксизма вместе с остальными идеями английских политикоэкономов; он восходит к посвященным социальным проблемам трудам А.Р.-Ж.Тюрго и Ж.-Ж.Руссо, Э.Б. де Кондильяка и Ж.-А. де Кондорсэ, к политическим и историческим трактатам А.Фергюсона и Э.Э.К.Шефтсбери, Д.Юма и А.Смита. Идея же социализма, изложенная родоначальниками марксизма, может считаться позаимствованной у А.де Сен-Симона, Ш.Фурье и Р.Оуэна только с очень большой степенью условности.

В целом же теория, созданная основоположниками марксизма, продолжила ряд исторических построений конца XVIII — начала XIX века, однако она отличалась всеобъемлющим характером, четкой заданностью цели исследования, прогностической ориентированностью и, что весьма важно, беспрецедентной научной четкостью и методологической последовательностью. Рассмотрев предварительно некоторые общие элементы теории, мы обратимся к ее методологическим основам.

Общий обзор исторической динамики

Основной чертой марксистской теории принято считать материалистический подход к пониманию истории. Как правило, в доказательство использования подобного подхода приводят известную фразу К.Маркса из Предисловия к «Критике политической экономии», где говорится о том, что «в общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается политическая и юридическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства мате-

риальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, общественное бытие определяет их сознание»[1].

Данное высказывание К.Маркса дает адекватное представление о важнейших принципах материалистического понимания истории, однако следует подчеркнуть, что элементы самой концепции возникли гораздо раньше, чем была написана «К критике политической экономии». Еще в «Экономико-философских рукописях 1844 года» К.Маркс назвал производство «родовой жизнью человека» и обратил внимание на то, что разделение труда, являющееся следствием определенного уровня развития производительных сил, в то же время заключает в себе в наиболее простой форме отношения, в которые вступают люди в процессе производства[2].

Четкое определение новых для социальной теории понятий «производительные силы», «общественное бытие» и «общественное сознание» появилось в «Немецкой идеологии», где был также сформулирован и принцип примата первых над последним и выдвинут ряд положений о коммунистическом будущем человечества.

В 1846—1847 годах К.Маркс выдвигает тезисы, фактически идентичные приведенной цитате из Предисловия. Так, в письме к П. Анненкову от 28 декабря 1846 года он пишет: «...Люди не свободны в выборе своих производительных сил, которые образуют основу всей их истории, поскольку всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествовавшей деятельности. Таким образом, производительные силы — это результат практической энергии людей, но сама эта энергия определена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, которая существовала до них, которую создали не эти люди, а предыдущее поколение... Благодаря этому факту образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества, которая тем больше становится историей человечества, чем больше выросли производительные силы людей, а следовательно, и их общест-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.13. С.6-7.

[2] См.: Там же. Т.42 С.413.

венные отношения»[1]. Через год, читая лекции в Немецком рабочем обществе в Брюсселе, К.Маркс указал: «В производстве люди вступают в отношение не только к природе. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство». Таким образом, уже к концу 40-х годов К.Маркс и Ф.Энгельс обладали всеми основными положениями, характеризующими материалистический взгляд на общество, однако теория прогресса с ее методологическими и терминологическими принципами была создана ими намного позднее.

Возникновение цивилизации

Тезис о первичности производства по отношению к другим сторонам социальной жизни был весьма отчетливо сформулирован в работах К.Маркса и Ф.Энгельса, и это не могло не вызвать предположения о том, что начало человеческой истории объяснено родоначальниками марксизма исходя из этих методологических оснований.

Рассмотрение классиками марксизма становления человеческого общества базируется на оценке четырех главных теоретических проблем, относящихся к периоду, предшествующему основам цивилизации. *Во-первых*, это проблема труда как продуктивной деятельности; *во-вторых*, проблема разделения труда и отношений собственности; *в-третьих*, проблема обмена деятельностью и ее результатами и, наконец, *в-четвертых*, проблема эксплуатации и неравенства. Все эти вопросы подняты в работах основоположников марксизма и решены с разной степенью глубины и конкретизации.

Вопрос о возникновении и роли труда в человеческом обществе рассмотрен К.Марксом и Ф.Энгельсом наиболее упрощенным по отношению к остальным перечисленным проблемам образом. Согласно известному определению, данному К.Марксом в «Капитале» и относящемуся к трудовой деятельности как ставшему явле-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.27. С.402.

нию, «труд есть процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой»[1]. Здесь прямо говорится о применимости этого определения к описанию зрелых форм человеческой деятельности с учетом абстрагирования от «первых животнообразных форм труда»[2], то есть тех этапов развития активности человеческих существ, той примитивной деятельности, которая еще «не была трудом в собственном смысле слова»[3]. Деятельность эта принимает трудовой характер только тогда, когда начинается изготовление орудий труда, что свидетельствует о вполне осознанном типе деятельности (как подчеркивает Ф.Энгельс, «труд начинается с изготовления орудий»[4]).

Важно, однако, отметить, что роль труда оценена К.Марксом и Ф.Энгельсом очень высоко; по их мнению, именно становление трудового процесса и сформировало основные человеческие качества. «Сначала труд, а затем и вместе с ним и членораздельная речь, — пишет Ф.Энгельс, — явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг»[5]. В данном случае следует предположить, что основоположники марксизма рассматривали развитие трудовой деятельности и становление человека как идентичные *процессы*, так как строго методологически нельзя говорить об однозначной обусловленности возникновения человека (определяемого в марксистской традиции именно через *способность к труду*) развитием самого *труда*. Однако тезисы о развитии навыков орудийной деятельности и принятии ею сознательного характера являлись важнейшими составляющими становления человеческого индивидуума. Между тем следует еще раз подчеркнуть, что противоречия, существующие в марксовой трактовке возникновения труда и его роли в становлении социума, весьма значительны. Именно они дают один из главных поводов

---

1 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.23. С.188.
2 Там же. С.189.
3 Там же. Т.20. С.491.
4 Там же.
5 Там же. С.490.

для той трактовки роли и исторических границ труда, которая будет изложена ниже и представляется нам методологической основой формирования концепции постэкономической общественной формации.

Второй блок проблем включает вопросы, связанные с формированием потребностей, разделением труда и собственностью. Первичные потребности, удовлетворяемые примитивным трудом, восходят к потребностям биологического типа. Однако с развитием человеческой деятельности и возникновением специфических орудий и способов реализации потребностей начинает складываться характерная для человеческого существа потребность — потребность не только в более полном удовлетворении своих традиционных нужд, но и в формировании новых. Как отмечал К.Маркс, «сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям и это порождение новых потребностей является первым историческим актом»[1].

Проистекающие из биологической природы человека потребности могли быть в целом удовлетворены в системе примитивной общины, отчасти копирующей животное стадо. В этой ситуации человек не выделял еще самого себя из предсоциального целого и «отношение человека к природным предпосылкам его производства как к принадлежащим ему, как к своим собственным, опосредовалось тем, что он сам являлся естественным членом общины»[2]. Частное присвоение на этом этапе было невозможным, причины такого положения дел были ранее описаны А.Фергюсоном и А.Смитом. Классики марксизма, однако, совершенно справедливо отметили тот факт, что источником преодоления подобного состояния является именно прогресс человеческих потребностей, вызывающий спецификацию деятельности, которая сама становится основой для разделения труда.

Разделение труда занимает в теории К.Маркса и Ф.Энгельса весьма значительное место, что унаследовано ими от социальных философов XVIII века. Основное значение этого явления на первых этапах

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.3. С.27.

[2] Там же. Т.21. С.159.

общественной эволюции заключается, по их мнению, в том, что оно «подрывает коллективный характер производства и присвоения... делает преобладающим правилом присвоение отдельными лицами»[1]. Последнее обстоятельство предполагает становление индивидуальных интересов отдельных индивидов, интересов, обусловленных характером присвоения ими материальных благ, что в конечном счете оказывается важнейшей причиной деструкции общинного строя.

Формой проявления этого процесса становятся отношения обмена, анализу которых основоположники марксизма придают огромное значение. Обмен рассматривается ими прежде всего как обмен деятельностью (имеющий место в любом социальном организме и являющийся формой непосредственной взаимосвязи между индивидами) и обмен продуктами деятельности (вызванный разделением труда и отражающий следующую ступень прогресса общества).

К.Маркс и Ф.Энгельс подчеркивают (и в этом их несомненная заслуга), что обмен продуктами выполняет различные функции в зависимости от того, кто выступает его субъектом. Первоначально, подчеркивают они, обмен продуктами был обусловлен естественными факторами, в частности различиями среды существования отдельных групп людей[2], и носил черты общения групп, а не отдельных индивидов. «Развитие продуктов в товары, — пишет К.Маркс, — возникает вследствие обмена между отдельными общинами, а не между членами одной и той же общины»[3].

В этих условиях товарная организация хозяйства как таковая отсутствует, хотя именно к данному периоду относятся слова Ф.Энгельса: «Товарное производство и товарное обращение могут, однако, иметь место и тогда, когда подавляющая масса продуктов предназначается непосредственно для собственного потребления, не превращается в товары, и, следовательно, общественный процесс производства далеко еще не во всем своем объеме подчинен господству меновой стоимости»[4]. Дис-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.21. С.174.

[2] См.: Там же. Т.23. С.364.

[3] Там же. Т.25. Ч.I. С.194.

[4] Там же. Т.16. С.308.

куссионным элементом данной части марксовой исторической концепции остается, на наш взгляд, утверждение, перенесенное основоположниками марксизма на подобные примитивные процессы исходя из анализа более совершенного общественного состояния и касающееся роли характеристик, в своем ставшем виде являющихся стоимостными. По мнению Ф.Энгельса, «люди того времени... уже были достаточно благоразумны для того, чтобы при обмене не отдавать без эквивалента затраченное ими рабочее время. Наоборот, чем ближе к первоначальному периоду товарного производства находится тот или иной народ, тем больше времени и до сих пор они тратят на то, чтобы путем долгого, упорного торга полностью оплатить рабочее время, употребленное на производство продукта»[1]. Это положение, при всей его обоснованности, кажется нам несколько условным, и к проблеме основы обмена в период становления (и заката) экономической общественной формации нам еще придется вернуться.

Последним вопросом, который необходимо отметить в рамках анализа подхода К.Маркса и Ф.Энгельса к становлению общества, является проблема возникновения неравенства и эксплуатации. По мнению родоначальников марксизма, оба эти процесса начинаются «с того дня, когда труд семьи стал создавать больше продуктов, чем необходимо было для ее поддержания... Избыток продукта над издержками поддержания труда и образование и накопление из этого избытка общественного производственного и резервного фонда — все это было и остается основой всякого общественного, политического и умственного процесса»[2].

Именно прогресс разделения труда привел в конечном счете к формированию нового типа отношений внутри общины, отношений зависимости всех ее членов от отдельных работников, овладевших специфическими видами деятельности. Эти отличия, поначалу незаметные, стали основой для формирования различных уровней потребления, в результате чего постепенно стала закрепляться практика перераспределения части продукта в пользу этих слоев общины; отсюда и выросли

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.25. Ч.II. С.473.

[2] Там же. Т.20. С.199.

элементы социального неравенства. Важно отметить, что становление структуры классового общества происходило различными путями, которые мы вкратце рассмотрим ниже. Так или иначе разделение труда вызвало прибавочный продукт и обусловило, таким образом, процесс, приведший общество от его первоначальных форм к сложному организму с развитой классовой структурой.

Раннеклассовые общества

Исходным пунктом становления классового общества стала соседская община, однако процесс преобразования ее в это новое качество был не только сложен и продолжителен, но и протекал различными путями, основным сходством которых было образование силы, с помощью которой одна часть общества, образующая формирующийся господствующий класс, удерживала в повиновении другую его часть, низшие классы. Эта сила, государство, является неизбежным результатом разделения труда и отношений собственности, самим своим возникновением знаменует то, что «общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно».

Однако данный процесс разворачивался в соответствии с природными, экономическими и социокультурными особенностями того или иного народа. Ф.Энгельс показал, что существовали два основных пути становления классовой структуры, названные в марксизме азиатским и античным. В первом варианте под воздействием необходимости коллективного ведения хозяйства родовая, а затем и соседская общины оказывались предельно консолидированными, а власть возникала прежде всего из необходимости управления таким коллективным производством, вырастала из определенных сословий общины и господствовала над общиной, а позднее — над системой общин. Жесткая государственная система азиатских обществ основывалась на тотальном доминировании высших слоев общества над низшими; весь прибавочный продукт, а также часть необходимого централизованно изымались в пользу государства и затем перераспределялись для удовлетворения экономических и политических потребностей общин. В опреде-

ленной мере данная система напоминала планово организованную экономику. Исторически она стала первой формой классового общества, господствующей на весьма значительных территориях — от Египта до Китая; элементы подобной организации встречаются также и в империях ацтеков и инков на американском континенте. Таков был тип общественного устройства, названный К.Марксом *азиатским способом производства*.

Во втором варианте элементы имущественного и социального неравенства возникали внутри общины, что становилось возможным, когда индивидуальная деятельность общинников приносила им (в зависимости от умения работника или иных факторов) различные результаты. Расслоение общины сопровождалось попаданием одних ее членов в зависимость от других; столкновения между общинами приносили в качестве трофеев не только имущество, но и пленников, превращавшихся в рабов того или иного господина. Вместе с разделением труда прогрессировал товарный обмен; результатом такого варианта прогресса становилось разложение общины изнутри, возникновение привилегированного сословия зажиточных граждан, распространение рабского труда и раскол общества на богатых граждан, использовавших плоды деятельности рабов, и плебс. Этот вариант процесса классообразования получал свое завершение в *античном способе производства*.

Азиатский и античный способы производства, как совершенно справедливо отметил вслед за Ф.Энгельсом Г.Плеханов, «являются двумя типами экономического развития, сосуществующими наряду друг с другом, обусловленными ростом производительных сил внутри родовой организации»[1].

Сравнивая азиатский и античный типы организации производства, легко заметить, что последний имел гораздо большие возможности для совершенствования как производительных сил, так и производственных отношений. Доминирование государства над общественной жизнью в восточных деспотиях в значительной мере искусственным образом стимулировало хозяйственный прогресс, в то время как на Западе совершенствование хозяйства было условием выживания не только той или

[1] *Бельтов Н.* Основные вопросы марксизма. СПб., 1901. С.55.

иной производственной формы, но и конкретного индивида. Поэтому следует считать вполне справедливой оценку роли рабства, данную Ф.Энгельсом в известном отрывке из «Анти-Дюринга», где автор утверждает: «Введение рабства при тогдашних условиях было большим шагом вперед. Ведь нельзя отрицать того факта, что человек, бывший вначале зверем, нуждался в своем развитии в варварских, почти зверских средствах, чтобы вырваться из варварского состояния. Древние общины там, где они продолжали существовать, составляли в течение тысячелетий основу самой грубой государственной формы.., только там, где они разложились, народы двинулись собственными силами по пути развития, и их ближайший экономический прогресс состоял в увеличении и дальнейшем развитии производства посредством рабского труда... Пока человеческий труд был еще так малопроизводителен, что давал только ничтожный избыток над необходимыми жизненными средствами, до тех пор рост производительных сил... был возможен только при помощи усиленного разделения труда, имевшего своей основой крупное разделение труда между массой, занятой простой физической работой, и немногими привилегированными... Простейшей, наиболее стихийно сложившейся формой такого разделения труда и было как раз рабство»[1]. Однако следует отметить, что он переоценивал значение разделения античного общества на рабов и свободных. Именно его некритическое восприятие античных источников, авторы которых, стремясь описать весь блеск эллинских государств, неимоверно преувеличивали количество рабов в Афинах и Эгине, и стало впоследствии основанием для идентификации античного способа производства с «рабовладельческим» — странной конструкцией советских историков.

В оценке движущих сил античного общества основоположники марксизма расходятся, причем позиция Ф.Энгельса, полагавшего, что главным противоречием этого общества было противоречие между свободными и рабами, подрывавшее устои мелкого производства и ведшее к маргинализации общества, что, собственно, и «привело к гибели афинское государство»[2], оказывается,

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 186.

[2] **Там же.** Т. 21. С. 119.

на наш взгляд, более уязвимой, чем точка зрения К.Маркса, еще в «Манифесте Коммунистической партии» подчеркнувшего, что основой античной истории выступала борьба между патрициями и плебеями, то есть различными слоями свободных граждан, а позднее прямо указывавшего, что «внутреннюю историю (Рима времен императора Августа) можно plainly свести к борьбе мелкого землевладения с крупным, *разумеется, вводя те модификации, которые обусловливаются существованием рабства* (курсив мой. — *В.И.*)»[1].

Между тем не только зарубежные авторы, но и советские исследователи отмечают, что, с одной стороны, борьба между рабами и свободными никогда не становилась основным противоречием античного строя, с другой же, — кризис этого общества был обусловлен не низкой эффективностью рабского труда, а объективной неспособностью социума адекватно воспринять результаты хозяйственных процессов, протекавших именно в рабовладельческом секторе экономики.

Известно, что рабы использовались в римскую эпоху только в трех видах занятий: во-первых, как рабочая сила в небольших сельскохозяйственных организациях — виллах; во-вторых, как обслуживающий персонал (включая и производственные операции) во владениях латифундистов; в-третьих, в качестве подсобных рабочих и прислуги в мастерских ремесленников и домах аристократов. Наибольшая производительность рабского труда достигалась в сельскохозяйственных виллах и городских ремесленных мастерских. Уже сам тот факт, что наличие вилл, в основном специализировавшихся на производстве одного вида продукции и ориентированных на рынок, предопределяло быстрое разорение свободных крестьян, не достигавших производительности рабского труда, показывает необоснованность утверждений, что подневольный труд был неэффективен.

Кризис же рабовладения был обусловлен тем, что вызванное им быстрое развитие товарных отношений (каковым, собственно, и отличался западный, «античный», путь развития, от восточного, «азиатского») ока-

---

[1] Цит. по: *Корсунский А.Р.* Проблема революционного перехода от рабовладельческого способа производства к феодальному в Западной Европе. // Вопросы истории. 1964. № 5. С. 99.

залось локализовано весьма ограниченным кругом субъектов подобного обмена. По сути дела, рабовладельческие виллы реализовывали свою продукцию в объемах, на которые претендовали ремесленники и городские средние слои, так как мелкие крестьянские хозяйства (где рабский труд зачастую даже не применялся), равно как и латифундии,фактически не потребляли товарной сельскохозяйственной продукции. Сбыт ремесленной продукции также был ограничен ее потреблением в рабовладельческих виллах и мелком крестьянском землевладении.

Феодализм

Быстрый рост производства натолкнулся на масштабы натурально-хозяйственного сектора, так и оставшегося в античных обществах доминирующим. Мелкие сельские производители стали разоряться и пополнять ряды люмпенов и колонов — постепенно закрепощаемых крестьян. Римский колонат, оказавшийся переходной формой от античного рабства к средневековому феодальному строю, не опосредовал классического эволюционного перехода от одного способа производства к другому, так как Римская империя была разрушена варварскими нашествиями, а византийская версия перехода к феодализму имела выраженный восточный оттенок. Между тем даже в варварских государствах, возникших на римской территории, сохранились неизменными многие черты экономической организации, свойственной античному периоду. Так, в Южной Галлии, Италии, Испании и некоторых других районах, покоренных варварами, в VII—VIII столетиях господствовали латифундии, основанные на труде рабов и колонов, но при этом существовали средние поместья горожан — curiales, а также хозяйства мелких землевладельцев. Классовая структура раннесредневековых обществ поразительно напоминала структуру общества в Риме в III—IV веках н.э. Такой авторитетный источник, как Книга Страшного суда — Domesdaybook — показывает, что число земельных собственников не превышало 3,3 процента, число юридически свободных крестьян составляло 7,6 процента, рабов — 8,4 процента, а остальные были по сути своей колонами. Эти данные полностью соответствуют римс-

кой социальной структуре времен императора Константина Великого[1].

Однако основоположники марксизма рассматривали становление европейского феодализма в первую очередь как результат внутренних процессов, происходивших в варварских государствах. Наиболее важным явлением ими считалось обезземеливание крестьян и переделы земли между представителями господствующих классов. Так, анализируя возникновение класса безземельных свободных крестьян во франкском государстве, Ф.Энгельс пишет, что «этот класс стал образовываться вследствие начинавшейся концентрации землевладения, вследствие тех же причин, которые вызывали саму концентрацию; это были, с одной стороны, гражданские войны и конфискации имуществ, а с другой стороны, уступки земель церкви, вынужденные большей частью давлением обстоятельств и стремлением к безопасности»[2]. Процесс этот во многом обусловливался дарениями государей в пользу военачальников, сановников и князей церкви. Последние были особенно значительными. Ф.Энгельс отмечает, что к концу VII века церкви принадлежало около трети общей земельной площади.

Но система дарений быстро показала свою неэффективность. При Пипине Коротком и Карле Великом произошел решительный перелом в аграрных отношениях, которому родоначальники марксизма придавали очень большое значение. Анализируя его, Ф.Энгельс пишет: «Этот переворот в своей основе покоится на двух новых установлениях. Во-первых, для того, чтобы прочнее привязывать магнатов государства к короне, им, как правило, коронных земель больше не дарили, а предоставляли в пожизненное пользование в качестве «бенефиция» на определенных условиях, под страхом отнятия бенефиция за несоблюдение условий. Так магнаты сами становились держателями земельных владений короны. И, во-вторых, для того, чтобы обеспечить крупным магнатам набор свободных держателей для военной службы, им была передана часть должностных функций графа данного округа по отношению к свободным лю-

[1] См.: *Гильдебранд Б.* Политическая экономия настоящего и будущего. СПб., 1880. С.205

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С.502.

дям, поселенным в их владениях, и они были назначены «сеньорами» над этими последними»[1]. В дальнейшем, к IX—X векам, бенефициальная система перерастает в ленную; формируются основы феодальной раздробленности.

Следует отметить, что хозяйственный строй европейского феодализма характеризуется прежде всего преодолением тех форм крупного производства, которые доминировали в античное время[2]. Мелкое производство в сельском хозяйстве и ремесле было повсеместным; это сделало средневековое общество в хозяйственном отношении гораздо более однородным, нежели общество античное, и дало прогрессирующим товарным отношениям возможность распространиться на все общественное целое, чему в римскую эпоху была воздвигнута непреодолимая преграда в виде рассмотренной выше структуры производства. Как два важных следствия возникли, с одной стороны, прецеденты наемного труда, весьма разнообразные, «от форм, очень близких к покупке личности человека, через форму многолетнего контракта к сезонному и поденному найму, (которые) западноевропейское средневековье знает по крайней мере с XIII века»[3]; с другой — элементы активной торговли не только предметами ремесла, но и продукцией сельского хозяйства, причем данная торговля сразу же приобрела международный, ориентированный на страны Леванта и Магриба, характер[4].

Появление крупных состояний, возникших в первую очередь вследствие развития торговли и начала финансовых спекуляций, предопределило возможность концентрации в руках представителей нового класса средств производства. Как отмечал Ф.Энгельс, «первые капиталисты застали форму наемного труда уже существующей. Но наемный труд существовал лишь в виде исключения, побочного занятия, подсобного промысла,

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19.С.503.

[2] См.: *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1979. С.171.

[3] *Поршнев Б.Ф.* Феодализм и народные массы. М., 1964. С.147.

[4] Подробнее этот вопрос рассмотрен в книге: *Блок М.* Апология истории. М., 1986. С.133—134.

переходного положения. Земледелец, нанимавшийся время от времени на поденную работу, имел собственный клочок земли, который на худой конец и один мог его прокормить. Цеховые уставы заботились о том, чтобы сегодняшний подмастерье завтра становился мастером. Но все изменилось, как только средства производства превратились в собственные и сконцентрировались в руках капиталистов. Средства производства и продукты мелкого отдельного производителя все более и более обесценивались, и ему не оставалось ничего иного, как наниматься к капиталисту. Наемный труд, существовавший раньше в виде исключения и подсобного промысла, стал правилом и основной формой всего производства, из побочного занятия, каким он был прежде, он превратился теперь в единственную деятельность работника»[1].

Однако такое превращение вряд ли стало бы возможным, если бы средневековье не создало, пусть и в ограниченных размерах, не только наемный труд, но и рынок сбыта для продуктов этого труда — как внутренний, так и внешний. Значение обмена и рыночных связей, возникших еще в эпоху расцвета феодализма, многократно подчеркивалось основоположниками марксизма. Ф.Энгельс писал по этому поводу: «...В средние века... крестьянин, например, продавал ремесленнику земледельческие продукты и покупал у него ремесленные изделия. В это общество отдельных товаропроизводителей и вклинился новый способ производства. Среди стихийно сложившегося, бесплановогo разделения труда, господствующего во всем обществе, он установил планомерное разделение труда, организованное на каждой отдельной фабрике; рядом с производством отдельных производителей появилось общественное производство»[2].

Результаты этого процесса не замедлили сказаться. Используя преимущества кооперации и машинного производства, повышающие производительность труда, новый экономический уклад составил уничтожающую конкуренцию мелкому товарному производству позднего феодализма. Ремесленники быстро разорялись и попол-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.19. С.214.

[2] Там же. С.212.

няли слой наемных рабочих. Дополнительным источником рабочей силы становилась деревня, также переживавшая не лучшие времена. Рост объемов производства потребовал создания новых рынков, причем не только национальных, но и зарубежных. Внутри ведущих европейских стран даже сельское население, по природе своей склонное к натуральному способу ведения хозяйства, получало все большую ориентацию на рынок. Капиталистическая форма производства активно прокладывала себе дорогу.

Здесь важно отметить, что при переходе от примитивных общинных форм ведения хозяйства к азиатскому или античному способам производства и отчасти даже при смене античного общества феодальным основные противоречия того или иного социума, вызывавшие соответствующие изменения, скорее обнаруживались в теоретических изысканиях позднейших мыслителей, нежели преломлялись в социальных коллизиях. Иное дело — позднее средневековье и период, обычно называемый Новым временем: они принесли в Европу целую цепь революционных изменений, гражданских войн и классовых битв. Противоречие между отжившими политическими формами феодальных монархий и развивающимися внутри этих форм новыми капиталистическими производственными отношениями привело к устранению устаревших политических форм, ставшему основой европейской истории XVII—XIX веков.

Таким образом, к середине XIX столетия, периоду, на который пришлось творчество основоположников марксизма, развитие как европейских, так и азиатских наций давало значительный материал для исторических обобщений и исторической периодизации. Стала очевидной последовательная сменяемость хозяйственных систем; столь же несомненной представлялась и обусловленность политического развития эволюцией экономического базиса. Все предшествующие исторические формы, за исключением только периода родовой общины, обнаруживали доминирующую роль хозяйственной жизни, что позволяло рассматривать их в качестве однопорядковых исторических состояний.

Другая сторона проблемы периодизации состояла в объяснении причин и хода тех социальных изменений, которые сопровождали движение от одной формы орга-

низации общественного производства к последующей. Подобные изменения отнюдь не всегда были схожими по причинам и формам их протекания, что требовало разработки специальной концепции внутри общей теории социального прогресса.

Обе эти задачи были блистательно решены основоположниками марксизма. Ответом на множество вопросов, связанных с периодизацией общественного прогресса, явилась комплексная и методологически непротиворечивая марксова теория общественных формаций и способов производства, вопросы же перехода от одной общественной формации к другой и от одного способа производства к другому получили освещение в концепции социальных и политических революций. Таким образом, созданная К.Марксом материалистическая картина исторического процесса приобрела черты последовательно научной теории, обладающей значительным прогностическим и футурологическим потенциалом.

Марксова периодизация истории

К.Марксу удалось одним из первых описать эволюцию человеческого общества с последовательно материалистической точки зрения. Однако для того, чтобы соответствующие представления стали стройной научной концепцией, необходимо было рассмотреть и формализовать закономерности, управляющие историческим процессом, провести его периодизацию в прошлом, настоящем и будущем. Именно этой цели служит созданная К.Марксом *теория общественных формаций*.

Теория общественных формаций изложена в трудах основоположников марксизма, относящихся ко второй половине XIX века. Мысль К.Маркса прошла несколько этапов обобщения, пока не были достигнуты те формулировки и логические связи, которых мы коснемся ниже. Первоначально, вслед за философами XVIII века, К.Маркс делил историю на период догосударственного состояния и эпоху гражданского общества. Промежуточное положение в этом ряду занимали общества сослов-

но-корпоративной государственности. Далее, когда одной из важнейших задач теории стало рассмотрение перспектив прогресса, возникло доминирование периодизации, основанной на анализе отчуждения труда. Затем последовали менее глобальные варианты: схема «патриархализм — античность — феодализм — капитализм» в «Немецкой идеологии» и «азиатский — античный — феодальный — капиталистический способы производства» в Предисловии к «Критике политической экономии». Ф.Энгельсом была предложена явно заимствованная у авторов XVIII века схема «дикость — варварство — цивилизация», пока, наконец, не появилась система членения общественного прогресса на доантагонистические, антагонистические и свободные от антагонизмов общества.

Теория общественных формаций, созданная К.Марксом, не изложена им специально в определенной работе или даже цикле работ. Замечания, ценные для понимания предмета, разбросаны во многих произведениях. Однако, так как значение терминологических вопросов формационной концепции весьма велико, следует подробно остановиться на структуре теории и ее понятийном аппарате. Причем нельзя не обратить внимание на большое количество различных терминов, которыми К.Маркс и Ф.Энгельс в разные периоды своего творчества обозначали этапы развития общества. На основе анализа текстов классиков марксизма, составивших второе издание собрания их сочинений на русском языке, можно выделить более десяти понятий, которыми обозначались этапы общественного прогресса. При этом, однако, главные термины далеко не всегда переведены адекватным образом, что существенно затрудняет понимание формационной теории и требует знакомства с оригиналами работ К.Маркса и Ф.Энгельса.

Основные из отмеченных понятий, включая такие, как «формация общественного производства», «экономико-исторический тип общества», «экономическая эпоха общественного строя», «общественно-экономический период», «исторические фазы общества», и некоторые другие не несут существенной нагрузки и не являются базисными для овладения марксовой терминологией.

Главным же выступает понятие общественной формации («Gesellschaftsformation»). Этот термин в двенадцати случаях из двадцати восьми употреблен с прилагательным «экономическая» («oekonomische Gesellschaftsformation»). Именно с понятием «экономическая общественная формация» и связаны как основные методологические принципы марксова анализа истории, так и главные направления вульгаризации теории марксизма по данному вопросу. В русских переводах К.Маркса термин «экономическая общественная формация» трактуется двояко. Издателей собрания сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса не смущало то обстоятельство, что из двенадцати случаев употребления понятия «oekonomische Gesellschaftsformation» в шести оно переводится как «экономическая общественная формация», а в шести других — как «общественно-экономическая формация». Более того. Заметно явное предпочтение, которое переводчики отдают термину «общественно-экономическая формация», встречающемуся в том числе и в ситуациях, где он может быть трактован как «экономическая общественная формация». Последнее же понятие применяется фактически исключительно в тех случаях, где использование термина «общественно-экономическая формация» существенно затруднено. Ниже мы попытаемся рассмотреть возможно большее число случаев употребления данных понятий, что поможет составить впечатление о структуре и гибкости марксовой терминологической системы.

Понятие «общественная формация»

Основным для К.Маркса являлся термин «Gesellschaftsformation». Это понятие в немецком языке, на котором написано большинство работ родоначальников марксизма, представляет собой сложное существительное и образует тем самым неделимую структурную единицу принятой ими терминологии.

Понятие «общественная формация» введено К.Марксом в 1851 году в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Рассматривая события периода Великой французской революции, К.Маркс отметил, что переход идеологов буржуазии с революционных позиций на контрреволюционные произошел тогда, когда новые по-

рядки стали господствующими, когда сложилась новая общественная формация[1].

Этот момент фиксируется в 1858 году. В знаменитом Предисловии к «Критике политической экономии» К.Маркс вводит термин «oekonomische Gesellschaftsformation», тем самым ограничивая сферы применения каждого из понятий. В русском тексте Предисловия термин «общественная формация» встречается трижды, причем именно в переводе фрагмента, содержащего данное понятие, сконцентрированы самые значительные смысловые искажения, когда-либо выпадавшие на долю переводов произведений К.Маркса.

Текст в русском переводе выглядит так: «Ни одна *общественная формация* (курсив мой. — *В.И.*) не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества». В данном случае понятие «общественная формация» применяется фактически таким же образом, как и в 1851 году, и не несет жесткой хронологической детерминации. Однако в отрывке, следующем далее, К.Маркс якобы дважды (!) использует интересующий нас термин.

В русском переводе отрывок выглядит так: «В общих чертах можно обозначить азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства как прогрессивные этапы экономической общественной формации... *буржуазной общественной формацией* (курсив мой. — *В.И.*) завершается предыстория человеческого общества»[2]. Сверим с оригиналом:

---

[1] См: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.8. С.120. Здесь понятие «общественная формация» использовалось именно для обозначения стадии общественного развития, однако, на наш взгляд, можно предположить, что его употребление было в данном контексте в значительной мере случайным. Термин затерялся среди других подобных же понятий, обозначавших отдельные стадии общественного развития, а появление формулировки «экономическая общественная формация», которая может быть рассмотрена в качестве комплементарного понятия, отмечается значительно позже.

[2] Там же. Соч. Т.13. С.7,8.

«In grossen Umrissen koennen asiatische, antike, feudale und modern buergerlische Produktionsweisen als progressive Epochen der oekonomische Gesellschaftsformation bezeichnet werden... *mit dieser Gesellschaftsformation* (курсив мой. — *В.И.*) schliesst daher die Vorgeschichte der menschlichen Gesellschaft ab»[1].

Перевод неточен. Автор явно дает понять, что существует историческая эпоха, которая является «общественной формацией» («Gesellschaftsformation») и при этом характеризуется как «экономическая общественная формация». Как явственно следует из текста оригинала, К.Маркс предполагает, что этой (*mit dieser*), то есть *экономической*, общественной формацией завершается предыстория человеческого общества. Советские же переводчики из идеологических соображений искусственно применили слово *dieser* к понятию капиталистического способа производства и предложили термин «буржуазная общественная формация», никогда в действительности не встречавшийся в работах основоположников марксизма.

Между тем, как показывает исследование других текстов К.Маркса, он предпочитал при использовании термина «общественная формация» не давать четкого определения ни самому термину, ни историческим состояниям, которые им обозначались. Складывается впечатление, что термин «общественная формация» употребляется для обозначения столь глобальных исторических эпох, что в непосредственном экономическом анализе фактически не мог быть применен.

В черновых вариантах «Капитала» К.Маркс оставляет исследователям его творчества следующее положение: «...Труд эксплуатируется капиталом еще до того, как последний разовьется в свою форму производительного капитала, а сам труд приобретет форму наемного труда. Такого рода переходные формы, — продолжает К.Маркс, — существуют в общественных формациях, предшествующих капиталистическому способу производства»[2].

Ступенью дальнейшего развития теории являются попытки выделения специфических черт отдельной фор-

---

[1] *Marx—Engels* Werke. Bd.13. S.9.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.48. С.29.

мации. Они встречаются в «Капитале» и «Теориях прибавочной стоимости» в основном в ходе полемики с оппонентами. Один из таких случаев обнаруживается в первом томе «Капитала», где критикуется понимание законов капиталистического способа производства как вечных и неизменных в контексте рассмотрения основных черт сознания буржуа. К.Маркс пишет: «Формулы, на которых лежит печать принадлежности к такой общественной формации, где процесс производства господствует над людьми, а не человек над процессом производства, — эти формулы представляются буржуазному сознанию чем-то само собой разумеющимся»[1]. Здесь К.Маркс, как и в нескольких иных случаях, которые мы рассмотрим ниже, предпочитает сложный оборот понятию «капиталистическая формация», причем нежелание придавать формулировке более жесткий характер отмечается и в ряде других отрывков.

В аналогичном контексте вопрос о специфических для отдельных формаций законах поднимается трижды К.Марксом и один раз Ф.Энгельсом.

В третьем томе «Капитала», касаясь проблемы капиталистической прибыли, К.Маркс критикует позицию одного из политэкономов, неверно использовавшего термин «условный» применительно к преходящим экономическим явлениям. Комментируя ее, К.Маркс отмечает: «Автор объясняет это тем, что прибыль — явление лишь условное (для него это означает: принадлежащее определенной общественной формации, вместе с ней существующее и исчезающее)»[2]. И здесь К.Маркс, если бы он считал возможным применение термина «буржуазная общественная формация», должен был бы обратиться к нему, тем более что рассматривается одна из наиболее специфических черт системы производственных отношений капитализма.

В «Теориях прибавочной стоимости» К.Маркс использовал понятие «общественная формация» лишь однажды, анализируя взаимодействие отношений экономических и политических. В полемике с А. Шторхом он писал: «Так как Шторх рассматривает само материальное производство не исторически, рассматривает его

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.23. С.91.

[2] Там же. Т.25. Ч.I. С.19.

как производство материальных благ вообще, а не как определенную, исторически развивающуюся и специфическую форму этого производства, то он сам лишает себя той основы, на которой только и возможно понять как идеологические составные части господствующего класса, так и свободное духовное производство данной общественной формации»[1].

Формационная терминология применялась и в контексте исследования отдельных закономерностей капиталистического производства. Так, в письме Ф.Энгельсу от 2 апреля 1858 года К.Маркс подчеркивал необходимость использования при подобном исследовании ряда ограничительных предпосылок. Он пишет: «Из изложения закона, согласно которому количество обращающихся денег определяется ценами, вытекает, что здесь сделаны предпосылки, которые существуют отнюдь не при всех общественных формациях»[2]. Через четырнадцать лет Ф.Энгельс довольно вскользь отмечает тесную связь, существующую между любыми экономическими законами определенной общественной формации. В работе «К жилищному вопросу» в 1872 году он указывает: «...Экономические законы, регулирующие ставку процента, настолько независимы от законов, определяющих норму прибавочной стоимости, насколько это вообще возможно для законов одной и той же общественной формации»[3].

Мы уже говорили, что термин «буржуазная общественная формация» был чужд К.Марксу, который предпочитал использовать для обозначения буржуазного общества (как периода исторического развития) иные понятия. Классическим примером тому является тезис, содержащийся в «Теориях прибавочной стоимости». Касаясь законов капиталистического общества, К.Маркс в заключение указывает: «...Такова тенденция развития в той общественной формации, *в которой преобладает капиталистический способ производства* (курсив мой. — *В.И.*)»[4]. Данный отрывок совершенно четко свидетельствует, что термин «общественная формация»

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.26. Ч.I. С.280.

[2] Там же. Т.29. С.259.

[3] Там же. Т.18. С.222.

[4] Там же. Т.26. Ч.I. С.419.

в хронологическом аспекте шире понятия «способ производства». Мы еще вернемся к этой проблеме при более подробном рассмотрении соподчиненности понятий «общественная формация» и «способ производства». Сейчас же можно сформулировать следующее достаточно категорическое утверждение: К.Маркс понимал под общественной формацией нечто такое, что не могло быть адекватно применено к описанию только капиталистического способа производства, феномен, им одним не исчерпывающийся. Данный вывод подкрепляется всеми без исключения положениями, встречающимися в работах К.Маркса.

Самое убедительное подтверждение такого рода предположения содержится в том произведении, которое, на наш взгляд, дало для понимания теории общественных формаций более других, — в набросках ответа К.Маркса на письмо В. Засулич, относящихся к 1881 году. Если ранее термин «общественная формация» вообще не использовался с прилагательными (кроме прилагательного «экономическая»), то в тексте набросков на нескольких страницах мы видим сразу три подобных случая.

К.Маркс указывает на то, что «земледельческая община» повсюду представляет собой новейший тип *архаической* (здесь и до конца абзаца курсив мой. — *В.И.*) общественной формации, и поэтому же в историческом движении Западной Европы, древней и современной, период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной, от *первичной* формации к формации *вторичной*»[1]. То же самое повторено и ниже: «Земледельческая община, будучи последней фазой *первичной* общественной формации, является в то же время и переходной фазой ко *вторичной* формации, то есть переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. *Вторичная* формация, разумеется, охватывает ряд обществ, основанных на рабстве и крепостничестве»[2].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.19. С.404.

[2] Там же. С.419. В оригинале: «comme derniere phase de la formation primitive de la societe, la commune agricole est un meme temps phase de transition a la formation secondaire, donc transition de la

Прокомментируем приведенные положения. Достаточно очевидно, что под «архаической общественной формацией» К.Маркс понимает общество, в котором отсутствуют отношения эксплуатации. Под определение подобного рода подпадает и община, в том числе и в том ее виде, в каком она существовала в азиатских обществах. Однако, так как и азиатское общество, и земледельческая община являлись не только последними фазами первичной общественной формации, но и первыми элементами формации вторичной, можно утверждать, что началом переходного периода от первичной формации ко вторичной явилась эксплуатация, но не человека человеком, а касты кастой, полностью же этот переход был закончен тогда, когда кристаллизовалась эксплуатация человека человеком, то есть тогда, когда община была разрушена, распространилось производство, ориентированное на обмен, возникло обращение товаров, появились закон стоимости и другие экономические закономерности[1]. Таким образом, имеются все основания считать период, сменивший эпоху господства личных форм зависимости, формацией именно экономической.

Идентичность понятий «первичная» и «архаическая» общественная формация прямо отмечена К.Марксом. В тех же набросках он пишет: «Архаическая, или первичная, формация земного шара состоит из целого ряда напластований различных периодов, из которых одни ложились на другие. Точно так же архаическая общественная формация открывает нам ряд различных этапов, отличающих собой последовательно сменяющие друг друга эпохи»[2]. Если следовать приведенной аналогии и воспринимать ее в том объеме, в котором она дана, можно утверждать, что оба термина используются для

---

societe, fondee sur la propriete commune, a la societe, fondee sur la propriete privee. La formation secondaire, bien entendu, embrasse le serie des societes reposant sur l'esclavage et la servage» (*Marx—Engels* Gesamtausgabe. Abt.1. Bd.25. S.238).

[1] Подробнее см.: *Иноземцев В.Л., Хоруженко Н.В.* Характер общественного прогресса при переходе от первичной общественной формации ко вторичной. // Материалы XXVII Всесоюзной научной студенческой конференции. Философия и научный коммунизм. Новосибирск, 1989. С.53—59.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.19. С.413.

обозначения периода истории, предшествовавшего образованию классов.

К аналогичному выводу пришли многие известные исследователи марксовой теории. Б. Ф. Поршнев, например, указывал, что «первичная, или архаическая формация — это первобытно-общинный строй; вторичная формация — это общества, основанные на эксплуатации; коммунизм в этой связи выступает как третичная формация»[1]. Данное положение кажется нам во всех его частях справедливым; сам К.Маркс выдвигает ряд тезисов, из которых следует, что понимание коммунизма в качестве третичной общественной формации вполне естественно для его концепции. Так, он пишет, что совершенствование производительных сил буржуазного общества порождает возможность «заменить капиталистическую собственность высшей формой архаического типа собственности, то есть собственностью коммунистической»[2].

Самое же важное обстоятельство, вытекающее из анализа указанных формулировок, заключается в том, что К.Маркс рассматривает первичную формацию именно как *общественную*, но не как *экономическую* формацию, что диссонирует с советскими представлениями о первобытности как особой «общественно-экономической формации». Так как до средней ступени варварства собственно экономические отношения не играли заметной роли, архаическая общественная формация может быть охарактеризована именно как *общественная*, с господством примитивно-коммунистических отношений родового строя. Однако, коль скоро мы принимаем, что первичная формация не может быть названа экономической в силу указанных обстоятельств, то необходимо также признать, что и коммунистическое общество как третичная формация экономическим названо быть не может. Это предположение основано на высказываниях К.Маркса, никогда не называвшего коммунизм экономической формацией.

---

[1] *Поршнев Б.Ф.* Периодизация всемирно-исторического прогресса у Гегеля и Маркса. // Философские науки, 1969, № 2. С.60.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.19. С.413. В оригинале: «...en remplacant la ...propriete capitaliste par une forme superieure du type archaique de la propriete, c.a.d. la propriete communiste» (*Marx–Engels* Gesamtausgabe. Abt.1. Bd.25. S.232).

Таким образом, из анализа основных случаев применения термина «Gesellschaftsformation» мы можем сделать вывод, что данный термин употребляется в двух смыслах. Во-первых, он использовался в предельно широком значении и обозначал любую существенную фазу общественной эволюции вообще. В этом смысле понятие «Gesellschaftsformation» («formation de la societe») может восприниматься как обозначающее фазу общественного развития безотносительно к тому, какой именно его период является объектом анализа. Во-вторых, в другом значении, когда термин конкретизируется прилагательным («архаическая», «первичная», «вторичная» и т.д.), он обозначает уже качественно определенные отрезки общественной эволюции. Исходя из изложенного выше, мы полагаем, что наиболее правильным являлось бы толкование термина «общественная формация» как собирательного понятия, отражающего ступень развития общества, выделенную на основе признака наличия или отсутствия антагонистических классов, эксплуатации и частной собственности.

Однако это замечание требует конкретизации в связи с рядом положений, встречающихся в работах классиков марксизма. Например, Ф.Энгельс писал К.Шмидту 5 августа 1890 года, что «всю историю надо изучать заново, надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частноправовые, эстетические, философские, религиозные и т.п. воззрения»[1]. Коль скоро речь идет о политических и частноправовых проблемах, есть все основания предположить, что имеется в виду классовое общество, в котором, как мы видим, выделяются *общественные формации*. К.Маркс отмечал и иной аспект проблемы. «Целый ряд экономических систем, — писал он, — занимает промежуточное положение между современным миром, где меновая стоимость господствует над производством во всю ширь и глубь, и такими общественными формациями, основу которых составляет общинная собственность»[2]. Здесь общест-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.37. С.371.

[2] Там же. Т.49. С.119.

венные формации выделяются уже внутри архаической эпохи.

Следует отметить, что указанные тезисы Ф.Энгельса и К.Маркса не меняют сути изложенного нами подхода. Необходимо признать лишь, что наряду с выделением трех больших общественных формаций основоположники марксизма признают возможность использования термина *«общественные формации»* в качестве собирательного понятия для обозначения различных исторических периодов внутри одной из «больших» формаций. То есть термин «общественная формация» употребляется в единственном числе при подчеркивании принципиальных отличий данной формации от других форм общественного устройства, а во множественном — для констатации того, что сама общественная формация как единое целое, противопоставляемая другим общественным формациям, не является неделимой и состоит из ряда социальных форм.

Между тем чаще всего термин «общественная формация» встречается в его традиционном, узком значении — для определения этапов общественной эволюции по их отношению к классовой структуре общества. В этом случае деление на три общественные формации идентично делению на доклассовое, классовое и бесклассовое общества. К.Маркс пишет, например: «В развитых ею (капиталистической экономической революцией. — *В.И.*) противостоящих рабочему производительных силах труда, в условиях производства и сообщения создаются реальные условия нового способа производства, снимающего противоречивую форму капиталистического способа производства, создается, таким образом, материальный базис по-новому устроенного процесса жизни и тем самым — новой общественной формации»[1]. Здесь К.Маркс однозначно понимает под новой общественной формацией коммунистическое общество как таковое, не разделяя его при этом на отдельные периоды или фазы.

Однако, какая бы ни применялась трактовка понятия «общественная формация», нельзя, не греша против логики марксова анализа, обосновать ту пятичленную схему, которая сложилась в советский период, имея

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.49. С.119.

своими истоками работы В. Ленина. В трудах классиков марксизма, подчеркнем еще раз, заложено деление истории на три большие общественные формации. Единственной возможностью совершенствования этой теории в рамках их методологии является членение больших общественных формаций на малые, однако такой подход также не дает оснований для утверждения справедливости пятичленной схемы, которая в своих наиболее существенных чертах противоречит духу и букве марксистской теории.

Окончательное же представление о характере применения и значении термина «Gesellschaftsformation» можно получить только тогда, когда будут проанализированы случаи использования основоположниками марксизма наиболее распространенной производной данного понятия — термина «oekonomische Gesellschaftsformation».

Понятие «экономическая общественная формация»

Термин «экономическая общественная формация» представляется наиболее дискуссионным элементом в марксовой формационной концепции. Употребление его так многогранно, что определение его строгого значения затруднено; однако без этого невозможно в полной мере понять существо марксовой трактовки общественного развития, постичь истинное богатство его концепции.

Указанный термин встречается в работах основоположников марксизма, включенных во второе русское издание собрания сочинений, двенадцать раз в чистовых текстах и трижды в черновиках и подготовительных материалах. Во всех этих пятнадцати случаях термин «oekonomische Gesellschaftsformation» переводится и как «экономическая общественная формация», и как «общественно-экономическая формация», и как «экономическая формация общества». Некорректным, на наш взгляд, является лишь второй вариант перевода.

Начиная исследование данной категории, следует отметить, что она имеет огромное методологическое значение, существенным образом приниженное в советский период. Как уже отмечалось, впервые термин «экономическая общественная формация» был применен К.Марксом в Предисловии к «Критике политической

экономии» в 1858 году. Это произведение, наряду с рассмотренными нами набросками ответа на письмо В.Засулич, представляется крайне важным для понимания марксовой теории общественных формаций.

В Предисловии К.Маркс отмечает, что «в общих чертах можно обозначить азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства как прогрессивные этапы экономической общественной формации»[1]. Это положение явилось впоследствии основанием для продолжительной дискуссии, которая отчасти будет рассмотрена нами ниже, однако само по себе оно имеет огромное значение в контексте предпринимаемого нами исследования. Именно здесь, в данном отрывке, К.Маркс утверждает, что в истории цивилизации может быть выделена эпоха (названная им «экономической общественной формацией»), объединяющая ряд способов производства на основании общих им всем характеристик.

Понятие «экономическая общественная формация» свидетельствует о том, что главной чертой, свойственной всем включенным в нее периодам, К.Маркс считал *экономический* характер жизнедеятельности общества, то есть такой способ взаимодействия между членами социума, который определяется не религиозными, нравственными или политическими, а в первую очередь хозяйственными, экономическими факторами. Данный термин используется только применительно к периоду, характеризующемуся господством в общественной жизни отношений, базирующихся на частной собственности, индивидуальном обмене и возникающей как следствие этого эксплуатации.

Так же, как и в случае с применением понятия «общественная формация» (и это еще раз подчеркивает систематизированность марксовой методологии), К.Маркс и Ф.Энгельс используют термин «экономическая общественная формация» как для обозначения отдельного исторического периода, характеризующегося указанными выше особенностями, так и для описания ряда исторических состояний, каждое из которых обладает теми же основными признаками. Так, например, предостерегая от представления, что фазы обществен-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.13. С.7.

ной эволюции являются стадиями, между которыми не существует переходных периодов и переходных форм общественных отношений, К.Маркс писал: «...Так же, как и при последовательной смене различных геологических формаций, при образовании различных *экономических общественных формаций* (курсив мой. — *В.И.*) не следует верить во внезапно появившиеся, резко отличающиеся друг от друга периоды»[1]. Однако мы считаем необходимым рассмотреть все основные случаи употребления термина «oekonomische Gesellschaftsformation», с тем чтобы более полно понять его значение для марксовой методологии исторического исследования.

В некоторых фрагментах термин «экономическая общественная формация» применяется К.Марксом таким образом, что весьма сложно уяснить, имеется ли в виду экономическая эпоха, как она изображена в Предисловии, или же речь идет об отдельном способе производства. Так, в третьем томе «Капитала» К.Маркс указывает: «Как капитал, так и наемный труд и земельная собственность есть исторически определенные общественные формы, одна — труда, другая — монополизированной земли, и к тому же обе есть формы, соответствующие капиталу и принадлежащие одной и той же экономической общественной формации»[2]. На наш взгляд, данный тезис следует интерпретировать следующим образом: в условиях капиталистического производства наемный труд и рента суть сопутствующие капиталу явления; они развиваются наряду с развитием капитала и не существуют в условиях отсутствия последнего. В той форме, в какой их имеет в виду К.Маркс, они уничтожаются с уничтожением капитала. Однако все это не должно служить основанием для утверждения

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.47. С.460. Этот отрывок является единственным в русском издании собрания сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса, где термин «oekonomische Gesellschaftsformation» переведен во множественном числе, как он стоит в оригинале, — «экономические общественные формации». Во всех остальных случаях, когда в тексте К.Маркса имеет место множественное число термина «oekonomische Gesellschaftsformation», он неизбежно переводится как «общественно-экономическая формация».

[2] Там же. Т.25. Ч.II. С.382.

о том, что в упомянутом отрывке рассмотрен только капиталистический способ производства. Часть экономической общественной формации, отмеченная сосуществованием капитала и ренты при наличии наемного труда, гораздо более значительна, чем непосредственно капиталистический способ производства.

Приведенный отрывок относится к третьему тому «Капитала». Между тем черновые варианты рукописи дают нам возможность более глубоко понять механизм соотношения понятий «экономическая общественная формация» и «способ производства», каковым он виделся К.Марксу. Анализируя производительный капитал и обозначая его термином «капиталистическое отношение», он писал: «Впрочем, капиталистическое отношение развивается на такой ступени развития экономической общественной формации, которая сама уже есть результат целого ряда предшествующих этапов развития»[1].

Данное положение отчасти дублирует, хотя и в несколько иных формулировках, тезис о том, что различные способы производства, основанные на эксплуатации, составляют прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Очевидно, что под экономической общественной формацией здесь понимается нечто большее, чем капиталистический способ производства. В рассмотренном отрывке излагается мысль о том, что эксплуатация, основанная на применении наемного труда, оказывается возможной только тогда, когда, с одной стороны, разовьется сама эксплуатация, а с другой, — товарные отношения настолько глубоко проникнут во все элементы общественной организации, что товаром станет и рабочая сила. Однако еще раньше мы показали, что развитие меновых отношений, приведшее в конечном счете к становлению системы эксплуатации рабочей силы как товара, является сутью вторичной общественной формации, лежит в основе ее развития. Таким образом, мы еще более укрепляемся во мнении, что в марксистской терминологии понятия вторичной и экономической общественных формаций тождественны.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.48. С.281.

Однако встречаются фрагменты, с большим трудом поддающиеся объяснению исходя из принятых нами принципов интерпретации марксовой теории. В тех же черновиках «Капитала» К.Маркс, под иным углом зрения анализируя процесс развития капиталистического отношения, писал: «Развитие капитала начинается не с сотворения мира, не ab ovo. Как нечто господствующее над миром и воздействующее на всю экономическую формацию общества, это развитие на самом деле начинается впервые в XVI и XVII столетиях»[1]. Иногда это положение понимается как трактовка «экономической формации общества» в качестве совокупности существующих в социуме экономических отношений. Однако это неверно. Термин «экономическая формация общества» в данном случае имеет такую форму только в переводе, в то время как в оригинале использован термин «oekonomische Gesellschaftsformation», причем использован он в самом традиционном значении. Имеется в виду, что развитие капитала, потенциально зародившееся вместе с товарным производством, в течение продолжительного времени не затрагивало основ экономической системы. И только тогда, когда развитие товарного производства привело к появлению зачатков новой формы эксплуатации, основанной на покупке производительной рабочей силы, капитал стал господствующим отношением экономической общественной формации, основным источником ее развития.

Мы рассмотрели фактически все случаи такого употребления термина «oekonomische Gesellschaftsformation», когда он переведен на русский язык как «экономическая общественная формация». Существует также значительный ряд примеров использования данного понятия, переводимого, однако, как «общественно-экономическая формация».

Семь из них могут быть отмечены в тексте «Капитала», причем шесть приходятся на первый его том. К.Маркс, например, пишет: «Такую же важность, какую строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.48. С.115.

экономических (следует читать: экономических общественных. — *В.И.*) формаций»[1]. Безусловно, этот тезис дает определенную возможность предположить, что К.Маркс мог иметь в виду и те ранние этапы развития цивилизации, которые не характеризовались чертами экономической формации, и в таком случае приведенное понятие оказывалось фактически тождественным термину «общественная формация». И хотя такая возможность не исключена, К.Маркс, как мы полагаем в данном случае, исследуя процесс труда в связи с процессом увеличения стоимости, применил определение «экономическая» в расширенном смысле, акцентируя внимание читателя на том, что речь идет именно о производственной деятельности индивидов.

Но следующее встречающееся в «Капитале» положение на эту тему гораздо более интересно. Анализируя субстанцию прибавочной стоимости, автор отмечает: «Насколько важно для познания стоимости вообще рассматривать ее как застывшее рабочее время, просто как овеществленный труд, настолько же важно и для познания прибавочной стоимости рассматривать ее просто как застывшее прибавочное время, просто как овеществленный прибавочный труд. Только та форма, в которой этот прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличает экономические формации общества (в оригинале — oekonomische Gesellschaftsformation. — *В.И.*), например, общество, основанное на рабстве, от общества наемного труда»[2].

В данном случае мы видим применение термина «oekonomische Gesellschaftsformation» во втором из возможных смысле. Используя понятие во множественном числе, К.Маркс показывает, что он склонен распространять его и на отдельные системы общественного производства, хронологически расположенные между периодом разложения первобытности и коммунистической революцией. Однако признак эксплуатации, на котором К.Маркс сосредоточивает свое внимание, свидетельствует о том, что основная линия нашей гипотезы сохраняется — только при описании базирующихся на

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Т.23. С.191.

[2] Там же. С.228—229.

эксплуатации обществ К.Маркс дополняет термин «общественная формация» прилагательным «экономическая»[1].

Наряду с указанным положением, где периодизация развития эксплуататорских обществ предполагает использование понятия «экономическая общественная формация», существует еще три тезиса, близких по смыслу и характеру употребления в них рассматриваемого нами термина.

Первый из них гласит: «...Впрочем, ясно, что если в какой-нибудь общественно-экономической формации (следует читать: экономической общественной формации. — *В.И.*) преимущественное значение имеет не меновая стоимость, а потребительская стоимость продукта, то прибавочный труд ограничивается более или менее узким кругом потребностей, но из характера самого производства еще не вытекает безграничной необходимости в прибавочном труде»[2]. Термин «экономические общественные формации» в данном случае применяется как понятие, обозначающее пусть и более узкие в хронологическом аспекте периоды, нежели вторичная общественная формация, но периоды, целиком находящиеся в рамках этой последней. К такому же выводу нас приводят и два других положения К.Маркса, выдвинутые им при анализе различных форм капитала. «Средние века, — отмечал К.Маркс, — оставили после себя две различных формы капитала, которые дос-

---

[1] Нельзя не отметить, что интерпретация данного отрывка привела впоследствии к упрощению и ревизии теории общественных формаций, так как сама цитата К.Маркса приобрела широкую известность, будучи переформулирована Ф.Энгельсом, причем весьма неудачно. В составленном им конспекте первого тома «Капитала» имеется фраза: «Прибавочная стоимость есть только застывший прибавочный труд, и *различные общественные формации* (курсив мой. — *В.И.*) отличаются лишь формой выжимания прибавочного труда» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.16. С.274). Легко заметить, что упущен важнейший методологический аспект: «экономические общественные формации» превратились в «общественные формации». Некорректность этого положения очевидна, однако в советский период оно широко гуляло по учебникам философии, якобы подтверждая справедливость пятичленного деления общественного развития.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.23. С.247.

тигают зрелости в самых различных общественно-экономических (следует читать: экономических общественных. — *В.И.*) формациях и до наступления эры капиталистического производства считаются капиталом как таковым: ростовщический капитал и купеческий капитал»[1].

В данном случае совершенно очевидно, что речь идет о трех способах производства внутри экономической общественной формации: античном, когда господствовал ростовщический капитал, феодальном, когда доминировал капитал торговый, и капиталистическом, когда сформировался капитал производительный. Понятие «экономические общественные формации» применяется здесь в качестве указания на принадлежность всех трех способов производства к той единой общности, какой выступает вторичная общественная формация. Аналогичным образом может трактоваться и отрывок из третьего тома «Капитала»: «...Капитал, приносящий проценты... принадлежит к допотопным формам капитала, которые задолго предшествуют капиталистическому способу производства и наблюдаются в самых различных общественно-экономических (следует читать: экономических общественных. — *В.И.*) формациях»[2].

Наряду с этими тезисами текст первого тома «Капитала» содержит еще два положения, настолько общих, что из них нельзя сделать ясного вывода о границах применения термина «экономическая общественная формация»; они, однако, не опровергают принятой нами гипотезы, поскольку являются по отношению к ней как бы «нейтральными». «В то время как разделение труда в целом обществе, — пишет К.Маркс, — независимо от того, опосредовано оно товарообменом или нет — свойственно самым различным общественно-экономическим (следует читать: экономическим общественным. — *В.И.*) формациям, мануфактурное разделение труда есть совершенно специфическое создание капиталистического способа производства»[3]; и далее: «В самых различных общественно-экономических (следует читать: экономических общественных. — *В.И.*) формациях

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.25. Ч.II. С.759.

[2] Там же. С.142.

[3] Там же. Т.23. С.372.

имеет место не только простое воспроизводство, но и воспроизводство в расширенных размерах, хотя последнее совершается не в одинаковом масштабе»[1].

Однако «Капитал», в тексте которого содержатся многие положения, подтверждающие принятую нами гипотезу, представляет еще один существенный тезис, который исключительно важен по той причине, что заставляет задуматься над истинным историческим пределом экономической общественной формации, над вопросом, который может показаться достаточно тривиальным.

Итак, в шестом отделе третьего тома «Капитала» К.Маркс пишет следующее: «...С точки зрения более высокой *экономической общественной формации* (курсив мой. — *В.И.*), частная собственность на землю будет представляться такой же нелепой, как частная собственность одного человека на другого человека»[2]. Подходя к рассмотрению этого принципиального высказывания, мы считали очевидными два обстоятельства. С одной стороны, наши рассуждения основывались на недвусмысленных положениях классиков марксизма, согласно которым коммунистическая общественная система не относилась ими к экономической общественной формации. С другой стороны, в рамках капиталистического способа производства, о котором в отрывке и идет речь, частная собственность на землю преодолена быть не может. Таким образом, оказывается, что капиталистический способ производства *не является* последней фазой экономической общественной формации.

Подтверждение такого понимания вопроса может быть найдено в прославленном отрывке из того же третьего тома «Капитала», где К.Маркс пишет: «...Действительное богатство общества и возможность постоянного расширения его воспроизводства зависит не от продолжительности прибавочного труда, а от его производительности и от большей или меньшей обеспеченности тех условий производства, при которых он совершается. Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.23. С.611.

[2] Там же. Т.25. Ч.II. С.337.

оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, для того, чтобы удовлетворить свои потребности, чтобы сохранить и воспроизвести свою жизнь, должен был бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того, чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости как на своем базисе»[1].

Совершенно очевидно, что, говоря о столь развитом общественном производстве, так или иначе ориентированном на удовлетворение потребностей человека, где обмен не господствует над людьми как слепая сила, где существует организованный планомерный обмен веществ между человеком и природой, где производство осуществляется в условиях, адекватных человеческой природе, К.Маркс не имел и не мог иметь в виду капиталистический способ производства. Напротив, в этом отрывке изображено то, что последователи марксистского учения назвали позднее социалистическим типом общества, и то в наиболее развитой стадии. При этом К.Маркс указывает, что подобное состояние еще не является царством свободы, оказываясь всего лишь высшей и последней ступенью царства необходимости. Таким образом, *данное состояние, не являясь коммунистической общественной формацией, представляется заключительной фазой формации экономи-*

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.25. Ч.II. С.386—387.

ческой, ее нисходящим этапом, в течение которого разрешаются и преодолеваются противоречия, возникшие в ходе становления этой общественной формации. На этом этапе собственность уже не является частной, так же как это было при азиатском способе производства, нет прямой эксплуатации человека человеком, преодолена подтачивавшая капиталистический строй анархия производства. Именно к такому обществу, к замыкающей стадии экономической общественной формации, и относится высказывание К.Маркса об общей собственности на землю как основном условии производственного процесса.

Два последних положения имеют огромное методологическое значение, так как дают возможность более точно определить хронологические рамки экономической общественной формации как эпохи, начавшейся с разложения первобытного строя под воздействием товарного обмена и разделения труда, характеризующейся эксплуатацией, классовым делением общества и товарно-денежными отношениями и завершающейся отрицанием последних из указанных черт. Общества, которые сменяли друг друга в рамках экономической общественной формации, базировались на связях экономического порядка, их развитие было обусловлено эволюцией хозяйственного базиса, а социальный прогресс в этот период определялся прогрессом в разделении труда и следовавшей за ним экспансией товарно-денежных отношений. Подчиненное экономическим законам и развивающееся вместе с развитием товарных отношений, общество эволюционировало по пути, однозначно определяемому хозяйственными закономерностями. Это обстоятельство и позволило К.Марксу заявить: «Я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественноисторический процесс»[1].

Таким образом, теория общественных формаций, положенная К.Марксом в основание системы периодизации социального прогресса, представляет собой завершенную научную концепцию, базирующуюся на глу-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.23. С.16; в оригинале: «mein Standpunkt... auffasst... die Entwicklung der oekonomische Gesellschaftsformation als einen naturgeschichtliches Prozess» (*Marx—Engels* Gesamtausgabe. Abt.2. Bd.5. S.14.)

боком исследовании внутренних закономерностей общественного развития и исходящую из признания существования диалектической триады как формы прогресса любого ставшего целого. Глубокое понимание этой теории может быть достигнуто на основе анализа марксовой терминологической системы, в частности соподчинения понятий «Gesellschaftsformation» и «oekonomische Gesellschaftsformation». Оба они, как мы убедились, используются основоположниками марксизма в двояком смысле: в узком, сугубо терминологическом, и широком, допускающем их смысловое толкование. В таком случае, не слишком сильно отличаясь друг от друга, они обозначают определенную стадию общественной эволюции. При этом понятие «экономическая общественная формация» употребляется фактически исключительно во множественном числе, относится к отдельным фазам развития исключительно внутри *вторичной общественной формации*. Термин же «общественная формация», оказывающийся синонимичным понятию «экономическая общественная формация» в случае обозначения эпох развития классового общества, применяется гораздо шире и используется для периодизации как доклассового, так и бесклассового общества.

С точки зрения предпринимаемого анализа наиболее интересно, однако, применение обоих понятий в их чисто терминологическом значении. К.Маркс называет только три общественные формации — «первичную» (или «архаическую»), «вторичную» («охватывающую, разумеется, ряд обществ, основанных на рабстве и крепостничестве») и «третичную», характеризующуюся воспроизведением основных черт общинной организации на качественно новом уровне и являющуюся более высоким типом архаической общественной формации — коммунистической общественной формацией.

Данное деление исторического процесса представляется нам результатом модернизации схемы, предложенной К.Марксом еще в «Экономико-философских рукописях 1844 года». Акцент в ней был позднее перенесен с проблем отчуждения деятельности на анализ развития товарных отношений, однако вопросы свободы человека остались принципиальной основой предложенной К.Марксом доктрины. Именно в соответствии с нею вторая фаза общественного развития была названа родоначальниками марксизма «экономической» обществен-

ной формацией ввиду господства в ней *экономических* отношений, определяющих как характер связи между членами общества, так и направленность производства и его объективную цель.

В отличие от экономической общественной формации в первичной и третичной формациях экономические отношения не играют господствующей роли; последняя остается за отношениями между отдельными личностями. Соответственно и цель деятельности конкретного индивида фактически отождествляется с целью общественного производства; не существует того непримиримого противоречия интересов индивидов, которое являлось движителем экономической общественной формации; прогресс общества совершается в условиях отсутствия антагонизмов. Эти формации именуются основоположниками марксизма «общественными», понятие же «экономические» к ним не применяется.

Однако анализ марксовой теории периодизации общественного прогресса настоятельно требует рассмотрения иной стороны концепции, а именно вопроса о переходах от одной формации к другой. Мы отмечали выше, что исторические периоды, расположенные внутри экономической общественной формации, К.Маркс называл способами производства. Он упоминал азиатский, античный, феодальный и буржуазный способы производства, но не именовал их общественными формациями. Если принимать вслед за классиками марксизма деление общественного развития на три общественные формации, отмечая в центральной из них способы производства (а К.Маркс ставил вопрос именно так, когда писал, что «капиталистическое производственное отношение развивается на такой ступени развития экономической общественной формации, которая сама уже есть результат целого ряда предшествующих этапов развития»[1], на ступени, «в которой преобладает капиталистический способ производства»[2]), то приходится признать, что переход от одного способа производства к другому внутри экономической общественной формации не является однопорядковым по отношению к смене самих общественных формаций. Должно быть найдено сущест-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.47. С.281.

[2] Там же. Т.26. Ч.I. С.419.

венное различие, подчеркнутое как по смыслу, так и терминологически, между этими двумя видами исторических изменений, между революционными переходами от одного способа производства к другому внутри экономической общественной формации и переворотами, знаменующими ее исторические пределы. Именно рассмотрение концепции революционных изменений, объясняющих справедливость трехчленного деления истории, должно завершать экскурс в марксову историческую теорию.

Учение о революциях

Показателем высокой степени совершенства созданной основоположниками марксизма системы периодизации общественного прогресса стала сформулированная ими концепция революционных изменений в развитии социума.

Теория революционных изменений, разработанная К.Марксом и Ф.Энгельсом, не ограничивается, как это зачастую считалось советскими марксистами, лишь социальными революциями. Уже в ранних их произведениях отчетливо прослеживается разграничение двух типов революций — революций социальных и политических. При этом нельзя не отметить: учение о революциях теснейшим образом связано с формационной концепцией, изложенной выше. Так как теория революций К.Маркса и Ф.Энгельса подвергалась серьезным упрощениям в советский период, необходимо рассмотреть ее возможно более подробно.

Первое упоминание о двух типах революций содержится в статьях К.Маркса, опубликованных в «Немецко-французском ежегоднике». Так, относительно буржуазной революции и ее исторической роли он отмечает: «Старое гражданское общество непосредственно имело политический характер, то есть элементы гражданской жизни, — например, собственность, семья, способ труда, — были возведены на высоту элементов государственной жизни... *Политическая* (курсив мой. — *В.И.*) революция, ниспровергнувшая эту деспотическую власть и поднявшая государственные дела на высо-

ту дел народа, конституировавшая политическое государство как всеобщее дело, то есть как действительное государство, неизбежно должна была разбить все сословия, корпорации, цехи, привилегии, которые представляли собой столь же разнообразные проявления отрыва народа от его политической общности. Политическая революция уничтожает тем самым политический характер гражданского общества»[1].

Между тем рассматривалось и иное революционное изменение, а именно *социальная* революция, в качестве которой воспринималось уничтожение всего порядка вещей, основанного на частной собственности и эксплуатации. Только эта революция, осуществленная пролетариатом, даст человечеству возможность «организовывать свои «собственные силы» как общественные силы»[2].

Одновременно с этими тезисами К.Маркса подобные положения, причем даже более отчетливо, формулировал и Ф.Энгельс. В данном отношении очень показательны его так называемые «Эберфельдские речи», относящиеся к зиме 1845 года и являющиеся по сути первой работой основоположников марксизма, целиком посвященной проблемам коммунистических преобразований. В речи от 15 февраля 1845 года оратор говорит: «Настанет пора, когда пролетариат достигнет такой степени силы и сознательности, что не пожелает больше нести бремени всего социального здания, которое постоянно давит на его плечи, когда он потребует более справедливого распределения социальных тягот и прав; и тогда — если человеческая природа до тех пор не изменится — социальная революция станет неизбежной». И далее: «Неизбежным следствием существующих у нас социальных отношений, при всех условиях и во всех случаях, будет *социальная революция*. С той же уверенностью, с какой мы из известных математических аксиом можем вывести новое положение, с той же самой уверенностью можем мы из существующих экономических отношений и из принципов политической экономии сделать заключение о грядущей социальной революции»[3].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.1. С.404—405.

[2] Там же. С.406.

[3] Там же. Т.2. С.547, 552.

Но и эти цитаты не дают еще окончательного представления о взглядах Ф.Энгельса. Наряду с тем, что он говорил о социальной революции, в результате которой будет осуществлено раскрепощение пролетариата, он высказался и по поводу отличий этой социальной революции от революции политической: «*Социальная революция* (курсив мой. — *В.И.*) есть нечто совершенно иное, чем происходившие до сих пор *политические революции* (курсив мой. — *В.И.*): в отличие от них она направлена не против собственности монополии, а против монополии собственности; социальная революция — это открытая война бедных против богатых. И такая борьба, в которой явно и открыто выступают наружу все причины и пружины, действовавшие ранее во всех исторических конфликтах неясно и скрыто, такая борьба грозит, во всяком случае, быть более острой и кровопролитной, чем все ей предшествовавшие»[1].

Эти тезисы мы считаем весьма принципиальными. Ф.Энгельс отмечает, что феодальное общество является организацией по преимуществу политической, и высказывает совершенно справедливое положение о том, что причиной буржуазных революций в Англии и во Франции стала борьба буржуазии против политической организации старого общества, за осуществление ее идеалов. И именно потому, что основная борьба была направлена против политических преград развитию нового строя, этот тип революций и квалифицируется в качестве революций политических. Подтверждения такого понимания можно встретить в работах К.Маркса и Ф.Энгельса, относящихся к разным периодам их творчества.

Оценивая направленность буржуазной революции во Франции, К.Маркс писал в 1849 году, что «новое буржуазное общество, покоящееся на совершенно иных основах [чем феодальное], на изменившемся способе производства, должно было захватить и политическую власть; оно должно было вырвать из рук представителей интересов погибающего общества эту политическую власть... Отсюда и революция, [которая] направлена в той же мере против абсолютной королевской власти... как и против сословного представительства, которое представляло общественный порядок, давно уничтожен-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.2. С.552—553.

ный современной промышленностью»[1]. По мнению К.Маркса, революции 1648 и 1789 годов «представляли не победу определенного класса общества над старым политическим строем; они провозглашали политический строй нового европейского общества»[2]. В «Анти-Дюринге», произведении, являющемся классическим для марксистов, Ф.Энгельс повторяет именно такую трактовку причин и значения буржуазной революции как революции политической: «Буржуазная революция положила всему этому (доминированию феодальных институтов над обществом. — *В.И.*) конец, но не путем постепенного приспособления хозяйственного положения к политическому строю... — именно это тщетно пытались сделать в течение долгого времени дворянство и королевская власть, — а, наоборот, тем, что она отбросила старый, гнилой политический хлам и создала такой политический строй, в условиях которого новое «хозяйственное положение» могло существовать и развиваться»[3].

Однако наиболее яркая, на наш взгляд, формулировка содержится в «Немецкой идеологии», где К.Маркс и Ф.Энгельс, анализируя причины политической революции, отметили следующее: «...Ранний интерес, когда соответствующая ему форма общения уже вытеснена формой общения, соответствующей более позднему интересу, еще долго продолжает по традиции обладать властью в лице обособившейся от индивидов иллюзорной общности (государство, право) — властью, которая в конечном счете может быть сломлена только посредством революции»[4]. Из этого тезиса следует, что родоначальники марксизма считали буржуазную революцию переворотом, возникающим вследствие противоречия между основными производственными отно-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.6. С.258—259.

[2] Там же. С.115.

[3] Там же. Т.20. С.168—169.

[4] *Marx—Engels* Werke. Bd.3. S.72f. В оригинале: «...ein frueheres Interesse, dessen eigentuemlische Verkehrsform schon durch die einem spaeteren angehoerige verdraengt ist, noch lange im Besitz einer traditionellen Macht, in der den Individuen gegenueber verselbstaendigten scheinbaren Gemeinschaft (Staat, Recht) bleibt, einer Macht, die in letzter Instanz nur durch eine Revolution zu brechen ist».

шениями, ушедшими далеко вперед, и закосневшей политической и правовой системой, то есть тем, что марксисты обычно называют «надстройкой». Такое понимание имеет неоспоримую важность для интерпретации марксовой позиции, так как показывает принципиальное различие, существующее, по К.Марксу, между буржуазной и коммунистической революциями: первая представляет собой в отличие от второй скорее банальный политический переворот, нежели существенное изменение в социальных основах общества[1].

Концепция К.Маркса и Ф.Энгельса, согласно которой политическая революция возникает на основе противоречия между базисом общества (комплексом производительных сил и производственных отношений) и политической надстройкой, вполне подтверждается исторической практикой. Если рассмотреть ситуацию, сложившуюся во Франции накануне революции 1789 года, то окажется, что производственные отношения, в значительной мере не феодальные, вполне соответствовали переросшим крепостнические порядки производительным силам. Совокупный продукт, присваиваемый дворянством, не превышал в 70-е годы XVIII века 100 миллионов ливров при совокупном продукте сельскохозяйственного сектора в 5,5 миллиарда ливров. Доля

---

[1] Следует отметить как бы иную формулировку данного тезиса, «переведенную» в термины интересов и относящуюся к концу 40-х годов. «Сохранение старых законов наперекор новым потребностям, — пишет К.Маркс, — есть, в сущности, не что иное, как... борьба не соответствующих времени частных интересов против назревших общих интересов. Это сохранение почвы законности имеет целью сделать такие частные интересы господствующими, в то время как они уже не господствуют; оно имеет целью навязать обществу законы, которые осуждены самими условиями жизни этого общества, его способом добывания средств к жизни, его обменом, его материальным производством; оно имеет целью удержать у власти законодателей, которые отстаивают только частные интересы; оно ведет к злоупотреблению государственной властью, чтобы интересы большинства насильственно подчинять интересам меньшинства. Они ежеминутно становятся, таким образом, в противоречие с существующими потребностями, оно тормозит обмен, промышленность, оно подготовляет общественные кризисы, которые разражаются в виде *политических революций*» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.6. С.259—260).

дворянского землевладения (вместе с землями короны) не превышала 25 процентов, а собственность церкви составляла около 10 процентов. Между тем представители третьего сословия официально имели в собственности около 30 процентов земель королевства (вокруг городов цифра доходила до 45 процентов), а также контролировали значительное количество земель, заложенных феодалами и крестьянами.

Промышленность развивалась быстрыми темпами, не будучи серьезно скованной феодальными отношениями. С 1744 по 1789 год рост производства в угольной промышленности составил около 800 процентов, производство ситцев, отражающее общее состояние легкой промышленности, выросло с 1758 по 1786 год на 740 процентов, производство шелка в Дофинэ поднялось с 1730 по 1767 год на 400 процентов. С 1716 по 1787 год объем французского экспорта увеличился втрое, причем также втрое увеличилась доля в нем промышленных товаров[1]. Поэтому, на наш взгляд, обнаружить в данном случае иное существенное противоречие, кроме как противоречие между экономическими реалиями и политической надстройкой, невозможно[2].

---

[1] См.: *Жорес Ж.* Социалистическая история Французской революции. Т.1. Ч.1. М., 1978. С.52, 61, 208, 210, 211; *Блан Л.* История Французской революции. Т.1. СПб., 1907. С.114—115, 119, 185, 251—252, 254—257; *Каутский К.* Противоречия классовых интересов в 1789 году. М., 1923. С.46—47; *Кропоткин П. А.* Великая Французская революция. // Собр. соч. Издание, проверенное автором и разрешенное им для России. Т.2. М., 1919. С.7—10.

[2] К.Маркс и не рассматривал возможности возникновения иных противоречий в подобных условиях. Он прямо указывал, что с появлением мануфактуры и тем более фабрики производственные отношения в соответствующих секторах не могут не принять вид типично капиталистических. Образуются, таким образом, «островки» соответствия производительных сил и производственных отношений буржуазного типа. В феодальном секторе, охватывавшем в основном сельскохозяйственное производство, также существовали элементы соответствия производительных сил и производственных отношений, однако на качественно ином уровне. При анализе причин революции К.Маркс обращался именно к столкновению между укладами, проявляющемуся через борьбу интересов их представителей. Более того.

Итак, «политическая» и «социальная» революции — совершенно разные термины, применявшиеся основоположниками марксизма для обозначения различных типов исторических изменений. Понятие социальной революции, являвшееся центральным в революционном учении классиков марксизма, находилось в фокусе внимания на всем протяжении их творчества, что обусловливалось необходимостью обоснования коммунистических перспектив развития цивилизации. Уже в «Немецкой идеологии», где К.Маркс и Ф.Энгельс ввели понятия производительных сил и производственных отношений, отмечается констатация рождающегося между ними противоречия. И это противоречие действительно было положено К.Марксом и Ф.Энгельсом в основу их теории социальной революции, понятие которой как в этот период, так и позже относилось только к революции коммунистического типа.

Противоречие между производительными силами и производственными отношениями как фактор социальной революции возникает, по мнению родоначальников марксизма, на грани XVIII и XIX веков, когда еще существовало относительное соответствие производительных сил и производственных отношений развивающегося по восходящей капитализма. Как отмечали К.Маркс и Ф.Энгельс, «вот уже *несколько десятилетий* (курсив мой. — *В.И.*) история промышленности представляет собой историю возмущения производительных сил против современных производственных отношений»[1]. Тем самым утверждается, что капиталистическая организация производства, своим возникновением

К.Маркс полагал, что в рамках экономической общественной формации, за исключением периода, непосредственно предшествующего коммунистической революции, происходит эволюционное изменение как производительных сил, так и производственных отношений, не допускающее возникновения между ними антагонистических противоречий. «...Любое изменение в производительных силах людей, — писал он, — влечет за собой соответствующее изменение в их производственных отношениях» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.4. С.144); в оригинале: «...changement survenu dans les forces productives les hommes amene necessairement un changement dans leurs rapports de production» (*Marx K.* Misere de la philosophie. P., 1961. P.131).

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.4. С.429.

устраняющая противоречие между базисом и надстройкой, порождающее буржуазную революцию, уже самим этим фактом (как финальная стадия экономической общественной формации) придает противоречию между производительными силами и производственными отношениями совершенно иное содержание.

Это положение подчеркивается К.Марксом на протяжении всего его творчества, достигая совершенства в прославленном отрывке из третьего тома «Капитала», где мы читаем: «Настоящий предел капиталистического производства — это сам капитал, — а это значит: капитал и самовозрастание его стоимости являются исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства; производство есть только производство для капитала, а не наоборот: средства производства не являются просто средствами для постоянно расширяющегося процесса жизни общества производителей... Средство — безграничное развитие общественных производительных сил — вступает в постоянное противоречие с ограниченной целью — увеличением стоимости существующего капитала. Поэтому, если капиталистический способ производства есть историческое средство для развития материальной производительной силы... то он в то же время является постоянным противоречием между такой его исторической задачей и свойственными ему общественными отношениями производства»[1]. С течением времени данное состояние приводит к тому, что в

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.25. Ч.II. С.309. Ф.Энгельс в несколько иной формулировке высказал это положение в 1850 году. «Очевидно, — писал он, — что английские промышленники, средства производства которых обладают несравненно большей сферой расширения, чем рынки их сбыта... приближаются сейчас к тому моменту... когда период процветания, который теперь еще отделяет один кризис от другого, под давлением непомерно возросших производительных сил совершенно исчезнет... тогда промышленность, торговля и все современное общество должны были бы погибнуть от избытка не находящей применения жизненной энергии, с одной стороны, и от совершенного истощения — с другой, если бы это ненормальное состояние не носило бы в себе средства для своего собственного исцеления и... промышленное развитие не вызывало бы в то же время к жизни... пролетариат. Тогда пролетарская революция будет неизбежна, а победа ее несомненна» (Там же. Т.7. С.255).

своем развитии производительные силы достигают такой ступени, на которой возникают производительные силы и средства общения, приносящие с собой при существующих отношениях одни лишь бедствия, являясь не производительными, а разрушительными силами.

Указанные положения, согласно которым противоречие между производительными силами и производственными отношениями имманентно присуще капиталистическому способу производства, не должны рассматриваться как доказательства того, что оно возникло только при капитализме. Противоречие между производительными силами и производственными отношениями является неизбежным спутником человеческой истории, однако в рамках экономической общественной формации до становления буржуазного способа производства оно не носило антагонистического характера, *способного привести к революционным изменениям всего социального строя*. Играя огромную роль в течение всей предшествующей истории человечества, это противоречие сообщало историческому прогрессу преимущественно эволюционный характер. Как отмечали по этому поводу К.Маркс и Ф.Энгельс, «противоречие между производительными силами и формой общения [производственными отношениями] уже неоднократно имело место в предшествующей истории, *не угрожая*, однако, *ее основам* (курсив мой. — *В.И.*)»[1].

К.Маркс и Ф.Энгельс оставили множество высказываний, из которых следует, что под социальной революцией понимается именно революция коммунистического типа. Полагая, что такая революция может быть осуществлена во многих странах, К.Маркс писал в 1850 году: «Победы Священного союза привели к таким изменениям в Европе, которые дают основание предполагать, что всякое новое пролетарское восстание во Франции неминуемо повлечет за собой мировую войну. Новая французская революция вынуждена будет сейчас же выйти за национальные рамки и завоевать себе европейскую арену, на которой только и может быть осуществлена *социальная революция* (курсив мой. — *В.И.*) XIX века»[2]. Ф.Энгельс отмечал в том же году:

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.3. С.69.

[2] Там же. Т.7. С.31—32.

«...Ясно, что без возможности дальнейшего расширения рынков при системе, которая требует непрерывного расширения производства, господству фабрикантов наступает конец. Что же будет дальше? «Всеобщее разорение и хаос», — говорят фритредеры. Социальная революция и господство пролетариата, — утверждаем мы»[1]. К.Маркс применял термин в аналогичном смысле. Выступая 20 июля 1869 года на заседании Генерального Совета I Интернационала, он заявил: «Наши усилия должны быть направлены на то, чтобы никакие орудия производства не оставались частной собственностью. Частная собственность на орудия производства является фикцией, поскольку собственники не могут пользоваться ими сами; но она предоставляет собственникам ту власть над средствами производства, при помощи которой они заставляют других людей работать на себя. В полуварварском состоянии такой порядок, может быть, был необходим, но теперь уже нет. Все средства производства должны быть обобществлены с тем, чтобы обеспечить каждому и право, и возможность применять свою рабочую силу... Началом... социальной революции... должно быть создание условий для обобществления средств производства»[2]. В написанном в следующем году послании Генерального Совета Федеральному Совету Романской Швейцарии понятие социальной революции играло такую же роль. «Благодаря своему господству на мировом рынке, — отметил К.Маркс, — Англия является единственной страной, где каждый переворот в экономических отношениях должен немедленно отразиться на всем мире. Если Англия является классической страной лендлордизма и капитализма, то... в ней созрели более, чем где бы то ни было, материальные условия для их уничтожения... Англичане обладают всеми необходимыми материальными предпосылками для социальной революции»[3].

Еще более интересны в этом отношении высказывания К.Маркса и Ф.Энгельса, относящиеся к 70-м и 80-м годам. В них понятие «социальная революция» употребляется таким образом, что спутать его приме-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.7. С.242—243.
[2] Там же. Т.16. С.594.
[3] Там же. С.404—405.

нение с каким-либо другим термином или предполагать, что оно может означать революцию, опосредующую смену способов производства внутри экономической общественной формации, не говоря уже о других революционных изменениях, не представляется возможным. Рассмотрим четыре высказывания подобного рода, наиболее заметным из которых является последнее.

В 1872 году К.Маркс и Ф.Энгельс писали: «Организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и ее конечную цель — уничтожение классов»[1]. В том же году в своей известной работе «К жилищному вопросу» Ф.Энгельс отмечал, что «краеугольным камнем капиталистического способа производства является именно тот факт, что наш современный общественный строй предоставляет капиталисту возможность покупать рабочую силу по ее стоимости, а выколачивать из нее гораздо больше ее стоимости, заставляя рабочего работать больше, чем это необходимо для воспроизводства цены, уплаченной за рабочую силу... Эта эксплуатация — вот коренное зло, которое социальная революция стремится уничтожить, уничтожая капиталистический способ производства»[2]. Спустя пятнадцать лет Ф.Энгельс указывал: «Чем быстрее темпы капиталистического развития, тем скорее и полнее осуществляются его неизбежные следствия — раскол общества на два класса, капиталистов и наемных рабочих; наследственное богатство на одной стороне и наследственная нищета — на другой; предложение, превышающее спрос, неспособность рынков поглотить все возрастающую массу промышленных продуктов... словом, рост производительных сил до такой степени, когда общественные учреждения, при которых они возникли, становятся для них невыносимыми оковами; единственно возможный выход — социальная революция, освобождающая общественные производительные силы от оков устаревшего социального строя, а подлинных производителей, широкие народные массы, — от наемного рабства»[3]. И последнее. «...Все индогерман-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.18. С.143.

[2] Там же. С.208.

[3] Там же. Т.21. С.374—375.

ские народы, — отмечает Ф.Энгельс, — начинают с общей собственности. Почти у всех народов она в ходе общественного развития отменяется, отрицается, вытесняется другими формами — частной собственностью, феодальной собственностью и так далее. Подвергнуть отрицанию это отрицание, восстановить общую собственность на более высокой ступени развития — такова задача социальной революции»[1].

Таким образом, позицию К.Маркса и Ф.Энгельса относительно социальной революции можно, на наш взгляд, интерпретировать исключительно как рассмотрение в качестве социальной той революции, которая замещает капиталистический тип производства коммунистическим и, следовательно, экономическую общественную формацию коммунистической общественной формацией. Соответственно революционные изменения, приводящие к смене отдельных способов производства внутри экономической общественной формации, оцениваются основоположниками марксизма как политические революции.

Однако подобная трактовка предполагает необходимость ответа на два важных вопроса, касающихся проблем марксовой системы периодизации общественного прогресса, которые будут рассмотрены ниже.

Первым из них является вопрос о соотношении социальной революции и границ экономической общественной формации как исторического периода. Коль скоро принимается, что переход от экономической общественной формации к коммунистической осуществляется посредством социальной революции, выступающей, таким образом, формой межформационного перехода, логичным оказывается также и предположение о существовании другой социальной революции, а именно той, которая опосредовала становление экономической общественной формации и являлась средством перехода от первичной общественной формации ко вторичной.

К.Маркс и Ф.Энгельс уделили проблеме перехода от первичной общественной формации ко вторичной гораздо меньше внимания, чем коммунистическому переустройству общества. Однако они в полном соответствии с терминологическим аппаратом формационной теории

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.20. С.640.

рассмотрели переход к экономической формации в качестве *социальной* революции. Главной чертой этой революции было, по К.Марксу, разрушение патриархальных форм организации общественной жизни, в частности разрушение общинной структуры и переход к системе, основанной на том или ином виде частной собственности. Так, К.Маркс отмечает, что в Индии периода колонизации «английское вмешательство разрушило... маленькие, полуварварские, полуцивилизованные общины, уничтожив их экономический базис, и таким образом произвело величайшую и, надо сказать правду, единственную *социальную* революцию, пережитую когда-либо Азией»[1]. Ф.Энгельс высказал подобное же положение относительно римской истории, в частности того ее периода, когда были разрушены патриархальные отношения, характеризовавшие базис этрусских общин, существовавших на территории Италии в первые века истории Рима. По мнению Ф.Энгельса, разрушение общинной структуры и становление классового государства тоже явилось социальной революцией[2]. Показательно также и то, что данный термин более не употребляется по отношению к истории Востока или европейской древности; основоположники марксизма, например, воздерживаются от использования его для обозначения, скажем, событий, опосредовавших в Европе переход от античности к феодализму.

Поэтому утверждение о том, что *социальная революция* представляется К.Марксу и Ф.Энгельсу явлением, обозначающим смену *общественных формаций*, фактически неоспоримо.

Второй вопрос касается последовательности изменений, приносимых социальной революцией, а также самого ее протекания. В Предисловии к «Критике политической экономии» К.Маркс писал: «...На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних

---

[1] Цит. по: *Шелике В.Ф., Потоцкий В.А.* Актуальные проблемы понятийного аппарата теории социальной революции. // Философские науки. 1979. № 5. С.25.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.21. С.128.

— с отношениями собственности. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает *эпоха социальной революции* (курсив мой. — *В.И.*)»[1]. Однако тут же К.Маркс отмечает, что в результате революционного процесса «с изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»[2].

Данные высказывания К.Маркса ставят проблему соотношения изменений в базисе и надстройке в период социальной революции. Фактически признается, что надстроечные изменения происходят после осуществления преобразований производственных отношений. Советские авторы, и мы рассмотрим этот вопрос ниже, полагали в своем большинстве, что коммунистическая революция отличается от прочих тем, что переворот в надстройке предшествует изменениям в производственных отношениях. Однако для такой точки зрения в рамках марксовой формационной теории нет достаточных оснований. Эпоха социальной революции рассматривается К.Марксом как период изменений, обусловливающих становление новой общественной формации, и сама социальная революция, преобразующая глубинные основы общественного устройства, в отличие от революции политической не является моментным актом, а представляет собой процесс, временные рамки которого могут быть определены с большой долей условности. Известно его высказывание относительно перехода к экономической общественной формации, согласно которому «в историческом движении Западной Европы, древней и современной, период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной, от первичной формации к формации вторичной»[3]. Таким образом, эпоха социальной революции, опосредующей становление экономической формации, не ограничивается основоположниками марксизма ни территориально, ни хронологически.

Отчасти это применимо и к анализу социальной революции, завершающей собой экономическую общест-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.13. С.7.

[2] Там же. С.7.

[3] Там же. Т.19. С.404.

венную формацию. В данном случае вопрос более сложен, и рамки процесса определены К.Марксом и Ф.Энгельсом более конкретно, однако Ф.Энгельс, в частности, отрицает возможность пролетарской революции как одномоментного акта. Так, в письме к К.Каутскому от 12 сентября 1882 года он писал: «Раз только реорганизована Европа и Северная Америка, то это даст такую колоссальную силу и такой пример, что полуцивилизованные страны сами потянутся за нами; об этом позаботятся одни только экономические потребности. Какие социальные и политические фазы придется тогда проделать этим странам, пока они дойдут до социалистической организации, об этом, я думаю, мы могли бы выставить лишь довольно праздные гипотезы»[1]. Таким образом, именно за экономическими преобразованиями следуют надстроечные изменения даже при переходе к третичной общественной формации, и это весьма существенно, поскольку в данном случае мы видим понимание (пусть и недостаточно формализованное и растворенное во множестве прямо противоположных положений) К.Марксом и Ф.Энгельсом того, что восстание пролетариата является началом, но отнюдь не исчерпывает содержания той гигантской социальной революции, которая знаменует собой переход от экономической общественной формации к коммунистической.

Подведем некоторые итоги. Марксова концепция революций полностью подчинена основному элементу социальной теории марксизма — учению о смене общественных формаций и способов производства. В соответствии с делением общественной эволюции на три общественные формации К.Маркс и Ф.Энгельс отмечают два глобальных изменения в истории человечества и квалифицируют их в качестве социальных революций. Реалистический подход к исследованию истории выражается в данном случае в признании продолжительности периода смены общественных формаций, что подчеркивается применением термина «эпоха социальной революции». Период социальной революции, согласно марксовой концепции, продолжается с начала изменения базисных производственных отношений до того периода, как *все* производственные отношения и весь тип регули-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.35. С.298.

рования производства, свойственные предшествующей формации, не будут преодолены, а новая общественная формация приобретет форму, являющуюся в полной мере саморегулирующейся.

Такой подход может быть проиллюстрирован с помощью уже цитировавшегося отрывка из набросков ответа на письмо В. Засулич. К.Маркс указывал на то, что община вполне преодолевается только капиталистическим способом производства. Можно предположить, что социальная революция, приводящая к становлению экономической общественной формации, полностью исчерпывает себя только тогда, когда эта общественная формация достигает вполне зрелых своих форм; в ходе же соответствующих преобразований происходит изменение всей общественной структуры. То же самое справедливо и относительно коммунистической революции. Как и эпоха социальной революции, похоронившая архаическую общественную формацию, коммунистическая революция начинается тогда, когда наличие частной собственности (так же как при архаической общественной формации ее отсутствие) становится непреодолимой преградой для хозяйственного и социального прогресса. В этом случае противоречие между производительными силами и производственными отношениями теряет свой «позитивный» характер источника эволюционного движения и становится основанием социальных коллизий, из которых вырастает новое общество. Начинаясь с восстания пролетариата против своих угнетателей, эта революция представляет собой гигантскую эпоху замещения отношений экономической общественной формации отношениями формации по своей сути неэкономической. Хронологические рамки данного процесса не были определены К.Марксом; они не могут быть определены и сегодня.

В отличие от социальных революций существуют и революции, которые основоположники марксизма назвали политическими. Эти революционные изменения являются более поверхностными, чем социальные революции, и прослеживаются внутри экономической общественной формации, оказываясь средством перехода от одного способа производства к другому. Политические революции, порожденные противоречием между развивающимися экономическими отношениями и политической структурой общества, решают задачу освобож-

дения общества от отживших организационных форм. Таким образом, мы видим высокую степень соответствия марксовой теории революций формационной концепции, согласованность основных положений обеих теорий и их взаимодополняемость.

Марксова историческая концепция, базирующаяся на формационной периодизации общественного прогресса, являет собой пример адекватного исторического построения, основные элементы которого тесно увязаны между собой, а сама доктрина описывает исторический процесс исходя из его внутренних закономерностей. Однако и эта концепция имеет целый ряд не столько явных, сколько скрытых недостатков, которые могут проявиться при определенных условиях развития данного теоретического направления. Поэтому сейчас необходимо более подробно остановиться на источниках возможных противоречий, скрывающихся внутри марксовой концепции, и, исследовав их, оценить степень соответствия представлениям К.Маркса и Ф.Энгельса теорий, созданных продолжателями их дела.

Глава третья

УПАДОК МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ

Как мы показали выше, марксова теоретическая концепция несла в себе непреодолимое внутреннее противоречие, явную несогласованность между теорией как таковой и теорией как средством преобразования действительности. Трагизм марксизма в том, что данное противоречие, которое не должно быть свойственно последовательно научной доктрине, содержалось в работах самого основоположника. и только гений К.Маркса, его научная объективность и принципиальное следование фундаментальным методологическим основам своей теории позволяли до поры до времени сочетать разнородные элементы революционного учения.

Однако в начале XX века, когда марксизм стал одним из наиболее влиятельных политических течений, а место К.Маркса и Ф.Энгельса заняли их преемники — европейские социал-демократы, теоретические проблемы вновь вышли на первый план и оказалось, что фактически никто из называвших себя марксистами не сумел по-настоящему глубоко усвоить эволюционную сущность социальной доктрины своих великих учителей; большинство акцентировало внимание на ее революционной форме.

Наиболее односторонне к пониманию теории марксизма подошли там, где революционное движение было менее всего подготовлено к ее восприятию. Волею судеб таким ареалом стала Россия — страна, к началу XX века сделавшая только первые шаги по пути капиталистического развития, но раздираемая при этом серьезными классовыми противоречиями, особенно очевидными на фоне вопиющей нищеты народа и многовековой отсталости.

Русские марксисты, чье формирование пришлось на период развязанного народовольцами террора и распространения весьма примитивных понятий о революционной практике, не могли не воспринять марксизм как *революционную схему*, апологетизировавшую принципы непримиримой классовой борьбы. Русский марксизм оказался представлен поколением, не пережившим становления европейской социал-демократии, не испытавшим краха иллюзий, связанных с революциями 1848 и 1871 годов, поколением, не признававшим никаких преград и готовым повести за собой всех, кто также не видел на своем пути ничего непреодолимого. Главным в такой борьбе считалось число сторонников, мощь партии, стоящей за спиной вождя, а эти факторы не могли быть достигнуты иначе, как революционной теорией, словом, лозунгом, причем простота призывов была пропорциональна степени революционного подъема.

Поэтому с первых шагов распространения марксизма в России стали высказываться опасения, что в этой стране данную концепцию постигнут наиболее жестокое упрощение и беспощадная вульгаризация. То, что произошло на деле, однако, опровергло самые мрачные ожидания.

Величайший революционер-практик и его «вклад» в теорию

В.Ленин, творец российской революции 1917 года, один из крупнейших революционеров в истории человечества, был, по сути, первым, кто попытался придать марксизму сугубо российскую специфику. И начал он со значительного упрощения основных методологических принципов марксистского учения, упрощения, так никогда и не преодоленного советскими обществоведами вплоть до крушения коммунистического режима.

Главным принципом, который В.Ленин заимствовал из марксовой теории, стал принцип стадийности развития общества. Именно он и давал основу теории революционных изменений, поэтому внимание, уделявшееся российскими марксистами данному вопросу, вполне объяснимо. В.Ленин прямо связал успех материалистического понимания истории в целом с успехом теории формаций, утверждая, что «со времени появления «Капитала» — материалистическое понимание

истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение, и пока мы не будем иметь другой попытки научно объяснить функционирование и развитие какой-нибудь общественной формации — именно общественной формации, а не быта какой-нибудь страны или народа, или даже класса и т. п. — ...до тех пор материалистическое понимание истории будет синонимом общественной науки» [1].

Уже в этом случае заметно, что В.Ленин называет капиталистический строй, рассматривавшийся К.Марксом в «Капитале», «общественной формацией», а это методологически неверно. Однако такого рода высказывания В.Ленина не могут квалифицироваться как мелкие неточности; его позиция базировалась на весьма упрощенном понимании марксовой методологии. Увлеченный делением истории на легко анализируемые по отдельности периоды, которые, по его мнению, можно называть общественными формациями, В.Ленин допустил грубую ошибку в переводе известного отрывка из Предисловия «К критике политической экономии», когда писал: «...Рассматриваемые в общих чертах азиатские, античные, феодальные и новейшие, буржуазные, производственные порядки могут быть рассматриваемы как прогрессивные эпохи в истории экономических формаций общества»[2]. Непонятно, как могут быть различные «производственные порядки» эпохами столь же различных формаций. Неясно, понимал ли В.Ленин в то время значение термина «способ производства». Столь же невыясненной остается и причина перевода термина «экономическая общественная формация», стоящего в оригинале в единственном числе, во множественном. Справедливости ради следует сказать, что впоследствии В.Ленин исправил ошибки перевода, однако работа «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» стала настольной книгой советских марксистов в 20-е и 30-е годы, и именно на этих методологически порочных тезисах были построены основы советской формационной теории.

Стремление упростить теорию прослеживается во многих ленинских работах. Прежде всего это прояв-

---

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С.139—140.

[2] Там же. С.136.

ляется в пренебрежении к терминологическим проблемам. Иначе трудно объяснить, почему В.Ленин, цитируя положение К.Маркса: «...Я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественно-исторический процесс»[1], предлагает совершенно правильный перевод, а когда начинает комментировать данное высказывание, то «выясняется», что К.Маркс ведет речь об «общественно-экономической формации»[2]. И почему оказывается возможной следующая формулировка: «... Маркс... берет одну из общественно-экономических формаций — систему товарного хозяйства — и на основании гигантской массы данных... дает подробнейший анализ законов функционирования этой формации и развития ее»[3]? В результате каких умозаключений система товарного хозяйства выделяется В.Лениным в отдельную общественно-экономическую формацию? Следствием подобных пассажей является усугубление терминологической путаницы, на фоне которой в качестве термина, обозначающего любую стадию общественной эволюции, возникает понятие «общественно-экономическая формация».

Понятие «общественно-экономическая формация» нанесло непоправимый ущерб марксистской социологической теории. Его использование вычеркнуло из марксизма более чем на восемьдесят лет одну из основных идей К.Маркса — идею о двух кругах развития общества: первом — последовательной смене трех общественных формаций и втором — смене способов производства внутри экономической общественной формации. Уравняв доклассовое общество с античным и феодальным, капиталистические порядки с обществом будущего, данный термин стал основой едва ли не всех социологических предрассудков советского периода.

Коль скоро концепция общественных формаций не была усвоена В.Лениным в марксовой интерпретации, было бы совершенно наивным полагать, что в ленинской теории получила адекватное отражение марксова доктрина революций. Последовательно подчеркивая роль классовой борьбы в развитии общества и роль пролета-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С.133.

[2] См.: Там же.

[3] Там же. С.138.

риата в современный ему период, В.Ленин создал учение о революциях, которое вопиюще противоречит идеям К.Маркса, игнорирует основные положения его концепции — о причинах и ходе социальной революции.

Как мы уже отмечали, по мнению К.Маркса, причина *социальной* революции заключена в противоречии между производительными силами капиталистического общества и производственными отношениями, сдерживающими их развитие таким образом, что они становятся, по сути, не производительными, а разрушительными силами. Против подобного подхода В.Ленин не возражает. Однако если К.Маркс предполагал существование помимо *социальных* еще и *политических* революций, опосредовавших смену способов производства внутри экономической общественной формации, то В.Ленин трансформировал понятие политической революции в термин, обозначающий исключительно полувоенный переворот, в ходе которого пролетариат берет власть в свои руки, и, следовательно, представил политический переворот как одну из сторон социальной революции. Из данного рассуждения вытекает, что «социальной» является не только коммунистическая революция, но и, например, революция буржуазная, имеющая социальную и политическую стороны. В итоге устраняется принципиальное различие между социальной и политической революциями, на котором строилась марксова революционная теория.

Четкая марксова трактовка отличий коммунистической революции от буржуазной заменяется В.Лениным указанием на черты, присущие исключительно революции коммунистического типа. Говорится о первичности переворота в надстройке по отношению к перевороту в базисе, о том, что в противоположность буржуазной революции, выполнявшей скорее разрушительную задачу, коммунистическая революция осуществляет задачу созидательную и т.д. Все перечисленные характерные черты коммунистической революции имеют место, но марксово определение этой революции как *социальной* в гораздо большей мере подчеркивало исключительность данного события, чем ссылки на все прочие обстоятельства. Однако нельзя все же не отметить последовательность В.Ленина: уничтожив теорию общественных формаций в ее марксовом понимании, он устранил и соответствующую ей концепцию социальных

революций. И вновь, как нам кажется, такая трансформация теории произошла не столько от стремления творчески развить наследие предшественников, сколько от непонимания всей глубины марксовой доктрины.

На фоне столь радикальной трансформации основ марксовой теории весьма примечательной выглядит та часть ленинской революционной доктрины, в которой анализируется ход социалистической революции. Новые исторические условия сделали очевидным обстоятельство, которое во времена К.Маркса было неявным: социалистическая революция может победить в отдельно взятой стране капиталистического мира. Соответствующий тезис не был отчетливо сформулирован родоначальниками марксизма, хотя некоторые изыскания К.Маркса, относящиеся к последнему десятилетию его жизни, давали основание предположить, что чисто теоретическим путем он пришел к подобным же выводам, вполне согласующимся с его концепцией смены общественных формаций.

Однако наброски, черновики и письма К.Маркса того периода не были опубликованы в начале XX века, и поэтому исследования В.Ленина в данном направлении следует признать вполне оригинальными и самостоятельными. Он, между тем, не отрицал, что коммунистическая революция осуществится в конечном счете именно как мировая революция — его высказывания, так или иначе противоречащие этому тезису, относятся лишь к началу 20-х годов, да и то отнюдь не категоричны. На протяжении всей своей жизни В.Ленин полагал, что началом коммунистического переустройства мира будет именно всеобъемлющая победоносная социалистическая революция: «...Думать, что *мыслима* социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии *со всеми ее предрассудками*, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т.п. гнета, — думать так значит *отрекаться от социальной революции*»[1].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С.54.

Несмотря на подобные позиции, В.Ленин в условиях начала XX века, опираясь на анализ реальных социальных процессов, делает вывод о возможности свершения социалистической революции в отдельно взятой стране. Путь В.Ленина к этому выводу был абсолютно противоположен подходам К.Маркса, позволившим ему в неявной форме выдвинуть аналогичный тезис: В.Ленин пришел к нему непосредственно от анализа текущей ситуации, тогда как марксова теория перехода от одной общественной формации к другой имманентно содержала в себе данное положение.

Другой важной областью ленинских исследований стал анализ империализма как высшей фазы развития капиталистического способа производства. Оценка современного В.Ленину общества начата им с описания новых явлений, наблюдавшихся в экономической и политической жизни промышленно развитых стран конца XIX — начала XX века. Эти новые явления он объясняет возникновением капиталистических монополий, которые начинают постепенно вытеснять систему свободной конкуренции; именно с изменениями капиталистической организации производства и связаны два основных определения империализма, данных В.Лениным.

Первое из них, весьма лаконичное, гласит, что «империализм есть монополистическая стадия капитализма»[1]. Согласно второму, более развернутому, «следует дать такое определение империализма, которое бы включало следующие пять основных его признаков: 1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами»[2].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С.386.

[2] Там же. С.386—387.

Таким образом, согласно ленинскому определению, империализм является не более чем *новой формой капиталистической организации производства*, не более чем этапом развития капитализма, фазой капиталистической «общественно-экономической» формации, но не новым способом производства. Новым же способом производства империализм не может выступать потому, что сохраняются все основные черты капитализма: не исчезает эксплуатация рабочих и не изменяются кардинально ее методы, сохраняется частная собственность на средства производства, не возникает в народнохозяйственном масштабе планомерной организации производства.

Данное В.Лениным определение империализма органично вытекает из его теории «общественно-экономической» формации. Сама методология выделения этих «малых» формаций с гораздо большей остротой, чем марксова методология, поставила задачу исследования переходных периодов и переходных форм общественных отношений. Если К.Маркс полагал, что несколько способов производства органически сменяли друг друга в единых рамках экономической общественной формации, то в случае представления каждого способа производства в качестве «общественно-экономической» формации проблема перехода от одной формации к другой стала более актуальной и сложной. Следуя марксовой методологии, было бы правильнее обозначить империализм как новую фазу *экономической общественной формации*, что не сузило бы рамок исследования и позволило бы изучить данное явление более беспристрастно. При этом подобная трактовка подчеркнула бы существенные отличия империалистической фазы от традиционного капитализма, отличия, позволившие этой форме производства существовать в течение столетия со времени своего возникновения и естественно перерождаться в более высокие, отчасти относящиеся уже к третичной общественной формации социальные формы.

Однако признание империализма новой фазой *экономической общественной формации* означало бы, что *данная общественная формация* вступила в регрессивную фазу своего развития, обнаружила черты превращения в формацию третичную, причем это не обязательно должно было сопровождаться революционным

сломом старого строя на этапе наибольшего обострения его противоречий. Последнее не могло быть принято В.Лениным как сторонником обоснования революционной роли пролетариата в победоносной социалистической революции.

Опираясь на собственный анализ, В.Ленин предположил также, что капитализм, вступивший в империалистическую стадию, является умирающим и загнивающим капитализмом, уже подготовившим все предпосылки для своего революционного низвержения и торжества социалистического строя. В отличие от В.Ленина более последовательные марксисты, уловившие эволюционные элементы в марксовом учении, уже в начале первой мировой войны осознали, что потенциал поступательного развития, заложенный в империалистической форме организации производства, гораздо более велик, чем присутствующие в ней деструктивные элементы. Возвращаясь к положениям, выдвинутым им в брошюре «Распад партии» в 1915 году, Г.Кунов писал: «...Когда в начале последней войны повсеместно и с большой определенностью высказывался взгляд, что результатом войны будет крушение капиталистической хозяйственной системы и введение социалистического хозяйства, то я указывал, что результатом войны, конечно, может быть осуществление *отдельных социалистических мероприятий*, но что в существенном последствия войны в капиталистических государствах будут заключаться в усилении империализма и финансового капитализма, в наступлении новой эры господства финансового капитала»[1].

Между тем В.Ленин, аргументируя свою позицию, настаивал на признании противоречия между свободной конкуренцией и монополией в качестве явления, однозначно позволяющего определить империализм как канун перехода к социалистическому строю. Если бы империализм был рассмотрен как фаза *экономической общественной формации*, эта проблема была бы снята, поскольку в рамках данной общественной формации периоды расцвета свободной конкуренции перемежались с эпохами, на протяжении которых хозяйственная

[1] *Кунов Г.* Марксова теория исторического процесса, общества и государства. Т. 2. М.-Л.,1930. С.293.

жизнь имела различные формы монополии своей принципиальной основой. Однако В.Ленин предпочитает исследовать поверхностные формы и пишет: «Свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще; монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции, но эта последняя на наших глазах стала превращаться в монополию, создавая крупное производство, вытесняя мелкое, заменяя крупное крупнейшим, доводя концентрацию производства и капитала до того, что из нее вырастала и вырастает монополия: картели, синдикаты, тресты, сливающийся с ними капитал какого-нибудь десятка ворочающих миллиардами банков. И в то же время монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов. Монополия, — завершает свое рассуждение В.Ленин, — есть переход от капитализма к более высокому строю»[1]. В другом месте он отмечает: «Мы видели, что по своей экономической сущности империализм есть монополистический капитализм. Уже этим определяется историческое место империализма, ибо монополия, вырастающая на почве свободной конкуренции и именно из свободной конкуренции, есть переход от капиталистического к более высокому общественно-экономическому укладу»[2]. Сами по себе эти формулировки правильны, если отвлечься от того, переходом к какому именно «более высокому общественно-экономическому укладу» является империализм. Однако В.Ленин убежден, что перспективой подобного перехода является именно социалистический строй; по его мнению, «объективный ход развития таков, что от *монополий*... вперед идти *нельзя*, не идя к социализму. ...Социализм теперь смотрит на нас через все окна современного капитализма, социализм вырисовывается непосредственно, *практически*, из каждой крупной меры, составляющей шаг вперед на базе этого новейшего капитализма»[3]. Однако и сто лет спустя страны, которые определялись В.Лениным как фор-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С.385—386.

[2] Там же. Т. 22. С.420—421.

[3] Там же. Т. 34. С.192—193.

посты «новейшего капитализма», не подверженные революционным катаклизмам, осуществляют переход отнюдь не к социализму, а к современному постиндустриальному обществу, приближаясь, таким образом, к состоянию третичной общественной формации.

Несмотря на очевидную сегодня некорректность ленинской теории империализма, она выполнила возлагавшуюся на нее миссию: обосновать неизбежность социалистической революции и роль в ней рабочего класса. Октябрьский переворот 1917 года был весьма далек от той социальной революции, которую имел в виду К.Маркс, однако он открыл путь если не к превращению России в социалистическую страну, то, по крайней мере, к трансформации догматизированного марксизма в официальную идеологию этой страны. Для марксова учения настало время наиболее жестоких испытаний, выдержать которые оно оказалось не в силах.

Дискуссия 1929 — 1934 годов и ее итоги

К середине 20-х годов в стране победившего пролетариата были предприняты первые попытки овладения теоретическим наследием марксизма. И если некоторые начала теории классовой борьбы и концепции революции были усвоены советскими обществоведами из работ В.Ленина, то основы теории общественного развития К.Маркса и Ф.Энгельса оставались фактически неизвестными исследователям. В результате произвольного толкования многих положений марксизма к концу 20-х годов в формировавшейся советской обществоведческой науке сложился ряд школ, стоявших зачастую на совершенно противоположных позициях. Однако дискуссия, вспыхнувшая в 1929 году, вновь, как и во времена полемики В.Ленина с «ревизионистами» и социал-демократами, отразила в первую очередь не борьбу за чистоту теории, а противостояние между отдельными течениями внутри партии, что в условиях формировавшегося авторитарного режима предопределило направление развития концепции в сторону ее максимально возможного упрощения и примитивизации.

В 1929 году вышла в свет книга С.Дубровского «К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала». В

ней автор предпринял попытку пусть не во всем удачного, однако в целом достаточно самобытного анализа соотношения общественных формаций и переходных периодов между ними, их значения для исследования исторического прогресса. Рассмотрев высказывание К.Маркса из Предисловия в соответствии с трактовкой К.Каутского как указывающее на стадии «экономического формирования общества», С.Дубровский предположил, что кроме обозначенных могут быть обнаружены и другие стадии такого формирования. В результате построения довольно абстрактной схемы С.Дубровский обрисовал десять хозяйственных систем, заслуживающих, по его мнению, анализа в качестве основных периодов общественной эволюции. К ним он отнес хозяйство первобытного общества, патриархальное хозяйство, рабовладельческое хозяйство, феодальное хозяйство, крепостное хозяйство, хозяйство мелких товаропроизводителей, капиталистическое хозяйство, хозяйство эпохи диктатуры пролетариата, социалистическое хозяйство и хозяйство эпохи мирового коммунизма[1]. Все эти фазы были охарактеризованы им как способы производства.

Работа С.Дубровского была подвергнута резкой критике советскими марксистами. В ходе полемики стали заметны элементы концепции «общественно-экономических» формаций, которая в своем наиболее полном виде сложилась спустя несколько лет. Разумеется, дискуссия велась таким образом, что противники автора стремились обвинить его в отступлении от азов марксизма. Так, Е.Варга писал, что «С.Дубровский подвергает коренной ревизии учение К.Маркса о способах производства. Азиатский способ производства он отрицает вовсе, из феодального делает два способа производства — феодальный и крепостнический, вводит «хозяйство мелких товаропроизводителей» как особый способ производства...»[2]. В то же время, по мнению А.Куд-

---

[1] См.: *Дубровский С.М.* К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М.,1929. С.17—19.

[2] *Варга Е.С.* Об азиатском способе производства. // В кн.: *Варга Е.С.* Очерки по проблемам политэкономии капитализма. М., 1965. С.366—367.

рявцева, последовательный марксист должен считать, что «весь предшествующий процесс [со времен падения Рима] имел две формации: феодальную формацию и капиталистическую формацию. Никакой новой, третьей, формации мы при всех наших усилиях не сможем найти, или мы станем на путь С.Дубровского»[1]. Нельзя не отметить в связи с этими замечаниями, что критикуемый и не искал некоей третьей *формации*, говоря лишь о непривычных для последовательного ленинца *способах производства*.

Однако даже при всей неразборчивости критиков в области терминологии ими были выявлены многие обстоятельства, делавшие концепцию С.Дубровского достаточно уязвимой. Так, М.Зоркий, цитируя положение С.Дубровского о том, что «в сравнении с феодальным строем крепостное хозяйство характеризуется и большим количеством создаваемого прибавочного продукта, и значительно возросшей денежностью, и относительной товарностью всего барщинного хозяйства»[2], справедливо указывает, что «С.Дубровский, сопоставляя с феодализмом свою новооткрытую формацию, с видимым удовольствием движется в мире количеств»[3]. С несколько иной стороны подошел Н.Майорский, заметивший, что автор «обосновывает различие между феодализмом и крепостничеством как двумя самостоятельными формациями на чисто пространственном моменте, на том, где производится прибавочный продукт, в хозяйстве барина или крестьянина»[4]. На прекрасно подобранном фактическом материале А.Малышев продемонстрировал, что «крепостные отношения в России не являются новой общественно-экономической формацией, а суть превращенная форма феодальных отношений»[5], и даже поддерживавший С.Дубровского А.Удальцов заявил, что не разделяет его позиций,

---

[1] Спорные вопросы методологии истории. Харьков, 1930. С.13.

[2] *Дубровский С.М.* Указ соч. С.85.

[3] Против механистических тенденций в исторической науке. М.-Л.,1930. С.86.

[4] Там же. С.102.

[5] Историк-марксист. 1930. Т. XVI. С.106.

«когда он выделяет крепостничество и феодализм в самостоятельные общественные формации»[1].

Таким образом, первая волна дискуссии ознаменовала отказ от рассмотрения крепостничества и феодализма как качественно различных явлений и тем самым отчасти способствовала формированию «пятичленной» формационной схемы. Однако оппоненты С.Дубровского оказались весьма уязвимы в терминологических вопросах. Этот этап дискуссии связан с анализом проблемы соотношения понятий формации, способа производства и уклада.

Большинство советских авторов этого периода так или иначе склонялось к тому, чтобы признать понятия общественной формации, способа производства и уклада общественной жизни если не в качестве синонимов, то, по крайней мере, в качестве терминов, равно применимых для анализа социальной динамики. Основой для такого подхода служили работы В.Ленина, который совершенно произвольно говорил то о феодальной формации, то о крепостнической, называл и феодализм, и крепостничество способами производства, а иногда и укладами. Особенно активно проповедовал идею идентичности формации и уклада на основе ленинских работ И.Минц, отмечавший, что В.Ленин называет «капитализм, то есть определенную социально-экономическую формацию, одновременно укладом общественной жизни. Крепостничество,.. которое В.Ленин не различал от феодализма, он также называет укладом общественной жизни, а никто не возражал против того, что феодализм является целой общественной формацией»[2], и сделавший вывод о том, что В.Ленин не различал «уклад общественной жизни от общественно-экономической формации»[3].

Между тем С.Дубровский на этом этапе дискуссии не только отмел обвинение в механицизме, связанное с выделением десяти общественных формаций, подчеркнув, что «именно потому, что многие путают понятия «формация» и «уклад», мне приписывают десять фор-

---

[1] Историк-марксист. Т. XVI. С.117.

[2] Против механистических тенденций в исторической науке. С.14.

[3] Там же. С.15.

маций там, где я пишу только об укладах»[1], но и привел своим оппонентам убийственный аргумент, процитировав положение В.Ленина о пяти укладах в российской экономике 1918 года, отметив, что данное положение никак не может предполагать тождества понятий уклада и общественно-экономической формации [2].

Итак, первая волна дискуссии, с одной стороны, продемонстрировала стремление советских авторов подвергнуть критике те теоретические построения, которые оказывались излишне сложными и вступали в противоречие с ленинскими трактовками, но, с другой стороны, в результате исследователи, пытаясь соединить ленинские положения с историческими реалиями, остались без сколь-либо определенной терминологической системы.

Поэтому наиболее принципиальной проблемой следующего этапа дискуссии стал вопрос о соотношении способа производства и общественной формации. Теоретики, собравшиеся с этой целью 17 и 24 мая 1930 года в стенах Коммунистической академии, не обладали, однако, ни достаточным умением вести обсуждения, ни хорошим знанием первоисточников.

Характер дебатов был весьма показателен. Например, А.Малышев, выступая против С.Дубровского, заявил: «С.Дубровский цитировал «Предисловие к критике политической экономии» К.Маркса, где говорится об *общественных формациях*: азиатской *формации*, античной, феодальной и капиталистической. Получилось интересное явление: азиатский *способ производства у К.Маркса имеется, а у С.Дубровского нет*» (курсив мой. — *В.И.*)[3]. Явление действительно интересное: мало того, что А.Малышев откровенно передергивает К.Маркса, который ничего не говорит о четырех *общественных формациях*, он к тому же извращает взгляды оппонента, рассматривавшего не формации, а *способы производства*.

Еще дальше А.Малышева в отождествлении способа производства и формации пошел А.Ефимов, по убеждению которого, «*формация*, или, что то же самое,

---

[1] Против механистических тенденций в исторической науке. С.218.

[2] См.: Там же. С.42.

[3] Историк-марксист. Т. XVI. С.104.

способ производства (курсив мой. — *В.И.*), это единство производственных отношений и производительных сил»[1]. Конкретизация и «обогащение» данного тезиса имели место в выступлении Л.Мадьяра, заявившего, что «способ производства у К.Маркса и общество — это то же самое: это совокупность всех производственных отношений»[2], оригинально сославшись при этом на классика, утверждавшего совершенно противоположное. Более того. Л.Мадьяр особенно бесцеремонно обошелся с известным отрывком из марксова Предисловия. Он перевел его следующим образом: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный способы производства могут быть установлены как прогрессивные эпохи экономической формации общества», и комментирует: «Здесь мы опять-таки видим, что К.Маркс различает четыре способа производства (правильно. — *В.И.*), то есть четыре общественных формации (?! — *В.И.*)... как прогрессивные эпохи экономической формации общества»[3]. В нескольких строках автор без всяких объяснений заменяет понятие способа производства на понятие формации, вновь возвращается к исходному состоянию и считает вполне логичным, что четыре «общественные формации» в совокупности конституируют одну «формацию общества». Так рождался исторический материализм в его советском варианте.

Выступление Л.Мадьяра, несмотря на всю его несуразность, было поддержано. И.Трахтенберг попытался на его основе сформулировать определение способа производства, отметив, что «способ производства — это та форма, в которой происходит реализация производительных сил. Самую основу тех исходных производственных отношений, которые оформляют производительные силы, делают их самими собой, проникают вовнутрь этих производительных сил, — эту основу и надо называть способом производства»[4]. Однако фак-

---

[1] Историк-марксист. Т. XVI. С.128.

[2] Там же. С.131.

[3] *Мадьяр Л.* Предисловие. // В кн.: *Кокин М., Папаян Г.* Цзин Тянь. Аграрный строй Древнего Китая. М.,1930. С.XXIII.

[4] Историк-марксист. Т. XVI. С.140.

тически тут же автор, понимая, что его утверждение идет явно вразрез с марксовыми представлениями, спешит оговориться, что «способ производства и формация — это понятия не совершенно идентичные».

Довольно примитивной оказалась также попытка определить способ производства и формацию, предпринятая А.Таксером в 1932 году. В своей нашумевшей тогда статье он дал два определения. «Способ производства, — писал он, — есть совокупность производственных отношений, определяемых характером и способом соединения рабочего и средств производства при данном уровне производительных сил, с соответствующими этим производственным отношениям надстройками»[1]. В данном случае автор не включает в способ производства производительные силы, но зато причисляет к нему отношения надстройки. Формация же, по его мнению (вот пример демагогии!), представляет собой «совокупность производственных отношений, выражающих определенный уровень развития производительных сил, с порожденной на этой основе определенной, специфической формой эксплуатации, с определенными антагонистическими классами и формой государства, с определенными политическими, юридическими и прочими порядками»[2]. Таким образом, к началу 30-х годов уже фактически сформировалось понимание идентичности (если не полной, то по крайней мере применительно к задачам периодизации общественного развития) понятий формации и способа производства.

Новая волна теоретической дискуссии относится к 1933 году, когда вышла в свет книга А.Пригожина «К.Маркс и проблема социально-экономических формаций» А.Пригожин заметно выделялся среди исследователей того времени относительно взвешенным подходом к проблеме соотношения способа производства и формации, отмечая, например, что «формация наследует остатки предыдущих способов производства, принявших, благодаря потере способом производства своего господствующего положения, характер уклада; формация выделяет затем новый способ производства,

[1] *Таксер А.* Проблема общественно-экономической формации. // Под знаменем марксизма. 1932. 1—2. С.186.

[2] Там же. С.190.

который в дальнейшем развитии станет господствующим способом производства, и таким образом формация сама в своем развитии превращается в уклад для будущей формации»[1]. Однако, несмотря на соответствующий вклад в совершенствование терминологии, А.Пригожин вслед за Н.Бухариным абстрагировался от движущих сил формации, рассматривая в качестве «основного противоречия формации... противоречие между господствующим способом производства и развивающимся в недрах той же формации способом производства, который станет господствующим в следующей формации, то есть появляется... противоречие именно внешнее»[2]. Это бездоказательное утверждение.

Как и многие авторы того времени, А.Пригожин неоправданно принижал роль противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Стремясь достичь «отчетливой, ясной постановки вопроса об основном противоречии каждого общества»[3], он явно увлекался рассмотрением противоречий, возникавших на отдельных этапах развития цивилизации. Так, например, акцентируя внимание на отсутствии разделения труда в период становления первобытно-общинного строя, А. Пригожин отрицает наличие в этих условиях противоречия между производительными силами и производственными отношениями и объясняет падение архаической общественной формации явлениями, внешними по отношению к ней. Таким образом, для него не существует источников саморазвития внутри отдельного способа производства начиная от первобытно-общинного и кончая капиталистическим.

Ошибки А. Пригожина, основанные на идеях вытеснения одного способа производства другим и борьбы между ними как движущей силы исторического прогресса, стимулировали развертывание дискуссии о харак-

---

[1] *Пригожин А.* Проблема общественных формаций. // Под знаменем марксизма. 1930. № 7—8. С.162.

[2] *Кинкулькин М.* Против извращений марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях. // Вестник Коммунистической академии. 1934. № 3. С.126.

[3] *Пригожин А.* К. Маркс и проблема социально-экономических формаций. М.-Л., 1933. С.92.

тере перехода от одного способа призводства к другому, однако у советских исследователей не возникло даже сомнений в тождественности понятий способа производства и общественной формации как терминов, обозначающих огромный исторический промежуток в общественном развитии.

Эти же ошибки, равно как и резкая критика подобных «механистических» позиций, привели к распространению представлений о смене способов производства как процессе, обусловленном в первую очередь противоречиями между производительными силами и производственными отношениями, но носящем фактически исключительно революционный характер. Так, В.Гарбузов отмечал, что «переход от одной общественно-экономической формации к другой есть коренное изменение всей системы производственных отношений, изменение соотношения классов и всей политической и правовой надстройки есть качественный революционный скачок, социальная революция. Эта социальная революция представляет собой борьбу за политическую власть, за новый способ производства, за новый тип производственных отношений, за господство новой формы собственности»[1]. В отличие от А.Пригожина, который рассматривал ход истории, отталкиваясь от анализа архаической общественной формации, и не видел в качестве источника ее развития ничего, кроме борьбы антагонистических и неантагонистических форм производственных отношений, его оппоненты, подчеркивавшие революционный характер перехода от одного способа производства к другому, исходили только из процесса смены капиталистического способа производства социалистическим (процесса, мягко говоря, далеко не завершенного в то время) и в некоторой степени из краха феодализма, распространяя подмеченные здесь закономерности на предшествующие исторические периоды.

Нельзя сказать, что в те годы полностью отсутствовали взвешенные оценки соотношения революционности и эволюционности в ходе общественного прогресса. Так, например, А.Кудрявцев неоднократно акцентировал

---

[1] *Гарбузов В.* Марксистско-ленинское учение об общественно-экономической формации.// К вопросу об общественно-экономических формациях. Харьков, 1940. С.12.

внимание на том, что в период разложения европейского феодализма можно наблюдать «процесс превращения количества в качество... Если учитывать всю сумму проявлений в области классовой борьбы (революции, международные войны), то можно увидеть процесс нарастания и все более широкого территориального охвата процесса разложения феодальных основ. Это еще феодальная формация, но это последняя ее фаза, которая характеризуется тем, что в эту именно пору не только феодально-замкнутая цеховая организация существовала, но что она довольно рано, я думаю — с XIII века, переживает процесс разложения»[1]. Однако, как правило, подобные положения дополнялись не отказом от рассмотрения буржуазной революции в качестве революции политического типа, как это сделано у К.Маркса, а стремлением выделить эпоху «торгового капитализма», которая «имеет два лица: одно, обращенное к прошлому, другое — обращенное к будущему. Дореволюционная Франция, — отмечает А.Ефимов, — показывает нам один из вариантов разложения феодального общества. После революции во Франции еще не промышленный капитализм, там продолжается эпоха торгового капитализма. В этот период происходит развитие машинного производства. Только к 30-м годам XIX века к власти во Франции окончательно приходит буржуазия и здесь оформляется капиталистическое общество»[2]. Предположение о возможности эволюционного перехода от одного способа производства к другому, однако, требовало распространения данного принципа и на иные социальные изменения. В результате оказывалось, что «если империализм — тоже особая формация по сравнению с капитализмом, а переход от капитализма к империализму не сопровождался, конечно, социальной революцией, то, значит, может быть переход без скачка от одной формации к другой; отсюда — правильный логический вывод, что возможен переход без скачка от капитализма к социализму»[3]. Абсурдность последнего предположения в то время казалась всем совершенно очевидной; таким образом, концепция революционного

---

[1] Спорные вопросы методологии истории. С.16.

[2] Историк-марксист. Т. XVI. С.131.

[3] *Таксер А.* Указ. соч. С.174.

характера перехода от одного способа производства к другому, абсолютизированная позднее И.Сталиным, становилась все более незыблемой.

Слабые попытки отказаться от рассмотрения буржуазной революции как социальной в марксовом смысле этого понятия, нашедшие, в частности, отражение в выступлениях Е.Преображенского, считавшего, что «буржуазные революции, начинающиеся после того, как капитализм проделал значительную работу по перестройке своей системы в области экономики,.. являются только эпизодом в процессе буржуазного развития, которое начинается задолго до нее и продолжается с большой быстротой и после нее»[1], были вскоре ликвидированы вместе с их авторами.

Отдавая дань характеристике общества как системы, находящейся в процессе постоянного развития, авторы того времени во все большей степени акцентировали внимание на дискретности данного процесса и значении революций как его движущей силы. «Общественная жизнь, — писал, например, Н.Бухарин, — испытывает, как и все в природе, непрерывное изменение. Так, человеческое общество переживает различные ступени, различные формы своего развития или своего упадка. Отсюда вытекает: ...нужно каждую такую форму общества понять и исследовать в ее многообразии. Это значит: нечего стричь под одну гребенку все эпохи, все времена, все общественные формы... Рабство — это одно. У него свои особые черты, особые признаки, особое развитие. Крепостничество — другой строй. Капитализм — третий, и так далее. А коммунизм — это будущий, тоже совсем особый строй. Переход к нему — эпоха пролетарской диктатуры — тоже особый строй»[2]. Подобным примитивным представлениям Н.Бухарина, широко распространившимся тогда среди советских исследователей, посвящено немало критических замечаний, сделанных К.Каутским в его «Материалистическом понимании истории». Но могла ли быть услышана критика К.Каутского в советской России и могла ли она

---

[1] *Преображенский Е.* Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства. М., 1926. С.88.

[2] *Бухарин Н.* Диалектический материализм. // Исторический материализм. М., 1927. С.72.

казаться тогда чем-либо иным, кроме как похвалой «последовательным марксистам» из Коммунистической академии?!

Итак, советские авторы, совершенно недостаточно знакомые с марксистской теорией и особенно методологией, вели дискуссию, в ходе которой элементы будущей советской обществоведческой доктрины выкристаллизовывались исключительно медленно. Сама эта полемика нередко шла на уровне голословных и демагогических обвинений и вряд ли могла способствовать выработке целостной социальной доктрины, учитывающей уроки первых лет «социалистического строительства». Конечно, в подобных условиях трудно было бы ожидать и воссоздания марксизма, и тем более адекватного применения теории к анализу проблем, вставших перед социологами в период начальных социалистических преобразований.

Завершение дискуссии. Позиция И. Сталина

К середине 30-х годов обсуждение проблем исторического материализма отнюдь не было закончено.

Создавалось впечатление, что советские последователи марксизма могли сколь угодно долго «совершенствовать» учение, с основами которого были знакомы весьма приблизительно. Споры приобрели довольно примитивный характер; в ход шли одни и те же цитаты из классиков, причем если общее количество цитат было невелико, то варианты их трактовок казались неисчерпаемыми. Только известное высказывание К. Маркса из Предисловия, в котором идет речь об азиатском, античном, феодальном и капиталистическом способах производства как этапах экономической общественной формации, переводилось и истолковывалось в ходе дискуссии восемнадцатью (!) различными приемами. Разумеется, ссылки на первоисточники в подобном контексте уже не способны были убедить оппонентов. Дискуссия все больше превращалась в дебаты между отдельными направлениями исследований, каждое из которых признавалось марксистским только его собственными представителями, а противниками рассматривалось как ревизионистское и оппортунистическое.

В итоге становилось очевидным, что с каждым новым шагом участники дискуссии уходили все дальше от возможности получить хоть какой-то удовлетворяющий всех результат, о единой же позиции не могло быть и речи. Дискуссия постепенно переродилась из обсуждения научных проблем в типично идеологическое противостояние, оставив в целом крайне неудовлетворительное впечаление. Выходом из сложившегося положения могло быть только вмешательство в идеологический спор представителей высшего партийного «истеблишмента».

Это вмешательство последовало со стороны И.Сталина, Генерального секретаря ЦК ВКП(б). Не будучи специалистом в философских и экономических проблемах, он, однако, наблюдал за ходом дискуссии и в значительной степени сознавал уязвимость позиций сторон, понимая, что каждое новое углубление в теоретические проблемы делает согласие в среде спорящих все менее вероятным. Отчасти поэтому, отчасти из-за неглубокого, по сути, видения проблемы, отчасти из-за необходимости консолидировать партию вокруг некоего понятного учения И.Сталин предпочел выступить в качестве сторонника наиболее простой и, разумеется, примитивизирующей не только марксовы, но и ленинские представления, схемы.

Первое серьезное выступление И.Сталина, в котором затрагивались соответствующие вопросы, состоялось в январе 1933 года на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников. Здесь он остановился на проблеме революционных переходов, заявив, что любая революция представляет собой столкновение основных классов определенного общества — античного, феодального или капиталистического. Было отмечено, что таковыми классами для античного общества являлись рабы и рабовладельцы, и потому «революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческий способ производства»[1], аналогичные положения были высказаны и относительно краха феодального и капиталистического строя. Еще раньше И.Сталин отличал пролетарскую революцию от буржуазной, обращая внимание на то, что «буржуазная революция ограничивается заменой у власти одной эксплуататорской группы

[1] *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. С.239.

другой эксплуататорской группой, ввиду чего она не нуждается в сломе старой государственной машины, тогда как пролетарская революция снимает с власти все и всякие эксплуататорские классы и ставит у власти вождя всех трудящихся и эксплуатируемых, класс пролетариев, ввиду чего он не может обойтись без слома старой государственной машины и замены ее новой»[1]. Теперь же он говорит о том, что все прошлые революционные изменения отличались от социалистической революции тем, что «все они были однобокими революциями. Сменялась одна форма эксплуатации трудящихся другой формой, но сама эксплуатация оставалась. Сменялись одни эксплуататоры и угнетатели другими, но сами эксплуататоры и угнетатели оставались. Только Октябрьская революция, — заключал вождь, — поставила целью уничтожить всякую эксплуатацию и ликвидировать всех и всяких эксплуататоров и угнетателей»[2].

Несмотря на то, что положение о различиях между буржуазной и коммунистической революциями в связи с проблемой государственной структуры очень близко идеям В.Ленина, а тезис о противопоставлении пролетарской революции всем предшествующим революционным изменениям во многом напоминает высказывания на сей счет Ф. Энгельса, общая направленность сталинской теории, разумеется, не имеет ничего общего с марксовым пониманием хода развития экономической общественной формации.

Однако следует признать, что идея о «революции рабов» не была изобретена И.Сталиным; напротив, она позаимствована им из работ участников упомянутой дискуссии. Так, еще в 1930 году Л.Мадьяр, приведя в качестве серьезного аргумента баснословные цифры о количестве рабов в античном мире, почерпнутые из произведений Ф. Энгельса, прямо заявил, что ни одно противоречие не имело такого серьезного значения для развития античного способа производства, как противоречие между рабами и рабовладельцами[3]. Тезис о революции рабов также не был новым; например, Л.Раков,

---

[1] *Сталин И.В.* Соч. Т. 8. С.21—22.

[2] Там же. Т. 13. С.239.

[3] См.: *Мадьяр Л.* Указ. соч. С.XLIV—XLV.

характеризуя роль борьбы рабов с рабовладельцами, писал: «Эта революционная борьба, ломавшая старые общественные отношения, выросшие на основе рабства, ставящего тесные пределы производительности общественного труда, закрывала возможность развития труда свободных самостоятельных производителей, то есть исключала возможность развития самостоятельных свободных производителей как товаропроизводителей, разрешала противоречие античного общества, вела к вызреванию новых отношений»[1]. Таким образом, понятие революции рабов было почерпнуто И.Сталиным из обсуждения проблем исторического материализма и использовано скорее всего для того, чтобы сблизить причины перехода от одной формации к другой и сделать формационный ряд более простым и последовательным. Нужно отметить также, что это положение серьезным образом примитивизирующее марксово видение проблемы, позднее не повторялось И.Сталиным в столь жесткой форме.

В речи И.Сталина не упомянуты ни азиатский способ производства, ни крепостничество, ни торговый капитализм. Уловив акценты, расставленные в ходе дискуссии, и оценив аргументацию сторон, он пришел к выводу о необходимости ограничить число общественных формаций пятью: первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической. Эта схема и вошла затем в советские учебники по историческому материализму. При этом И.Сталин стремился избежать той прямолинейной идентификации способа производства и формации (даже в хронологическом аспекте), которая высказывалась рядом участников дискуссии и была подвергнута в процессе ее обоснованной критике. Так, он называл социализм способом производства, а не первой фазой коммунистического способа производства, как это было принято в сложившейся советской традиции, и допускал, следовательно, существование нескольких способов производства в рамках одной общественной формации.

---

[1] *Раков Л.Л.* К проблеме разложения рабовладельческой формации. // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 66. М.,1933. С.24.

В итоге предложенная И.Сталиным «пятичленка» стала фактически единственно возможным выходом из дискуссии 1929— 1934 годов. Безнадежно ломая марксову теоретическую схему, данная концепция была вполне близка ленинским взглядам, тоже базировавшимся на признании пяти общественно-экономических формаций (хотя В.Ленин никогда не говорил о «революции рабов», сознавая степень несоответствия подобного утверждения исторической реальности).

Сформулированная накануне наиболее драматических событий в жизни страны и партии, сталинская концепция распространялась по мере усиления позиций ее автора в руководстве государством. В условиях «обостряющейся классовой борьбы» сторонники взглядов Н.Бухарина и Е.Преображенского, приверженцы тех направлений, которые были обозначены в дискуссии как «механицисты» или «эволюционисты», не могли надеяться на признание своей правоты. Выдвинутая И.Сталиным доктрина была провозглашена единственно правильной, однако до поры до времени не получала более или менее завершенного изложения.

В 1938 году И.Сталин решил подвести итоги дискуссии в своей знаменитой работе «О диалектическом и историческом материализме», где очень сжато изложил свою точку зрения на проблемы исторического прогресса. Была дана краткая характеристика каждого из пяти основных способов производства, начиная с первобытно-общинного: «При первобытно-общинном строе, — писал И.Сталин, — основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства. Это в основном соответствует характеру производительных сил в этот период... орудия... исключали возможность борьбы с силами природы... в одиночку... Общий труд ведет к общей собственности на средства производства, равно как и на продукты производства. Здесь не имеют еще понятия о частной собственности на средства производства, если не считать личной собственности на некоторые орудия производства, являющиеся вместе с тем и орудиями защиты от хищных зверей. Здесь нет эксплуатации, нет классов«[1]. В соответст-

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.,1938. С.119.

вующей последовательности далее описываются «пять известных истории основных типов производственных отношений: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и социалистический»[1]. О коммунизме как общественной формации или способе производства ничего не говорится.

В этой же работе И.Сталин высказывает целый ряд положений о характере и движущих силах развития общества, положений, которые в большинстве своем были усвоены советским обществоведением фактически без всякой модификации. В первую очередь он отмечает, что общество следует рассматривать как постоянно развивающийся организм. Движение его должно оценивать с точки зрения развития его классовой структуры, причем «надо ориентироваться не на те слои общества, которые не развиваются больше, хотя и представляют в данный момент преобладающую силу, а на те слои, которые развиваются, имеют будущность, хотя и не представляют в данный момент преобладающей силы»[2].

И.Сталин формулирует в своей работе все базовые определения исторического материализма в его советской версии, причем по сравнению с участниками дискуссии 30-х годов делает это довольно удачно. Согласно И.Сталину, и это положение явно приведено в полемике со сторонниками Н.Бухарина, «орудия производства, при помощи которых производятся материальные блага, и люди, приводящие в движение орудия производства и осуществляющие производство материальных благ благодаря известному производственному опыту и навыкам к труду, — эти элементы вместе составляют производительные силы общества»[3]. Знаменательно, что акцент сделан не на вещных условиях производства, как это зачастую предпринималось в 20-е годы, а на людях как главной производительной силе общества. «Но, — отмечает И.Сталин, — производительные силы составляют лишь одну сторону производства. Другую сторону производства, другую сторону способа производства составляют отношения людей друг

---

[1] *Сталин И.В.* О диалектическом и историческом материализме. М.,1954. С.25.

[2] Там же. С.9.

[3] Там же. С.20.

к другу в процессе производства, то есть производственные отношения людей... Какой бы характер ни носили производственные отношения, — продолжает он, — они составляют — всегда и при всех строях, — такой же необходимый элемент производства, как и производительные силы общества. Следовательно, производство, способ производства охватывает как производительные силы общества, так и производственные отношения людей, являясь, таким образом, воплощением их единства в процессе производства материальных благ»[1].

В сложившейся ситуации нельзя было обойти вниманием и проблему взаимодействия производительных сил и производственных отношений. Позволим себе привести довольно большой отрывок, содержащий изложение взглядов И.Сталина на этот вопрос. «Производительные силы, — писал он, — являются наиболее подвижным и революционным элементом производства. Сначала изменяются производительные силы, а потом, в зависимости от этих изменений и соответственно с ними — изменяются производственные отношения людей... При этом необходимо отметить, что производственные отношения не могут слишком долго отставать от роста производительных сил и находиться с ними в противоречии, так как производительные силы могут развиваться в полной мере только в том случае, если производственные отношения соответствуют характеру, состоянию производительных сил и дают простор развитию производительных сил. Поэтому, как бы ни отставали производственные отношения от производительных сил, они должны — рано или поздно — прийти в соответствие — и действительно приходят в соответствие — с уровнем развития производительных сил, с характером производительных сил»[2]. Хотя положение И.Сталина о том, что производственные отношения развиваются «в соответствии» с производительными силами, вряд ли имеет ту же природу, что и тезис К.Маркса, гласящий, что любое изменение в производительных силах людей влечет за собой и изменение в их производственных отношениях, тем не менее данный

---

[1] *Сталин И.В.* О диалектическом и историческом материализме. С.21.

[2] Там же. С.23.

момент обладает большой значимостью, поскольку в результате дискуссии стало утверждаться механистическое положение о том, что производственные отношения меняются лишь скачкообразно, тогда как производительные силы эволюционируют постоянно. Это же обстоятельство акцентировалось И.Сталиным и тогда, когда он писал, что исторические законы прокладывают себе путь помимо воли и сознания людей. Рассматривая данное обстоятельство, он подчеркивал преемственность в общественном развитии, проявляющуюся, между прочим, и в том, что «возникновение новых производительных сил и соответствующих им производственных отношений происходит не отдельно от старого строя, не после исчезновения старого строя, а в недрах старого строя»[1]. Признание этого также было направлено против теоретиков, которые стремились каждую, пусть незначительно отличающуюся от предшествующей и последующей историческую эпоху занести в разряд самостоятельных способов производства.

Несколько позднее И.Сталин обратился к вопросам, связанным с взаимодействием базиса и надстройки — двух структурных элементов общественных отношений. И хотя определение базиса не было дано им прямо, существует ряд высказываний, позволяющих предположить, что под таковым он понимал производственные отношения соответствующего общества. Надстройка же, представляющая собой комплекс политических и иных отношений, «не связана непосредственно с производством, с производственной деятельностью человека. Она связана с производством лишь косвенно, через посредство базиса. Поэтому надстройка отражает изменения в уровне развития производительных сил не сразу и не прямо, а после изменений в базисе, через преломление изменений в производстве в изменениях в базисе»[2]. Анализируя взаимодействие базиса и надстройки, И.Сталин отводит последней в целом пассивную роль. Несмотря на высказывавшиеся им положения о значении слома старой государственной машины при

[1] *Сталин И.В.* О диалектическом и историческом материализме. С.31.

[2] *Сталин И.В.* Марксизм и вопросы языкознания. М.,1950. С.21.

переходе к социализму, что неизбежно связано с превентивными по отношению к базису преобразованиями в надстройке, он пишет: «Надстройка есть продукт одной эпохи, в течение которой живет и действует данный экономический базис. Поэтому надстройка... ликвидируется и исчезает с ликвидацией и исчезновением данного базиса»[1]. Подобное отношение существенным образом противоречит марксовым идеям об активной роли надстройки и о том, что таковая может стать и становится одной из сторон весьма важного противоречия, обусловливающего революции политического типа.

Таковы основные положения, выдвинутые И.Сталиным в рамках теории исторического материализма. Последняя из значительных его работ — «Экономические проблемы социализма в СССР» — вышла в свет в 1952 году и была посвящена проблемам в большей мере экономическим, нежели философским. В течение нескольких десятков лет общественная мысль Советского Союза была ограничена рамками сталинских теоретических построений, представлявших собой наиболее примитивное и схематическое изложение основ марксизма в его ленинской интерпретации. Начиная с 60-х годов в СССР появились первые признаки возрождения подлинно марксистской традиции, однако это движение не получило значительного распространения. Основные положения теории исторического материализма оставались неизменными со сталинских времен, а тексты родоначальников марксизма фактически игнорировались. Результатом стала полная несовместимость советских теоретических схем и реальных путей развития цивилизации, что наряду с крайне низкой эффективностью социалистического типа производства вызвало крах коммунистических режимов в конце 80-х — начале 90-х годов.

Таким образом, марксистская теория в России и Советском Союзе проделала одновременно трагический и фарсовый путь, поднявшись от одной из воспринимавшихся либеральной интеллигенцией и представителями социал-демократического движения социальных теорий до идеологии, господствовавшей на огром-

[1] *Сталин И.В.* Марксизм и вопросы языкознания. М.,1950. С.17.

ных пространствах и на протяжении семидесяти лет определявшей глобальные мировые процессы. В то же время теория полностью утратила свои научные черты, как это случается с любым учением, ставшим идеологией.

Марксизм в его русском исполнении прошел две фазы своей деградации. На первой из них, которая связывается с именем В.Ленина, стоял вопрос о том, привлечет ли данная теория достаточное число сторонников и можно ли на ее основе организовать силу, способную поколебать фундамент существующего строя. Очевидно, что модификации теории, призванные вдохнуть ее в народные массы, были в известной степени ограниченны, поскольку излишне примитивизированная концепция не в состоянии была объяснить социальные процессы лучше, чем это делали ее оппоненты. Вот почему считалось, что на данном этапе марксова концепция хоть и была упрощена, но еще могла быть усовершенствована и развита; предпринимались попытки толковать с ее позиций новые социальные явления, такие, как империализм, или спрогнозировать ход исторического прогресса, как это сделал В.Ленин в вопросе о победе социалистической революции в отдельно взятой стране.

После победы революции, когда попытались систематизировать те теоретические положения, под знаменами которых большевики пришли к власти, выяснилось, что не только массы не усвоили их, но и идеологи большевизма не имеют сколь-либо адекватных представлений об основах своей социологической концепции. Возникшая в 1929 году дискуссия по фундаментальным проблемам исторического материализма привела лишь к взаимному дистанцированию сторон, после чего допущенная степень вульгаризации теории не оставляла уже надежд на ее естественное возрождение.

Следующим этапом было решительное вмешательство в ход дискуссии И.Сталина. Это происходило на фоне серьезнейшей внутренней борьбы в партии, во главе которой к концу 30-х годов оказались люди, отнюдь не способные проявить элементы самостоятельного недогматического мышления. Теория победившего пролетариата окончательно отказалась от претензий на то, чтобы быть живым развивающимся учением, предпочтя застыть в наборе легко усваиваемых формулиро-

вок, при этом окруженная прочными заслонами, препятствовавшими любым попыткам усовершенствовать священные догматы.

Между тем, несмотря на огромные перемены, которые произошли в течение XX века, потенциал собственно марксистской теории не был исчерпан. Предложенная К.Марксом и Ф.Энгельсом методология выделения в истории цивилизации трех значительных периодов, их диалектический, по сути эволюционный подход к оценке социальных изменений и их причин остались в основном невостребованными, хотя и могли серьезно способствовать процессу осмысления новых общественных явлений.

Были предприняты попытки усовершенствовать марксизм, соединив его с элементами концепций европейской социал-демократии, возникли течения, проповедующие рыночный социализм, оформилась идеология еврокоммунизма. Однако в большинстве своем они ориентировались на необходимость примирения марксизма (главным образом в ленинской или даже более поздних советских интерпретациях) с новой реальностью, в результате чего уже упрощенная и вульгаризированная теория соединялась с новыми элементами, носившими преимущественно поверхностный характер.

Более пристального внимания заслуживают возникшие во второй половине нынешнего столетия концепции исторического прогресса, объективно сходные по своей методологической основе с марксовыми представлениями. Это относится, в частности, к теории постиндустриального общества, авторы которой отмечают в истории цивилизации три большие эпохи, причем третью из них считают наделенной многими признаками третичной общественной формации, а саму историю человеческого общества трактуют с позиций эволюционного развития производительных сил и следования за ними отношений производства и форм общения.

Однако, и это хотелось бы подчеркнуть особо, марксовы представления об историческом прогрессе, очищенные от последующих наслоений и упрощений, способны и сегодня вполне адекватно описать современное состояние цивилизации, показать направления ее развития и движущие силы общественного прогресса. Продемонстрировать это и является нашей задачей.

Глава четвертая

ПОСТЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ФОРМАЦИЯ: ГРАНИЦЫ ПОНЯТИЯ И ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ

Логическое место понятия постэкономической общественной формации

Итак, советская схема исторического прогресса, методология которой базировалась на концепции пяти «общественно-экономических» формаций, существенно отличается от марксовой теоретической концепции. Предложенная еще во времена И.Сталина, эта схема была обречена на неспособность преодолеть целый ряд важных методологических противоречий, заключавшихся внутри нее самой, не говоря уже о том, что развитие цивилизации на протяжении всего XX века постоянно опровергало ее основные положения.

Марксистская методология исследования исторического процесса, и это было рассмотрено нами ранее, предполагала деление истории на три больших периода, вычленение которых осуществлялось на базе одних и тех же принципов, в результате чего противопоставление эпох друг другу было в высокой степени *адекватным*. В этой системе коммунистическая, или третичная, общественная формация рассматривалась как отрицание вторичной, или экономической, общественной формации, то есть как отрицание всей эпохи, основанной на господстве материальных интересов над всеми прочими сферами человеческой жизнедеятельности, на неравенстве, борьбе классов и приоритете экономических закономерностей, понимаемых в широком смысле слова. Одновременно в рамках данной концепции коммунисти-

ческая формация была проанализирована как пример диалектического снятия закономерностей давно ушедшей эпохи — формации архаической, или первичной. Таким образом, оказывалась вполне завершенной та диалектическая триада, в виде которой К.Маркс как последователь гегелевской философии представлял себе развитие любого целостного объекта.

В советской же науке в силу *догматического толкования* теории марксизма (причем первые примитивные трактовки, ставшие впоследствии основой подобных догматов, восходили, как мы показали, к В.Ленину — незыблемому авторитету коммунистов) превалировало представление о развитии цивилизации через пять «общественно-экономических» формаций. Наиболее однозначное и прямолинейное выражение данная концепция получила в работах И.Сталина, но начиная с 60-х годов и до крушения коммунистической системы, по мере относительной либерализации обществоведческой науки и все более глубокого знакомства исследователей с произведениями К.Маркса и Ф.Энгельса, наметился процесс возврата к основам марксовой теории, однако в начале 90-х годов он был прерван устранением коммунистической доктрины от идеологического доминирования.

Между тем К.Марксом и Ф.Энгельсом на примере исследования перехода от первичной общественной формации к вторичной было убедительно показано, что с момента достижения одной общественной формацией своего *зрелого состояния* содержанием исторического процесса становится *кристаллизация основных закономерностей* более высокой общественной формации и в конечном счете переход от одной формации к другой, более совершенной. Именно это и отмечали основоположники марксизма, когда говорили о переходе от вторичной формации к третичной: «Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразовываться действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние [капиталистический способ производства. — *В.И.*]»[1]. Поэтому в полном соответствии с методологическими

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С.69.

принципами марксистского учения можно предположить, что с момента достижения капиталистическим способом производства полной зрелости (а это означает, что и экономическая общественная формация поднимается в этот период к пику своего развития) прогресс общества заключается в переходе к некоей новой, более высокой формации, называть которую коммунистической мы не будем прежде всего из-за дискредитированности самого понятия.

Однако мы помним, что переход от архаической общественной формации к экономической К.Маркс рассматривал на примере «Западной Европы, древней и современной», отводя этому процессу не одно столетие. И сейчас, несмотря на ускорение социального прогресса, свойственное последним векам, вряд ли можно утверждать, что становление новой общности займет менее двух-трех столетий. Развитие же на протяжении столь длительного промежутка времени безусловно является по преимуществу эволюционным и хотя и опосредуется, как правило, рядом революционных потрясений, целиком из них состоять не может.

Итак, *логика марксова исследования*, блестяще подтвержденная на примере перехода человечества от первичной общественной формации к вторичной, *показывает, что единственно возможным вариантом описания современной нам исторической эпохи является рассмотрение ее в качестве периода становления основ третичной общественной формации, причем процесс такого становления выступает оборотной стороной процесса постепенного, эволюционного преодоления черт предшествующей, экономической, общественной формации.* Современная эпоха не может противопоставляться ни одной из первых четырех «общественно-экономических» формаций советской схемы, но может противопоставляться только всей экономической общественной формации как целому. Теоретическая последовательность требует рассмотрения этой новой общественной формации в качестве единого отрезка исторического времени, противопоставленного двум предшествующим отрезкам.

С другой стороны, реальные события XX века показали, что советская трактовка, изображавшая западные общества капиталистическими и предполагавшая, что они могут быть описаны как примеры империалистичес-

кой стадии капитализма, не выдерживает проверки историческим опытом. Начиная с 60-х годов, когда экономические и социальные успехи стран Запада стали очевидными, а развитие государств восточного блока все более и более замедлялось, советские исследователи оказались вынужденными искать объяснение подобной ситуации.

Эти поиски были ограничены идеологическими рамками, за которые исследователям трудно было выйти. Считая в равной степени марксистскими положения, выдвинутые К.Марксом и В.Лениным, советские ученые не могли предположить ни наличия новой, более высокой по отношению к империализму стадии в пределах капиталистического способа производства, ни тем паче более высокого, нежели капиталистический, способа производства внутри экономической общественной формации. Поэтому единственным выходом оставались рассуждения о ряде фаз империализма, или о периодах «общего кризиса капиталистической системы».

Уже в последние годы коммунистического режима наметилось стремление выйти из данного противоречия на путях кардинальной ревизии как марксовых, так и ленинских принципов. В 1988 году В.Медведев, тогда секретарь ЦК КПСС, в своей статье в журнале «Коммунист»[1] попытался изобразить современные западные общества (признавая при этом их империалистическую суть) в качестве наиболее адекватного проявления принципов капиталистического способа производства, одновременно отбросив как марксово положение о том, что именно период свободной конкуренции полнее всего отражает принципы функционирования капиталистической системы, так и идею В.Ленина об империализме как загнивающем и умирающем капитализме.

Между тем мы полагаем возможным интерпретировать историю второй половины XX века существенно иначе, причем не отказываясь ни от одного из отвергнутых партийным идеологом тезисов[2]. Империа-

---

[1] См.: *Медведев В.* Великий Октябрь и современный мир. // «Коммунист». 1988. № 2.

[2] Подробнее см.: *Иноземцев В.Л.* Специфика современной стадии развития капитализма. // Некоторые проблемы исследования современного капитализма. М.,1989. Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 40078. С.19—51.

лизм действительно следует признать реальностью начала века, явлением, предельно обострившим все противоречия капитализма, периодом, непосредственно предшествующим его краху. Однако именно примитивное толкование марксовой теории, непонимание многовариантности развития, приверженность доктрине пяти последовательно сменяющих друг друга «общественно-экономических» формаций привели В.Ленина к идее о том, что «объективный ход развития таков, что от *монополий*... вперед идти *нельзя*, не идя к социализму...»[1]. Этот тезис, на наш взгляд, совершенно не очевиден, и правильнее было бы интерпретировать события середины XX века следующим образом.

В начале столетия при тотальном господстве капиталистического способа производства обозначаются черты его загнивания и распада, то есть открывается путь становления более высокой, нежели экономическая, общественной формации. Однако, как мы помним, переход от первичной общественной формации к вторичной, равно как и процессы классообразования в тот период, протекали, согласно теории марксизма, и в революционной (европейский путь), и в эволюционной (азиатский путь) форме. Соответственно и переход к формации более высокой может осуществляться двумя путями: преимущественно эволюционным и преимущественно революционным[2]. Революционный путь развития характерен для стран, где капиталистические противоречия развились в формах, не предполагающих их естественного преодоления (то есть, как правило, оказались смешанными с целым рядом внесистемных противоречий и отягощенными внешними обстоятельствами). Эволюционным путем пошли страны, где становление капиталистического способа производства было медленным, но основательным. Именно таким образом с 1917 года в мире возник способ производства (назовем его по традиции социалистическим), более тяготеющий к новой формации, нежели к старой, и являющийся примером революционного преобразования последней.

---

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С.192.

[2] Подробнее см.: *Иноземцев В.Л.* Альтернативность общественного развития. // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 1991. № 2. С.3—10.

Одновременно продолжал существовать капиталистический способ производства, который перед второй мировой войной обнаруживал меньшие способности к совершенствованию, чем социализм. Однако эволюционное развитие западных обществ привело в начале 60-х годов к замене капиталистического способа производства более высоким, относительно условно названным нами посткапиталистическим[1]. С этого момента «соревнование» социализма, ориентированного прежде всего на изменения в распределительных отношениях, и посткапитализма, добившегося качественных сдвигов в развитии производительных сил, складывалось не в пользу социализма, что и стало причиной его идеологического поражения в начале 90-х годов. В общем и целом же новый способ производства, сменивший на Западе традиционный капитализм, стал первым в цепи форм производства, следующих за высшей точкой экономической формации — капитализмом, и тем самым оказался первым способом производства, опосредующим становление новой, третичной, общественной формации, причем становление *эволюционным* образом.

Следовательно, идея новой общественной формации может быть обоснована не только с точки зрения методологии адекватных исторических построений, но и как результат анализа реальных социальных сдвигов XX века.

Называя *новую общественную формацию постэкономической*, мы стремимся *не столько уйти от названия «коммунистическая»*, распространенного в марксистской традиции, но серьезно себя дискредитировавшего, *сколько подчеркнуть, что новая формация на сей день не представляет собой ставшего целого, не является чем-то завершенным и поэтому с большим основанием может быть охарактеризована как отрицающая ранее сложившиеся закономерности, нежели утверждающая новые законы и отношения.* Говоря о постэкономической общественной формации, мы имеем в виду в первую очередь именно «движение, которое уничтожает современное состояние».

Нельзя не отметить, что по мере дискредитации марксистского учения его советскими последователями

---

[1] См.: *Иноземцев В.* Капитализм, социализм или постиндустриальные общества? // «Коммунист». 1991. № 4. С.32—40.

и по мере развития в недрах западных обществ ранее не знакомых этим социумам отношений стала прокладывать себе дорогу концепция, весьма близкая по своим внешним формам и некоторым методологическим принципам марксовой теории истории, хотя и отличающаяся от нее по целому ряду существенных моментов.

Мы имеем в виду теорию постиндустриального общества, возникшую в начале 60-х годов, когда страны Запада стали выходить за пределы экономической общественной формации и начала складываться новая парадигма технократического и социального мышления. Именно в этот период технологический прогресс привел к ощутимым изменениям в жизни общества, основательно модифицировал социальные отношения, вызвал новые массовые потребности, породив вместе с тем и средства их удовлетворения. Новые условия потребовали отказаться от развития унифицированных производства и потребления, серьезно разнообразили возможности проявления человеческой индивидуальности, определили гигантские сдвиги в структуре рабочей силы, обусловили ее переток из материального производства в сферу услуг и информации. Подобные изменения не могли не найти отражения в западной социологической доктрине, что привело к появлению ряда гипотез, объясняющих безвозвратную утрату прежнего видения мира.

Теоретики постиндустриального общества базировали свою методологию на выделении трех основных эпох человеческой истории, что сближает их теорию с марксистской и ставит ее в ряд относительно адекватных систем исторической периодизации. Апеллируя к технологическим основам производства, сторонники данной концепции рассматривают в качестве указанных исторических эпох *аграрную, индустриальную и постиндустриальную*. Подобные фазы, разумеется, не тождественны общественным формациям, проанализированным родоначальниками марксизма, однако это не означает, что между ними нет определенных черт сходства.

Например, Р.Арон указывает, что индустриальный строй представляет собой «такой тип социума, который открывает новую эру в человеческом развитии», приходя на смену аграрным обществам, и при этом «легко дать абстрактное определение каждого типа общества, но трудно обнаружить его конкретные пределы и выяснить, является то или иное сообщество архаическим или ин-

дустриальным»[1]. Автор, таким образом, противопоставляет индустриальную цивилизацию аграрной, подчеркивая при этом невозможность выявить четкую хронологическую границу между ними. Фактически то же самое мы видели и у К.Маркса при его анализе земледельческой общины как грани между архаической и экономической общественными формациями[2], когда он признает возможность сосуществования архаических и экономических форм и отмечает, что исторический переход от первой к второй может продолжаться столетиями.

Три стадии развития цивилизации — аграрная, индустриальная и постиндустриальная — подробно рассмотрены Д.Беллом, классиком постиндустриальной теории. Сравнение указанных обществ, черты которых мы не будем здесь подробно излагать, осуществляется им по целому ряду направлений: типу взаимоотношений между человеком и природой, характеру труда в соответствующем обществе, механизму мотивации человеческой деятельности, техническому уровню производства и источникам энергии, на основе которых ведется производственный процесс[3]. В отличие от марксова подхода важный акцент в данном случае перенесен на технические условия производства в том или ином социуме. Однако такой подход изначально нацелен на исследование тех сторон общественной жизни, которые характеризуются постоянным поступательным развитием. И если в созданной основоположниками марксизма концепции общественные формации и способы производства, ориентированные в первую очередь на *изменяющиеся, мобильные* черты общества, так или иначе исторически следуют друг за другом, то видение истории с позиций постиндустриальной теории оказывается существенно иным. По мнению Д.Белла, «постиндустриальное общество не может заместить (displace) индустриальное и даже аграрное... оно только добавляет к ним новое измерение»[4], оно

---

[1] *Aron R.* The Industrial Society. Three Lectures on Ideology and Development. N.-Y.—Wash.,1967. P.97.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С.404, 419.

[3] См.: *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. N.-Y., 1978. P.146.

[4] Ibid. P.198, note.

есть «совокупность новых принципов социально-экономической организации и новый тип жизни, приходящий взамен индустриальной системы так же, как она пришла на смену аграрной... Это не должно означать прекращения производства материальных благ. Постиндустриальные тенденции не замещают предшествующие общественные формы как «стадии» социальной эволюции. Они часто сосуществуют, углубляя комплексность общества и природу социальной структуры»[1]. Данный подход представляется весьма плодотворным, ибо предполагает как преемственность исторического развития, так и его многовариантность и многоукладность. В сегодняшних условиях данная антидогматическая методология кажется весьма приемлемой, особенно в свете постигшей коммунистические режимы неудачи в построении социума в соответствии с заранее созданной, априорной схемой.

Элемент сходства постиндустриальных представлений и марксистской концепции заключается и в том, что сторонники постиндустриализма, как и К.Маркс, обозначают эпохи перехода от аграрного общества к индустриальному и от последнего к постиндустриальному в качестве социальных революций. Как и классики марксизма, они в первую очередь обращают внимание на значимость той из них, которая отделяет индустриальный социум от общества будущего; при этом утверждение, что подобный переход является наиболее значительной социальной революцией из всех, когда-либо переживавшихся человечеством[2], непосредственно связывается с тем, что природа наступающего общества основана на максимально полном развитии всех способностей человека — и как производителя, и как потребителя. Значение революции, заменяющей индустриальное общество на постиндустриальное, отмечено большинством теоретиков постиндустриализма[3].

Именно исследователи постиндустриального общества предложили термин, широко применяемый нами для

---

[1] *Bell D.* The Third Technological Revolution and Its Possible Socio-Economic Consequences. // Dissent. Vol. XXXVI. № 2. Spring 1989. P.167.

[2] См.: *Servan-Schreiber J.J.* Le defi mondiale. P.,1980. P.374.

[3] См.: *Kahn H., Brown W., Martell L.* The Next 200 Years. A Scenario for America and the World. N.-Y.,1976. P.22.

обозначения современной эпохи, хотя, разумеется, в данное понятие ими вкладывался несколько иной смысл и оно выступало скорее как дополнительный термин, нежели основа их теоретической системы. Так, Д.Белл, анализируя проблему перехода к более высокой стадии общественной эволюции, утверждает, что в ходе соответствующих социальных изменений возникает общество, которое может быть характеризовано не только как постиндустриальное, но и как постэкономическое[1]. Несмотря на то, что идея становления постэкономического общества всего лишь одна из сторон постиндустриальной концепции, в нее вкладывается смысл, весьма сходный с тем, какой придаем мы данному понятию.

Сторонники постиндустриальной школы акцентируют внимание не столько на «коммунистических» изменениях, связывая с ними формирование постэкономической системы, сколько на новых сторонах хозяйственной жизни, выходящих за рамки сферы производства материальных благ. При этом Д.Белл и часть его последователей, чьи взгляды складывались начиная с конца 50-х годов, считают, что постиндустриальное общество основано на производстве услуг[2], тогда как представители более поздних течений склоняются к высокой оценке роли информационного сектора[3]. Но, по мнению и тех, и других, подобное положение свойственно последним десятилетиям. Подчеркивая отличия нового социума от предшествующих форм общества, Д.Белл соглашается с К.Марксом в том, что при индустриальном строе капитал служит главным фактором экономического развития, но делает это только для того, чтобы оттенить значение, приобретаемое сегодня знаниями и технологией[4].

Основанность нового общества на «высоких» технологиях обеспечивает превалирование невоспроизво-

---

[1] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.-Y., 1973. P.54, note.

[2] См.: Ibid. P.127.

[3] См.: *Naisbitt J.* Megatrends. The New Directions, Transforming Our Lives. N.-Y., 1984. P.8.

[4] См.: *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. P.198, note.

димых и уникальных благ, продуктов высокоиндивидуализированного производства. Идеи К.Маркса о всестороннем развитии личности наполняются в данном случае конкретным содержанием: с одной стороны, человек самореализуется в деятельности на своем рабочем месте, где он оказывается все меньше скованным разного рода предписаниями, с другой же стороны, предоставление индивидуализированных и уникальных благ «таит в себе самое существенное, а именно то, как и в качестве чего человек создает свой мир, в котором он осознает самого себя, свое бытие, трансцендентность и свою сущность»[1]. Анализ современных форм производства занимает, таким образом, одно из важнейших мест в теории постиндустриализма в отличие от работ советских авторов последних десятилетий; отсюда вытекают многие преимущества данной концепции.

Одно из них связано с инкорпорированностью в постиндустриальную теорию концепции изменения характера человеческой деятельности, совершенно чуждой советскому марксизму. Отмечая, что в новом социуме значительная часть людей получает возможность выбирать занятия на основе своих индивидуальных предпочтений[2] и при этом реализовывать на рабочем месте стремление к самовыражению и самосовершенствованию[3], многие западные авторы указывают, что традиционные формы трудовой деятельности фактически вытеснены более высоким типом активности[4]. Именно в этом нам видится важнейший шаг, сделанный сторонниками теории постиндустриального общества по сравнению с марксовой экономической парадигмой, причем шаг этот сделан в русле общего направления исследований К.Маркса и отчасти прео-

---

[1] *Ясперс К.* Современная техника. // Новая технократическая волна на Западе. М.,1986. С.131.

[2] См.: *Argyle M.* The Social Psychology of Work. N.-Y.,1972. P.259.

[3] См.: *Best F.* Technology and the Changing World of Work. // The Futurist. Vol. XVIII. 1984. № 2. April. P.64.

[4] См.: *Bailin Sh.* Achieving Extraordinary Ends. An Essay on Creativity. Dordrecht, 1988. P.3.

долевает ограниченность самих марксистских представлений.

В рамках постиндустриальной теории высказываются также предположения о скором наступлении того «царства свободы», в котором человек сможет всесторонне реализовать и постоянно совершенствовать свои способности. Утверждается, например, что сегодня, как никогда ранее, близко то состояние цивилизации, в котором будет осуществлен императив, гласящий: «человек должен быть тем, чем он может быть, и должен максимально соответствовать своей внутренней природе»[1]. В современных условиях, как отмечали сторонники данной концепции еще более двадцати лет назад, «организация и социальная структура постиндустриального общества наряду с обеспечением экономического прогресса создает условия реального личностного роста, причем реализация этих возможностей будет связана с тем, что индивидуальное достоинство, индивидуальное самосознание и индивидуальная самореализация станут первостепенными целями» каждого конкретного человека[2]. Многие западные авторы стремятся дать и более обобщенную характеристику протекающих ныне процессов. Д.Белл, например, заявляет, что специфической чертой переживаемого момента является быстрый переход от старой, «экономизированной», модели общества к качественно новой, «социологизированной», его модели[3].

Так же, как и основоположники марксизма, теоретики постиндустриализма подходят к анализу перспектив хозяйственного и социального прогресса с точки зрения возможностей преодоления процессов отчуждения. В новом социуме, по их мнению, осуществляется непосредственное взаимодействие между личностями, не принимающее той фетишизированной формы, которая была свойственна классическому капитализму. «Тот факт, что индивиды отныне общаются с другими индивидами, а не взаимодействуют с машинами, — пишет Д.Белл, — является фундаментальной чертой постин-

---

[1] *Maslow A.H.* Motivation and Personality. N.-Y.,1970.P.46.

[2] *Faunce W.A.* Problems of an Industrial Society. San Francisco, 1968. P.175.

[3] См.: *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. P.147.

дустриального строя»[1]. Последнее обстоятельство вытекает из рассмотрения данной проблемы в ее историческом аспекте. Указывается, например, что человеческая деятельность, представляющая собой в аграрном обществе взаимодействие с природой, в индустриальном — с предварительно преобразованными человеческим трудом объектами природы, в постиндустриальном социуме становится системой отношений между людьми, что напрямую связывается с экспансией сферы услуг и информатики, производство которых неотделимо от процесса потребления, причем как первый, так и второй являются в высокой степени индивидуализированными[2]. Подобная система взаимодействия выступает главной предпосылкой, а затем и реальной основой формирования так называемого коммунального общества (communal society), характеризующегося преодолением отчуждения человека от других людей и от общества в целом, становлением организованного производства и подрывом стихийного товарного хозяйства. Приверженцы теории постиндустриального общества, таким образом, развивают концепцию совершенствования форм человеческой деятельности, весьма схожую с марксовой, не отягощенную при этом теми противоречиями, которые стали преградой на пути прогресса марксистских представлений.

Другим важным аспектом теории постэкономического состояния общества, отмеченным современными западными авторами, является модификация отношений эксплуатации. Во времена основоположников марксизма существовала более или менее реальная возможность количественной оценки степени эксплуатации, обусловленная двумя обстоятельствами: с одной стороны, воспроизводимостью всех составляющих общественного богатства и, с другой, — однопорядковостью (хотя и разнонаправленных) экономических интересов буржуазии и пролетариата. В сегодняшних условиях оба названных фактора существенным образом модифицировались. Во-первых, большинство благ приобрело индивидуализированный, а зачастую даже невоспроизво-

[1] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P.163.

[2] См.: *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. P.146—147.

димый характер; во-вторых, ощутимое воздействие на отношения эксплуатации оказали изменения в системе мотивации современной деятельности.

Последнее обстоятельство, касающееся субъективной стороны процесса эксплуатации, фактически никогда не попадало в сферу внимания марксистских исследователей, так как в условиях экономической общественной формации эксплуатация представлялась явлением вполне объективным и легко обнаружимым. В постиндустриальной концепции, однако, соответствующие проблемы вышли на первый план, ибо уже в период зарождения данной теории фактор самореализации в деятельности выдвинулся на первую строчку в шкале человеческих ценностей[1], а спустя десятилетие материалы социологических обследований давали основания говорить о том, что фактор материального вознаграждения в соответствующей шкале опустился на шестое—десятое место[2]. К концу 70-х годов сдвиг в сторону некоей новой надутилитарно мотивированной деятельности, природа которой не может быть проанализирована в традиционных понятиях, описывающих рыночную экономику, стал уже весьма заметным. В это же время в рамках теории постиндустриального общества были начаты вполне успешные поиски определения такой деятельности, и для этого было предложено использовать понятие творчества[3]. Отмечалось, что деятельность бессмысленная, не осознаваемая человеком как внутренняя потребность, в сегодняшних условиях не отвечает нуждам хозяйственного прогресса[4], что труд как активность, вызванная внешними материальными обстоятельствами, является категорией индустриального строя и отступает на второй план столь же быстро, как происходит переход к новому

---

[1] См.: *Herzberg F.* Work and the Nature of Man. N.-Y.,1966.

[2] См.: *Hackmann J.R., Lawler E.E.* Employee Reactions to Job Characteristics.// Journal of Applied Psychology.1971. № 3.

[3] См.: *Jaques E.* Work, Creativity and Social Justice. N.-Y., 1970. P.64—65.

[4] См.: *Opaschowski H.W.* Wie leben wir nach dem Jahre 2000? Szenarien ueber die Zukunft von Arbeit und Freizeit. Hamburg, 1987. S. 15.

типу социума[1]. Сторонники постиндустриальной теории полагают, что мотивация современной деятельности отражает совершающийся переход от достижения человеком внешних по отношению к нему самому целей к стремлению всемерно совершенствовать собственную индивидуальность.

Концепция постиндустриального общества в целом весьма удачно описывает современное состояние западных обществ и обладает известными прогностическими возможностями. Ее последователи выделили основные аспекты совершенствования социума и показали направления его прогресса, отметив, что новое общественное состояние является по сути своей постэкономическим.

Однако историческая периодизация, предпринятая упомянутыми авторами, базируется, как мы полагаем, на анализе менее глубинных закономерностей, нежели те, что положены в фундамент теории общественных формаций. Поэтому, рассматривая выделенные западными авторами черты современных обществ как важные характерные черты *постэкономической общественной формации*, мы все же не будем подходить к описанию этой стадии общественной эволюции со стороны прогресса производительных сил, а предпочтем относительно традиционную, близкую к марксовой, методологию.

Место *постэкономической общественной формации* в системе категорий формационной теории может быть определено на основе понимания ее как синтетического элемента диалектической триады, тезисом и антитезисом которой выступают формации архаическая и экономическая. Выделение черт, которые делают постэкономическую общественную формацию соответствующим элементом исторического пути человечества, мы предпримем по трем главным направлениям.

Во-первых, важнейшей чертой постэкономической общественной формации является кардинальное изменение характера и форм человеческой деятельности. При этом следует подчеркнуть, что прогресс человеческой активности также может быть рассмотрен в

[1] См.: *Glaser H.* Das Verschwinden der Arbeit. Die Chancen der neuen Taetigkeitsgesellschaft. Duesseldorf, 1988. S. 176.

качестве диалектической триады, причем постэкономической общественной формации соответствует последний ее элемент.

Во-вторых, нельзя не подчеркнуть, что постэкономическая общественная формация отрицает такую фундаментальную черту своей предшественницы, как товарное производство, базирующееся на труде и законе стоимости. С переходом к постэкономической формации утрачивают силу традиционные закономерности возмездного обмена, регулируемого стоимостными принципами. В ходе становления новой общественной формации могут быть отмечены прогрессивные эпохи преодоления стоимостных отношений.

В-третьих, становление постэкономической общественной формации предполагает преодоление важнейшей характеристики формации экономической — отчуждения человека от других людей и от общественного целого. Последнее может произойти только при условии, что будет покончено с эксплуатацией человека человеком, феноменом, имеющим помимо объективных еще и субъективные стороны и являющимся неотъемлемой чертой экономической общественной формации.

Таким образом, *постэкономическая общественная формация представляет собой историческое состояние, становление которого происходит начиная с достижения экономической общественной формацией наивысших форм своего развития и которое характеризуется устранением труда как основного вида человеческой активности, преодолением базирующегося на стоимостных закономерностях товарного производства и ликвидацией эксплуатации как существенно влияющего на общественную жизнь фактора.* Постэкономическая общественная формация, и это будет показано ниже, — последняя ступень общественного бытия человеческих существ; за ее пределами начинается историческая эпоха, на протяжении которой *человечество выходит за рамки социальности* и относительно которой любые футурологические прогнозы не представляются возможными.

Становление постэкономической общественной формации есть объективный процесс, обусловленный внутренней логикой развития человеческого общества и в первую очередь — прогрессом производительных сил (в этом отношении сторонники постиндустриальной кон-

цепции, безусловно, правы). Ее формирование возможно как эволюционным, так и революционным путем; процессы, приводящие к возникновению основ данной формации, находятся выше отличий «империализма» от «социализма», точно так же, как процесс формирования антагонистического общества происходил вне зависимости от того, «азиатским» или «античным» способом воспроизводилось неравенство классов.

Переходя к непосредственному рассмотрению важнейших черт постэкономической общественной формации, отметим, что наиболее принципиальными ее характеристиками являются замещение труда более высоким типом человеческой активности (а точнее, развертывание процесса такого замещения), устранение основанного на стоимостных закономерностях товарного обмена и преодоление эксплуатации человека человеком в том ее виде, который в течение столетий оказывал определяющее воздействие на весь комплекс общественных отношений.

Первая фундаментальная черта постэкономического состояния — исчезновение труда

Труд и творчество

Понятие труда по праву занимает одно из центральных мест в большинстве социологических теорий. Не явилась исключением и теоретическая система марксизма, в которой роль труда в развитии человеческого общества была продемонстрирована весьма обстоятельно. Внимание, уделявшееся К.Марксом и Ф.Энгельсом исследованию трудовой деятельности, множество посвященных этому вопросу работ не могло, однако, не вызвать известной неопределенности терминологии. В результате понятие «труд» использовалось ими в различных смыслах, причем зачастую под данным термином понималась любая сознательная человеческая деятельность вообще.

Первый, наиболее общий подход к определению понятия «труд» вытекает из расширительной трактовки

труда. Исходный пункт подобных представлений — понимание первичности производственной деятельности по отношению ко всем другим сторонам жизни общества[1]. После принятия данного тезиса[2] утверждаются его всеобщий характер и равная применимость к анализу социума на любом этапе его исторического развития[3].

Логическое завершение этого подхода воплощено в известных определениях, данных К.Марксом в «Капитале». Он указывает, что «труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, в котором человек своей собственной деятельностью опосредует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой»[4]. При этом отмечается, что труд представляет собой «вечное условие человеческой жизни, и поэтому он не зависим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам»[5].

Второй подход представляется более сложным и более комплексным,так как в этом случае делается попытка не только определить сам термин, но и указать на границы обозначаемого им понятия. В рамках указанного подхода можно выделить два альтернативных варианта решения проблемы логических границ понятия «труд», причем оба варианта принадлежат К.Марксу. С одной стороны, труд выступает в качестве «производительной деятельности человека вообще,.. в ее естественном бытии независимо от общества, отрешенно от каких бы то ни было обществ, и, как выражение жизни и утверждение жизни, общей для еще необщественного человека и человека, получившего какое-либо общественное определение»[6].

С другой стороны, К.Маркс утверждает, что труд есть «социально определенная человеческая деятель-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С.26.

[2] Из приведенного положения, однако, отнюдь не следует, что любая *производственная деятельность*, и это будет рассмотрено ниже, является *деятельностью трудовой*.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С.23.

[4] Там же. Т. 23. С.188.

[5] Там же. С.195.

[6] Там же. Т. 25. Ч. I. С.381—382.

ность»[1], и этот аспект трактовки долгое время считался в советской теории наиболее принципиальным, ибо в данном случае подчеркивалось, что труд является «общественно-определенной формой жизнедеятельности человека»[2].

В советских трактовках противоречие, объективно существующее между двумя сторонами марксового подхода, затушевывалось посредством следующего рассуждения: поскольку общество не мыслимо иначе, как основанное на труде, и человек тоже не мыслим вне трудового процесса, понятия человека и общества по отношению к анализу труда если не тождественны, то во всяком случае одного ранга; значит, противоречия в марксовой трактовке нет.

Однако на самом деле здесь скрыта более сложная проблема, ибо К.Маркс одновременно и признает, и отрицает существование труда в условиях «дообщественного» состояния человека. Не являясь недостатком концепции основоположников марксизма, данное обстоятельство отражает тот факт, что в ней присутствуют определенные двусмысленности и в целом она не столь категорична и однозначна, как это часто предполагают.

Конкретизацией второго подхода применительно к исследованию зарождения труда служит *третья* трактовка, предложенная Ф.Энгельсом в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», где он попытался найти выход из отмеченного выше противоречия в системе К.Маркса. Примечательно, что при этом противоречие потенциальное трансформировано им во вполне явное.

Признавая, что «труд создал самого человека», Ф.Энгельс, таким образом, имеет в виду, что труд, возможный в «необщественных» условиях, привел к созданию общества, к формированию человека как общественного существа. Возникает противоречие между данным подходом и тезисом о труде как социальной по своей природе деятельности. *Активность, изначально определяемая как социальная, не может сама быть причиной становления социума.* Деятельность, кото-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. III. С.185.

[2] *Кравченко А.М.* Социология труда в XX веке. М.,1987. С.52; см. также: *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика. М., 1974. С.183.

рая обозначена как разумная и сознательная, предполагает абстрактное мышление и целеполагание, не может создать человека, характеризующегося в первую очередь именно способностью к абстрактному мышлению и формированию целей своей деятельности. Ни человек, ни труд не могут выступать предпосылкой друг друга, коль скоро человек определяется через способность к труду, а сам труд — через человеческие качества.

В целом же марксова концепция труда обладает, как уже отмечалось, известной двойственностью. *С одной стороны*, К.Маркс никогда не говорит об исторической ограниченности труда, понимаемого как орудийная деятельность, и предвидит в связи с этим возможность преодоления лишь отдельных форм труда, в частности наемного. Соответственно указывается, что в условиях коммунистического общества трудовая деятельность сохранится в качестве основной, хотя рабочее время может быть сокращено на величину прибавочного времени, продукт которого ранее присваивался капиталистами.

С другой стороны, существует противоположная точка зрения, выдвинутая классиками марксизма еще в 40-е годы. В этот период К.Маркс сосредоточивает свое внимание на двух направлениях анализа перспектив трудовой деятельности. Он называет труд отчужденной активностью, деятельностью, осуществляемой под влиянием внешней необходимости и потому несвободной. «Одно из величайших недоразумений, — пишет К.Маркс, — говорить о свободном, человеческом, общественном труде, о труде без частной собственности»[1]. Как следствие подобного подхода вполне естественными выглядят отрицание необходимости освобождения труда, ибо он уже «свободен», проповедь *уничтожения* трудовой деятельности[2], указание на то, что «коммунистическая революция выступает против прежнего характера деятельности, устраняет труд»[3], и другие подобные положения.

На наш взгляд, данную трактовку, весьма категорично обозначающую труд как *один из видов чело-*

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. С.113, 242.

[2] См.: Там же. С.91.

[3] Там же. Т. 3. С.70; Т. 42. С.242.

веческой деятельности, как деятельность, порожденную в первую очередь внешними по отношению к личности материальными обстоятельствами, не следует рассматривать как издержки философских исследований молодого К.Маркса. Элементы ее прослеживаются и позднее. Можно вспомнить известные слова о том, что при переходе к коммунизму осуществляется скачок в «царство свободы», находящееся «по ту сторону сферы собственно материального производства», а ведь именно потребности производства и вызвали к жизни труд как вид человеческой деятельности. Поэтому данное высказывание К.Маркса можно расценивать как подтверждение его приверженности ранним концепциям.

В то же время К.Маркс, несмотря на провозглашение труда всеобщим условием жизни человечества, признает, что в условиях коммунизма «непосредственный труд как таковой перестанет быть базисом производства», что человек станет «рядом с процессом производства, вместо того, чтобы быть его главным агентом»[1].

Таким образом, наблюдается постепенное нарастание противоречивости теории: из относительно четких первоначальных определений труда как некоей всеобщей категории возникают потенциальные и малозаметные противоречия при установлении исторических границ труда в прошлом, затем появляется логический круг при попытке обосновать генезис общества путем апелляции к труду, и, наконец, в наиболее явной форме противоречия обнаруживаются при оценке будущего трудовой деятельности.

Нельзя не отметить, что противоречия марксовой теории труда в значительной мере объясняются чисто терминологическими факторами, а именно тем, что для обозначения таких качественно различных видов деятельности, как активность добщественного человека и свободная самодеятельность субъектов коммунистического общества, применяется одно основополагающее понятие — понятие *труда*. Отказ от использования иных терминов, определяющих человеческую деятельность, существенно снижает воз-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. II. С.213, 218.

можности адекватного описания процессов совершенствования человеческой активности в период смены экономической общественной формации формацией постэкономической.

Поэтому анализ постэкономической общественной формации должен в обязательном порядке предваряться исследованием труда *как одного из многих видов человеческой деятельности*. Факторами, вычленяющими трудовую активность из иных видов человеческой деятельности, служат в первую очередь причины, вызывающие эту деятельность, принципы ее мотивации и характер цели.

Учитывая данные обстоятельства, мы считаем наиболее последовательным и полным следующее определение труда: *труд есть сознательная и целесообразная физическая или умственная деятельность, являющаяся реакцией человека на внешнее окружение и служащая удовлетворению его физиологических и социальных потребностей, отличных от потребности в совершенствовании собственной личности*.

Говоря об исторической ограниченности труда, уместно отметить, какие черты человеческой активности претерпевают наиболее серьезные изменения при переходе от трудовой деятельности к творческой. К ним прежде всего относятся *тип побудительного мотива деятельности, ее цель, основные характеристики производимого продукта, а также отношение человека к внешнему миру*. Трудовая деятельность характеризуется внешним по отношению к человеку побудительным мотивом, однако этот мотив не всегда господствует над человеком как слепая сила, но зачастую осознается индивидом, причем в некоторых случаях человек не воспринимает его в качестве чего-то противоестественного, а саму трудовую деятельность — как продукт внешнего принуждения. В любом случае цель трудовой активности — материальный или нематериальный продукт, результат труда; форма этого продукта может быть различной, но одно несомненно: данный продукт есть благо, прямо или косвенно удовлетворяющее *материальные* потребности производителя. Одним из основных качеств продукта *труда* является также его воспроизводимость, то есть способность иного индивида создать аналогичный продукт при аналогич-

ных условиях. Продукт *труда* отчуждаем, то есть может переходить от одного человека к другому в процессе возмездного обмена. Именно эти характеристики трудового процесса и сделали *труд* основным видом деятельности, свойственным эпохе экономической общественной формации.

В условиях экономической общественной формации недостаток материальных благ и средств их производства порождал противостояние человека природе как враждебной ему среде; именно такое соотношение между человеком и внешним миром и вызывало к жизни *труд*. Поэтому трудовая деятельность существует там и тогда, где и когда человек реализует свою активность ради достижения материального удовлетворения. Исходя из подобного понимания труда и рассматривая деятельность в условиях постэкономической общественной формации как антитезу труда, попытаемся дать определение этой активности будущего, которую мы назовем *творчеством*.

Единого понятия творчества до сих пор нет, тем не менее можно выделить несколько основных направлений в определении творческой деятельности.

Наиболее общая трактовка творчества сводится к пониманию его как *всеобщей формы развития*. Данный подход берет свое начало в гегелевской философии, где творческая самодеятельность приобрела универсальные характеристики, а понятие «творчество» — всеобщую категориальную форму своего выражения. Однако в гегелевской системе столь значительное место творчества обусловливалось положением в ней самого творящего субъекта; поэтому вряд ли стоит рассматривать творчество в таком понимании, отвлекаясь от контекста гегелевской философии. На наш взгляд, отождествление творчества с любым процессом развития в живой и неживой природе, а также в обществе не может принести серьезных успехов при осмыслении проблемы соотношения труда и творчества. Поэтому гораздо предпочтительнее выглядят более конкретные и узкие трактовки.

Паллиативным подходом является представление творчества *как формы труда*. Сторонники подобной позиции считают, что творчество обусловлено самой природой человека и «потребность быть носителем творческой способности природы к саморазвитию означает

[для человека. — *В.И.*] потребность трудиться»[1]. В данном случае, однако, с одной стороны, прослеживаются элементы ранее рассмотренного подхода, согласно которому творчество — это явление, свойственное любому элементу природы, а с другой стороны, происходит отождествление труда и творчества в историческом аспекте. В советской теории эта позиция нередко отражалась в ряде малозначащих тезисов о том, что творчество суть внутренне присущие человеческой деятельности свойства, результатом которых служит совершенствование процесса труда, что творчество может расцениваться в качестве главной особенности и родовой сущности труда, что его элементы содержатся внутри любой трудовой деятельности, и т.д.

Наибольшее распространение как в советской, так и в западной литературе получило определение творчества, апеллирующее к такой черте творческой деятельности, как *создание нового*. Это связано со стремлением более четко отделить процесс творчества от процесса труда и заслуживает в целом положительной оценки. Сторонники подобного подхода, с одной стороны, считают, что, творчеством может называться процесс создания не любого элемента новизны, но чего-то качественно нового, а с другой, — подчеркивают *социальный* аспект творчества. Так, именно на основании степени новизны результата американские исследователи Р.Розенфельд и Дж.Серво проводят грань между творчеством и нововведением[2], причем этот момент является определяющим в их теории творчества. Имеются также многочисленные указания на то, что результатом творчества следует признавать не просто новое, а *социально* новое; данное уточнение позволяет отрицать творческий характер регрессивных изменений любого рода.

Понимание творчества как процесса создания нового распространено достаточно широко. Однако данное определение имеет существенный недостаток, ибо установить критерий новизны фактически невозможно;

---

[1] *Ермакова А.В.* Человек и организация труда в условиях современного капитализма. М.,1988. С.10.

[2] См.: *Rosenfeld R., Servo J.* Business and Creativity. // The Futurist. 1984. Vol. XVIII. № 4. August. P.21.

для этого необходимо обозначить уровень, на котором происходит ее признание. Если это уровень социума, то не всякая новая идея или изобретение, будучи качественно новыми, могут быть социально значимыми. Если имеется в виду субъективная новизна, то для отдельного человека важным открытием может быть нечто, уже хорошо известное многим. В таком случае с точки зрения того или иного индивида его деятельность безусловно является творческой, хотя и не создает социально нового результата. Поэтому учет фактора новизны продукта деятельности возможен в лучшем случае лишь в качестве одной из характеристик творчества, но основывать на нем определение данного феномена вряд ли справедливо.

Трактовка творчества как *реализации внутреннего мотива деятельности* кажется наиболее последовательной и наименее противоречивой. В первую очередь ее сторонники признают, что главное в творческой деятельности — это «не ограниченный вещественный результат, а проявление и совершенствование способности человека к самопроизводству»[1]. Развивая тезис о том, что в творчестве особое значение имеет не результат (обладающий исключительной значимостью в рамках труда), а сам процесс деятельности, ряд авторов указывает, что цель творчества принципиально не соответствует его возможному вещному результату, при этом высказывается ключевое положение *о различии творчества и труда только по внутренним мотивам и структуре деятельности при возможности сходства по внешней форме активности и полного совпадения по ее вещным результатам* [2].

К центральному в анализируемом подходе тезису о внутреннем характере побудительного мотива творчества тесно примыкают положения о том, что творчество представляет собой содержание деятельности всесторонне развитой личности, в которой она обретает наибольший простор для самовыражения и самосовершенствования. Именно это дает возможность считать

---

[1] *Межуев В.М.* Культура как объект познания. // Философские проблемы культуры. М.,1984. С.63.

[2] См.: *Bailin Sh.* Op. cit. P.85.

деятельность творческого типа основной в будущем обществе.

Весьма существенным блоком данной теоретической схемы является совокупность тезисов о *межсубъектности* творческой деятельности. При этом одни авторы непосредственно выводят ее межсубъектный характер из отсутствия утилитарной мотивации, другие же указывают на субъективные черты творческой самореализации личности как на обязательный момент в самом определении творческого процесса. Некоторые зарубежные и отечественные исследователи акцентируют внимание не только на проблеме субъективистского характера творчества как такового, но и на межсубъектности любого творческого взаимодействия, отмечая, что «творчество по сути своей межсубъектно, что сами креативные сущностные силы полностью проникнуты логикой межсубъектности»[1], в силу чего «межсубъектность есть ключ к креативности»[2].

Проанализировав несколько вариантов определения творчества, мы не можем категорично утверждать, что хотя бы один из них не имеет права на существование, однако следует подчеркнуть, что все они в различной степени отягощены внутренними логическими противоречиями и непосредственно не позволяют квалифицировать творчество как тип деятельности, соответствующий постэкономической общественной формации.

В дальнейшем исследовании мы будем исходить из того, что *творчество — это деятельность человека, воспринимающаяся им как порождаемая внутренним стремлением к самореализации и предполагающая данную самореализацию в качестве основной цели; деятельность, не воспроизводимая другими людьми как в своем процессе, так и в своем результате и не сопоставимая в силу этого с деятельностью других людей.* В этом определении мы стремились подчеркнуть все основные черты творчества: характер деятельности, ее независимость от внешней материальной необхо-

---

[1] *Батищев Г.С.* Диалектика творчества. М., 1984. Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 18609. С.443.

[2] *Батищев Г.С.* Диалектический характер творческого отношения человека к миру. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. М., ИФ АН СССР, 1989. С.25.

димости как предпосылки и побудительного мотива, всецело субъективный способ реализации творческой деятельности, несводимость ее к труду (равно как и к творчеству) других людей и невоспроизводимость того материального результата, который может оказаться побочным продуктом творческого процесса.

Итак, творчество кардинально отличается от труда. *Во-первых*, мотивы деятельности перестают быть напрямую зависимыми от внешних материальных обстоятельств и приобретают серьезную индивидуальную специфику. *Во-вторых*, целью деятельности становится не некий продукт как материальный объект, а человек, сам активный субъект. Материальное благо, даже если оно и произведено, — это скорее побочное следствие, нежели цель творческого процесса. *В-третьих*, результат творческой деятельности невоспроизводим — прежде всего потому, что таковой состоит непосредственно в развитии личности творца, а деятельность, направленная на самосовершенствование, носит сугубо индивидуальные черты, которые не могут быть скопированы и воспроизведены. *В-четвертых*, продукт, выступающий *целью* творчества, неотчуждаем, ибо приобретенные человеком в его процессе удовлетворение или новые способности не могут быть у него отняты; между тем отчуждаемым, хотя и невоспроизводимым, остается материальный или нематериальный продукт, который может быть создан в *итоге* творчества. При этом последнее не нацелено на достижение вещного результата столь однозначно и жестко, как труд; в силу чего и окружающий мир не воспринимается творящей личностью как нечто чуждое. Существовавшее ранее субъективное противостояние личности и природы во многом преодолевается.

Таковы наиболее заметные черты отличия творчества от труда. Схематически они могут быть отображены в следующей таблице, где отмечены также черты предшествовавшего труду вида активности[1]:

---

[1] Элементы данной таблицы содержатся в работе: *Faunce W.A.* Problems of an Industrial Society. San Francisco, 1968. P.170; полностью таблица с соответствующими пояснениями приведена в статье: Inosemtsev V.L. On the Limitations of the Marxian Theory of Value: Some Methodological Aspects of the Problem. // Social Sciences. Vol. XXIII. 1992. № 4. P.110—125.

	Инстинктивная предтрудовая деятельность	Труд	Творчество
Тип побудительного мотива деятельности	*внутренний, бессознательный*	*внешний, осознанный*	*внутренний, осознанный*
Цель деятельности	*деятельность как биологический процесс*	*материальное благо*	*деятельность как самореализация*
Характеристики продукта деятельности	*неотчуждаемый, невоспроизводимый*	*отчуждаемый, воспроизводимый*	*отчуждаемый, невоспроизводимый*
Отношение деятельного человека к природе	*человек как элемент природы*	*человек противостоит природе*	*человек как воплощение природы*

Теория творчества. Терминология

Все вышеотмеченное свидетельствует о том, что творчество кардинально отлично от труда, что творчество не есть труд.

Однако в рамках марксистской теории — как в работах самих основоположников марксизма, так и в трудах советских авторов — не проводилось *терминологического* разграничения деятельности в условиях экономической и коммунистической общественных формаций; и в том, и в другом случае она определялась в конечном счете как *труд*, а отличия ее видов между собой фиксировались лишь на основании описания того или иного вида *труда*. Между тем начиная с середины нынешнего столетия западные исследователи, обратившиеся к анализу специфических черт современной деятельности, указали на принципиальное различие между трудом и творчеством и воспроизвели его в своей терминологии.

Так, в английском языке существует несколько вариантов обозначения явления, определяемого русским словом «труд», и среди них такие, как «work», «job» и «labour». В качестве наиболее общего фигурирует обычно понятие «work», применяемое для характеристики любого вида человеческой деятельности. Именно в таких терминах описывает доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную деятельность («pre-industrial, industrial and post-industrial *work*») Д.Белл, понимая под доиндустриальной деятельностью взаимодействие с природой («the game against Nature»), под индустриальной — взаимодействие с преобразованной природой («a game against fabricated Nature») и под постиндустриальной — взаимодействие между людьми («a game between persons»)[1].

Таковы рамки использования термина «work». Как видим, они весьма широки. Это обстоятельство подтверждается и работами Ф.Беста, анализирующего проявления творчества в современных процессах деятельности. Рассуждая о том, что в нынешнем мире последняя требует все большей автономности, свободы самовы-

[1] См.: *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. P.146—147.

ражения, творческих моментов, чем в доиндустриальную или индустриальную эпохи [1], автор исследует два процесса: современную трудовую деятельность в широком смысле («the *work* activities of today»), и непосредственно трудовые процессы сегодняшнего дня («today's *jobs*»). На основании этого и других примеров можно говорить о применимости терминов «work» и «job» (разумеется, с соответствующей конкретизацией) к описанию процессов творческой деятельности.

Это прослеживается и в работе Э.Жакс, где автор разграничивает и противопоставляет друг другу два понятия: «creative work» и «employment work». В первом случае имеется в виду, что продукт «creative work» носит только символический характер, а сама эта деятельность порождается внутренними стремлениями человека; во втором же случае прямо указывается, что «employment work» предполагает внешнее принуждение и не основывается на возможности использования бессознательных процессов. Мы вновь видим, что с помощью специальных средств конкретизации возникают два противоположных определения — творческой и трудовой деятельности — на базе универсального термина «work». И, наконец, есть важный тезис Ш.Бейлина, согласно которому совершенно справедливо и терминологически правильно использование понятия «creative work»[2], но абсолютно недопустимо для теоретического анализа присутствие термина «creative labour»[3].

Таким образом, можно утверждать, что в английской терминологии категории, связанные с творческим характером деятельности, не используются применительно к активности, предполагающей в качестве своего условия внешнее принуждение, а в качестве своей цели — материальное благо. И поскольку слово «labour» в большинстве случаев его употребления обозначает процесс деятельности, осуществляемой в условиях господства внешней необходимости, то есть является эквивалентом того «труда», который рассматривался К.Марксом в качестве «несвободной, нечеловеческой, необщественной, обусловленной частной собственностью и соз-

---

[1] См.: Op. cit. P.64.

[2] См.: *Bailin Sh.* Op. cit. P.10, 109, 113, 117.

[3] См.: Ibid. P.106, 118, 121.

дающей частную собственность деятельности»[1], то понятие «creative labour» выступает абсолютно иррациональным в свете общепризнанного в западной науке определения творчества через отсутствие внешней необходимости, довлеющей над человеком.

Аналогичную ситуацию можно проследить и на примере немецкой терминологии. В данном случае термин, обычно используемый для обозначения понятия «труд» — «Arbeit», — представляется менее окрашенным в оттенок несвободы, чем английское «labour». Однако и при этом в немецком языке термин «kreative Arbeit» не применяется. Начиная с 50-х годов, когда в качестве самостоятельной части социологической науки стала возникать теория творчества, используются два термина — «Kreativitaet» как обозначение собственно творчества и «kreative Taetigkeit» как творческая деятельность. При этом понятия «Arbeit» и «Kreativitaet» не только не пересекаются, но и зачастую рассматриваются как нечто противоположное. Когда, например, Х.Глазер говорит о процессе существенных изменений в человеческой деятельности, он трактует происходящее исчезновение *труда* как Verschwinden der *Arbeit*[2], постоянно противопоставляя общество, основанное на труде, обществу, базирующемуся на творческой деятельности, то есть противопоставляя «Arbeits — und Taetigkeitsgesellschaft»[3].

Следовательно, и в немецкой терминологии понятия труда и творчества не пересекаются. Можно отметить лишь существование термина «produktiv-kreative Taetigkeit» («продуктивная творческая деятельность»), однако таковое понятие не несет того оттенка иррациональности, которым отягощен советский термин «творческий труд». В целом даже беглый обзор западной терминологии не может не привести к выводу о том, что различия между трудом и творчеством, делающие каждый из этих процессов несводимым к другому, вполне четко закреплены в понятийном аппарате современной социологии; соответствующие термины разведены как

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. С.242.

[2] См.: *Glaser H.* Op. cit.

[3] См.: Ibid. P.196.

понятия, обозначающие два качественно разных вида человеческой деятельности.

В работах большинства западных авторов будущее общество неразрывно связывается с творчеством и анализ творческой деятельности предполагается как обязательный инструмент при определении перспектив развития человечества. Так, известный футуролог Ф.Нюрнбергер отмечает, что «наше будущее лежит не в области совершенствования технологии материального развития. Оно заключено в технологии внутреннего, творческого прогресса... Проблема в конечном счете заключается в том, чтобы стать чем-то большим, нежели то, чем мы сейчас являемся»[1].

Терминологические вопросы, вкратце рассмотренные на примере западных исследований творчества, интересны не сами по себе, а с позиций прояснения сегодняшнего состояния человеческой деятельности. Научная логика, получающая свое отражение в данной терминологической системе, с очевидностью опровергает существование таких форм активности, где бы труд и творчество, находясь в единстве, конституировали специфический цельный вид деятельности. Творчество отличается от труда принципиально: во-первых, субъективным отношением индивида к процессу деятельности и, во-вторых, невоспроизводимостью ее результата. Поэтому переходных между трудом и творчеством форм, на наш взгляд, быть не может. *Любая деятельность либо порождена стремлением к самосовершенствованию, либо вызвана внешней материальной необходимостью; результат ее либо воспроизводим, либо невоспроизводим; сама же она воспринимается индивидом либо как свободная деятельность, как творчество, либо как извне обусловленная активность, как труд.* Tertium non datur.

Поэтому сегодня мы стоим не перед перспективой постепенного формирования некоего гипотетического «творческого характера» труда, или «творческого труда» как нового вида деятельности, а перед необходимостью непосредственной замены труда как более низкой формы человеческой активности творчеством как более

---

[1] *Nuernberger Ph.* Mastering the Creative Process. // The Futurist. 1984. Vol. XVIII. № 4. August. P.36.

высокой ее формой. Сложившееся ныне положение подтверждает произнесенные, правда, по иному поводу слова французского философа и теолога Ж.Лакруа о том, что «человеческий труд является переходной, опосредованной формой активности, переходом от низших, чисто биологических, форм, из которых он проистекает, к высшим, чисто духовным формам, к которым он устремлен».

Этапы становления творческой деятельности

Творчество, понимаемое как деятельность, порождаемая специфическими, надутилитарными мотивами и отличающаяся своим индивидуальным и межсубъектным характером, является основным видом деятельности в условиях постэкономической общественной формации. Однако нельзя не отметить если не противоречие, то по крайней мере некоторую внутреннюю несогласованность подобного подхода. Постэкономическая общественная формация, как известно, — объективный этап общественной эволюции, подготовленный естественным ходом исторического процесса, ростом производительных сил и прогрессом социальной структуры. В свете этого кажется противоестественным, что фундаментальная черта постэкономической формации — характеризующий ее вид человеческой деятельности, творчество, — рассматривается как всецело субъективный феномен, определяемый через индивидуальные стремления и предпочтения человека. Такая позиция представляется противоречащей всему духу марксова материалистического учения, которое утверждает превалирующее значение объективных факторов общественного прогресса над субъективными и заданность последних первыми.

Данное обстоятельство весьма существенно, и мы поговорим о нем несколько ниже, когда обратимся к проблемам собственно социальных отношений постэкономического общества и самосознания индивида в условиях соответствующих отношений. Сейчас же хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на определяемость творчества через субъективные моменты, рост творческого характера деятельности может быть прослежен на основе анализа вполне объективных процессов и тенденций.

Вычленение этапов становления творческой деятельности представляется относительно искусственным, если последовательно придерживаться предлагаемого нами определения творчества. Согласно ему любая деятельность приобретает творческий характер с того момента, когда активный индивид перестает осознавать свою работу как заданную внешними материальными факторами. А коль скоро это так, то никакого эволюционного нарастания ее творческого характера быть не может. Вместе с тем нельзя не заметить ряд явлений, косвенно свидетельствующих о прогрессе форм человеческой деятельности, формировании предпосылок перехода от труда к творческой активности. Остановимся на главных.

Первое. Принимающая творческий характер деятельность как феномен, призванный изменить основные производственные отношения социума в целом, дает о себе знать только тогда, когда материальные потребности, определяющие структуру и направление человеческой активности в условиях экономической общественной формации, оказываются в значительной степени удовлетворенными. Степень такой удовлетворенности сказывается в изменении воспроизводственных пропорций, что ведет к существенному сокращению доли производства материальных благ и возрастанию значения производства услуг и информации. В итоге акцент переносится с производства материальных благ на их усвоение обществом, на потребление услуг и информации.

Тенденция к опережающему развитию сферы услуг отчетливо проявилась в экономике западных стран уже к началу XX века. Этот процесс был осмыслен экономистами еще во второй половине прошлого столетия, когда в западной экономической теории наметился отказ от признания отдельных видов общественного труда «непроизводительными». Так, Дж.Ст.Милль считал производительным любой труд, создающий полезность, а по его мнению, «полезности, производимые трудом, бывают трех родов. Во-первых, это полезности, заключенные во внешних предметах с помощью труда, который направлен на то, чтобы сообщить внешним материальным вещам свойства, делающие эти вещи пригодными для удовлетворения нужд человека... во-вторых, это полезности, заключенные и воплощенные в

самих людях; в данном случае труд направлен на придание людям качеств, которые делают их полезными для себя и для других... в-третьих, это полезности, не заключенные и не воплощенные ни в каком предмете, а состоящие только в оказании услуг»[1]. Трактовка, признающая непроизводительным только тот труд, который воплощается в материальных и нематериальных благах, не обладающих актуальной полезностью, была предложена в потенциальной форме еще Ж.Гарнье[2], затем гораздо полнее сформулирована У.Джевонсом[3] и, наконец, получила наиболее адекватное выражение в работах А.Маршалла[4].

Сокращение удельного веса производства материальных благ легче всего прослеживается на примере снижения доли занятых в нем по отношению к общему числу работающих во всех отраслях народного хозяйства. Этот процесс отчетливо просматривется на протяжении нынешнего столетия. Так, в 1900 году в США в сфере материального производства трудилось около 13 миллионов человек, тогда как в сфере услуг — не более 5 миллионов. К концу 80-х годов эти показатели составили соответственно 35 и 65 миллионов, то есть рост численности занятых в материальном производстве не превысил 2,7 раза, а в сфере услуг достиг 12,5 раза[5]. Данные о быстром увеличении числа занятых в сфере услуг содержатся в большинстве исследований, посвященных современной западной экономике. В весьма благополучные в этом плане для США 70-е годы, когда было создано 19 миллионов рабочих мест, только 11 процентов новых вакансий пришлось на всю сферу материального производства, из них лишь 5 процентов на промышленный сектор. Около 17 миллионов человек

---

[1] *Милль Дж.Ст.* Основы политической экономики. Т. 1. М.,1980. С.137.

[2] См.: *Garnier J.* Traite d'economie politique. 5 eme ed., P.,1863. P.25.

[3] См.: *Jewons W.S.* The Principles of Economics. L., 1905. P.88.

[4] См.: *Маршалл А.* Принципы политической экономики. Т. 1. М., 1983. С.124.

[5] Подробнее см.: *Perlo V.* Superprofits and Crises: Modern U.S. Capitalism. N.-Y., 1988. P.290.

нашли применение своим способностям в сфере услуг и производстве информации[1].

Западные авторы, подчеркивающие постиндустриальный характер современных обществ, в своих исследованиях стремятся показать всю значимость прорыва, достигнутого в сфере услуг (так называемом «третичном» секторе) и производстве информации («четвертичном» секторе). Например, Д.Белл отмечает, что фабричный пролетариат в собственном смысле этого слова составлял в США к концу 80-х годов не более 17 процентов общей численности рабочей силы, и выражает уверенность, что к 2000 году данный показатель снизится до 10 процентов[2]. Несколько ранее Д.Бэрч из Массачусетского технологического института, вычленив категорию работников, непосредственно занятых в производственных операциях (engaged directly in manufacturing operations), пришел к выводу, что их доля в структуре рабочей силы не превышает 12 процентов[3].

В начале 80-х годов в США, а немного позже и в других странах западного мира валовой продукт сферы услуг превзошел валовой продукт сферы материального производства. При этом темпы его прироста в сфере услуг в 80-е годы опережали аналогичные темпы в материальном производстве: во Франции — в 2 раза, в США и ФРГ - в 6 раз, а в Англии - в 30[4]. Исследования конца 80-х годов показали, что среди ста крупнейших американских корпораций, действующих в сфере услуг, объем продаж на одного занятого в 1,4 раза превысил соответствующий показатель в материальном производстве, причем десять корпораций достигли объема продаж до 35 миллиардов долларов в год, а темпы их

---

[1] См.: *Кан Г.* Грядущий подъем: экономический, политический, социальный. // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С.200.

[2] См.: *Bell D.* The Third Technological Revolution and Its Possible Socio-Economic Consequences. // Dissent. Vol. XXXVI. Spring 1989. № 2. P.168.

[3] См.: *Naisbitt J.* Megatrends. The New Directions, Transforming Our Lives. N.-Y., 1984. P.5.

[4] См.: *Wohlers E., Weinert W.* Employment Trends in the United States, Japan and European Community. Oxford, 1988. P.69.

роста составили в годовом исчислении от 41 до 170 процентов; максимальная доходность — более 1 миллиона долларов чистой прибыли на одного занятого[1]. Прогнозы, сделанные в это же время, однозначно свидетельствовали о прочности сложившихся тенденций: специалисты ожидали прироста занятых в сфере услуг в американской экономике в 16,6 миллиона человек при увеличении соответствующего показателя в сфере материального производства лишь на 500 тысяч[2].

Таким образом, в качестве провозвестника экспансии творческой деятельности мы рассматриваем, пусть и весьма условно, существенное расширение сферы услуг, понимаемой на данном уровне анализа исключительно как антипод материального производства. Это говорит о том, что началась реализация немаловажной *предпосылки* становления творчества в масштабах всего общества: снижения значимости материального производства, освобождения значительной части общества от деятельности, непосредственно направленной на создание материальных благ. Однако подобный подход страдает, на наш взгляд, объективизмом, тогда как мы стремились показать, что творческая деятельность определяется в первую очередь ее субъективными чертами. Поэтому было бы правильным исходить не из расширения сферы услуг как таковой, а проанализировать ее внутреннюю динамику.

Второе. Творческий процесс предполагает как необходимое условие его становления не только преодоление доминирующей роли материального производства, но и возрастание роли тех отраслей деятельности, где, согласно Д.Беллу, взаимодействие человека с преобразованной им же самим природой замещается взаимодействием человека с себе подобными[3]. В советской социологии данный процесс расценивался как расширение сферы субъект-субъектных взаимодействий[4].

---

[1] См.: *Fortune*. 5.VI.1989. P.190—191.

[2] См.: *Occupational Outlook Quarterly*. Fall 1989. P.19.

[3] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.-Y., 1973. P.163; *Idem*. The Cultural Contradictions of Capitalism. N.-Y., 1978. P.146.

[4] См.: *Батищев Г.С.* Методологические аспекты формиро-

Сфера услуг, рассматриваемая зачастую как нечто единое (что присуще и российским, и зарубежным исследователям), таковой в действительности не является. Внутри данного сектора народного хозяйства проходит грань, гораздо более принципиальная, нежели та, которой обычно отделяют сферу услуг от материального производства. *С одной стороны*, перед нами сектор, в котором оказываются услуги, направленные на совершенствование человека, выступающего, как это ни парадоксально, в *качестве вещества природы*. Сюда относятся фактически все бытовые услуги: транспорт, связь, работа парикмахерских, салонов красоты, общественное питание и так далее, не говоря уже об услугах по ремонту, как непосредственно продолжении процесса материального производства. Иначе говоря, здесь мы имеем дело с такой деятельностью, в которой человек предстает ее объектом, преобразуемым с целью достижения определенного результата. Нельзя не заметить ряд фундаментальных черт сходства данных отраслей с отраслями материального производства: соизмеримость затрат и результатов, воспроизводимость продукта; нетрудно найти и другие характеристики, роднящие эту область человеческой деятельности с материальным производством. *С другой стороны*, существует иная часть сферы услуг, которая может с гораздо большим основанием, чем первая, называться «непроизводственной»[1]. Речь идет об услугах, реализовать которые невозможно без активного участия не только тех, кто их оказывает, но и тех, кто ими пользуется. Эта «непроизводственная услуга», как именуем ее мы, или «human service», как называет ее Д.Белл[2], и есть то экономическое явление современного общества, развитие которого наиболее полно *по сравнению с другими объективными, отражаемыми статистикой процессами* свидетельствует как о присутствии творческой

вания целостной личности. // Доклады Академии педагогических наук РСФСР. 1962. № 1.

[1] Подробное см.: *Иноземцев В.Л.* К понятию непроизводственной сферы. // Торговля и общественное питание в условиях перестройки. Донецк, 1989. С.54 и сл.

[2] См.: *Bell D.* The Third Technological Revolution... P.168.

деятельности в нынешних хозяйственных системах, так и о степени этого присутствия.

К данным отраслям можно отнести всю сферу образования, любое производство и потребление информации, культуру в целом, отрасли так называемых социальных услуг, а также здравоохранения, хотя последнее и дискуссионно. Деятельность в этих сферах сопряжена с человеком как активным субъектом, и оказание соответствующих услуг не имеет смысла без энергичных усилий противостоящего производителю субъекта, направленных на потребление услуги. Деятельность, носящая субъект-субъектный характер, далеко не одинаково воздействует на различных людей, и ее продукт, заключенный в совершенствовании личности или способностей человека, сугубо индивидуален и невоспроизводим. В каждом конкретном случае данная деятельность не имеет некоего шаблона, по которому она должна осуществляться, ее результат не зависит напрямую от объема затраченных усилий и рабочего времени; однозначная связь, свойственная эпохе экономической общественной формации, здесь отсутствует.

Более того. В этой сфере деятельности начинают возникать черты, весьма схожие с чертами творчества. *С одной стороны*, и это только что нами отмечено, ценность оказываемых и получаемых услуг всецело субъективна, в той же мере, в какой невоспроизводима и сама услуга. В итоге субъект-субъектного взаимодействия удовлетворяются не только запросы потребителя. *С другой стороны*, в отличие от производства материальных благ, выполнение такого рода услуг не связано с отчуждением благ от производителя в пользу потребителя; человек, создающий информационные блага или занятый в сфере образования, не сокращает объем информации, которой располагает, при передаче ее другим людям. Таким образом, продукты подобной деятельности не только невоспроизводимы, но и в значительной степени неотчуждаемы.

Надо отметить, что опережающий рост занятых в сфере услуг и повышение ее удельного веса в валовом национальном продукте ведущих западных стран дают лишь весьма общее представление об истинной направленности главных тенденций современной хозяйственной жизни. На примере изменения численности занятых в основных подотраслях экономики США в 80-е

годы легко проследить, что наиболее быстрыми темпами роста характеризовались именно те отрасли хозяйства, где наиболее выпукло проявлялись черты неэкономического, субъект-субъектного взаимодействия, где в наибольшей степени продукт приобретал индивидуализированный и невоспроизводимый характер (см. таблицу на стр. 246).

Данная таблица дает дополнительное представление о некоторых тенденциях, присущих экономике современных западных стран. С конца 60-х годов темпы роста занятости в материальном производстве приблизительно в 6—7 раз отстают от соответствующих темпов в непроизводственной сфере; если же иметь в виду разрыв между сферой материального производства и сектором собственно услуг, то подобный показатель достигает 13—14 раз. К 1990 году число занятых в непроизводственной сфере составило 77,4 процента совокупной рабочей силы США, а занятых в промышленных отраслях — не более 17 процентов рабочей силы и около 7 процентов всего населения Соединенных Штатов.

Однако эти цифры не содержат принципиально новой информации по сравнению с теми выкладками зарубежных специалистов, которые были приведены нами ранее. Между тем немаловажно, что отдельные отрасли материального производства и непроизводственной сферы можно ранжировать не только по быстроте увеличения числа занятых, но и по степени индивидуализированности и невоспроизводимости создаваемого в них продукта. Более того, можно утверждать, что применение этих двух классификационных принципов дает весьма похожие, если не сказать идентичные, результаты. Первая из групп отраслей — добывающая — характеризуется высокой степенью воспроизводимости и относительной однородностью создаваемых благ. Здесь наблюдается самый низкий показатель прироста занятых: количество рабочих сокращается даже в абсолютном выражении. Второй группе, к которой относятся материальное производство в целом и транспорт, присущи высокая степень воспроизводимости продукта и массовый характер производства: число занятых тут растет не более чем на 1 процент в годовом исчислении. Единственное, но весьма показательное исключение — строительная индустрия, отличающаяся высокой по

сравнению с другими отраслями материального производства индивидуализированностью продукта: темпы роста занятости достигают в строительстве 4 процентов. Следующая группа объединяет все те отрасли непроизводственной сферы, которые не могут быть отнесены непосредственно к субъект-субъектным услугам (human services). В этих отраслях темпы прироста занятости колеблются уже от 4 до 10 процентов. И, наконец, собственно субъект-субъектные услуги устойчиво обнаруживают динамику занятости, выражающуюся в увеличении числа работников более чем на 10 процентов в год.

Третье. Специфическим отражением развития форм человеческой деятельности является изменение системы мотивации активного субъекта, что имеет непосредственное отношение к определению деятельности как труда или как творчества. Западные социологи отмечают целый ряд направлений, по которым осуществляется модификация мотивов современной деятельности. Так, в частности, в качестве весьма значимого момента рассматривается снижение степени отчужденности труда, обусловленное ростом субъект-субъектных взаимодействий в процессе производства и расширением возможностей самореализации в ходе той или иной деятельности[1]. Преодоление отчуждения связывается также с ростом автономности современной деятельности, стремление к которой выступает одним из важнейших на сей день стимулов активного субъекта[2]. Индивидуализация и автономность деятельности, как справедливо подчеркивается многими авторами и подтверждается фактологическими исследованиями, — непременное условие использования современных технологий[3]. При этом возникают элементы замкнутой системы, когда потребность в индивидуализации, заданная научно-техническим прогрессом, вызывает необхо-

[1] См.: *Opaschowski H.W.* Wie leben wir nach dem Jahre 2000? Szenarien uber die Zukunft von Arbeit und Freizeit. Hamburg, 1987. S.15.

[2] См.: *Deutsch R.E.* Tomorrow s Work Force: New Values in the Workplace. // The Futurist. 1985. Vol. XIX. December. P.11.

[3] См.: Best F. Technology and the Changing World of Work. // The Futurist. 1984. Vol. XVIII. № 2. April. P.64.

димость использовать более высококвалифицированный труд, повышение квалификации становится условием того, что работник испытывает немалое удовлетворение от осуществляемой деятельности, что, в свою очередь порождает потребность в самореализации на рабочем месте, которая вновь, уже не извне, вследствие успехов техники, а изнутри, в силу совершенствования личности, требует индивидуализации и автономизации деятельности[1].

Неудивительно, что самыми восприимчивыми к потребностям технического и всякого иного прогресса оказываются наиболее индивидуализированные виды деятельности, обусловленные прежде всего стремлением личности к самосовершенствованию. В чем-то правы те авторы, которые в осторожной форме высказывают предположение, что подобная активность, в значительной степени творческая по характеру мотивации, способна сформировать такую социальную структуру, которой не нужны ни управление, ни правительство, ни государство, ни даже само общество[2]. Не разделяя в полной мере такого рода гипотез, считаем нужным отметить, что *деятельность, воплощающая самовыражение и саморазвитие индивида, является общественной только по своей форме и результатам, но не по своей сущности и предпосылкам.* Это, по-видимому, еще не может означать господство творчества, однако наиболее важной задачей управления в такой гипотетической ситуации можно назвать выявление тех условий, в которых индивид получает максимальные возможности для личностного роста[3], что обеспечивает и максимизацию результатов его деятельности. Итак, важнейшим условием производства становится реализация положения, согласно которому «человек должен быть тем, чем он может быть. Он должен соответствовать своей внутренней природе»[4].

---

[1] См.: *Faunce W.A.* Problems of an Industrial Society. San Francisco, 1968. P.148.

[2] См.: *Kahn H., Wiener A.* The Year 2000. A Framerwork for Speculation on the Next 33 Years. London, 1967. P.199.

[3] См.: *Deutsch R.E.* Tomorrow's Work Force. P.9.

[4] *Maslow A.H.* Motivation and Personality. N.-Y., 1970. P.46.

Как справедливо пишет О.Тоффлер, «труд был грубым и жалким в отраслях Второй волны, даже когда они были высокодоходными. В действительности грубость труда была обязательной составляющей прибылей. Чем больше вы выжимали пота из людей, тем больше денег вы делали. По отношению к Третьей волне верно прямо противоположное. Грубость в процессе работы уже более не является прибыльной — она непроизводительна... Драматизируя различия, мы должны сказать, что в старом массовом промышленном производстве главными были мускулы. В развитых разукрупненных отраслях сегодняшнего дня главным являются информация и творчество. И это решает все»[1]. В отличие от деятельности внутренне мотивированной, самодостаточной, деятельность бессмысленная, не осознаваемая как внутренняя потребность утратила сегодня всякий смысл[2]; в современных условиях решающее значение приобретает именно творческая активность, а творчество становится источником самого себя.

К началу 80-х годов сложилась система мотивации деятельности, действующая с незначительными модификациями и до сих пор. Она убедительно охарактеризована немецким исследователем Ф.Херцбергом, считающим, что мотивация осуществляется через саму работу[3]. Западные ученые, зафиксировавшие тогда это явление, обозначили его с помощью понятия «экспрессивизм», которое «определяется как включающее в себя такие ценности, как творчество, автономность, отсутствие контроля (authority), постановку самовыражения выше социального статуса, поиск внутреннего удовлетворения, стремление к новому опыту (for new experience), тяготение к общности, принятие участия в процессе выработки решений, жажду поиска (adventu-

---

[1] *Тоффлер О.* Будущее труда. // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С.254.

[2] См.: *Opaschowski H.W.* Wie leben wir nach dem Jahre 2000? P.15

[3] Подробнее см.: *Чирков В.И.* Мотивация трудовой деятельности. Критический анализ зарубежных теорий трудовой мотивации. Ярославль, 1985. С.60.

ге), близость к природе, совершенствование самого себя и внутренний рост»[1].

Данное определение, на наш взгляд, вполне приемлемо как интегральное обозначение мотивации деятельности современного типа. Нельзя утверждать, что трудовой процесс в этом случае полностью заменен творческой активностью, однако нужно согласиться с Г.Батищевым, полагающим, что «деятельность целостной личности — это деятельность, социальная необходимость которой обнаруживается в ее собственном свободном творческом устремлении и уже не может выступать как извне диктуемая целесообразность»[2]. Применяя данный тезис к оценке современных форм деятельности в странах Запада, можно охарактеризовать их как элементы деятельности целостной личности — в ее структуре во многом преодолено присутствовавшее ранее отчуждение, и она вполне может рассматриваться как деятельность преимущественно творческого типа.

Надо также подчеркнуть, что любые исследования в данной области неизбежно содержат в себе серьезные элементы субъективизма, что вполне очевидно и легко объяснимо. Признавая, что мотивация творческой деятельности — это мотивация внутренняя, исходящая из специфически понимаемых потребностей субъекта, мы должны согласиться и с тем, что оценка значимости того или иного мотива всегда будет весьма субъективной. Более того. Поскольку признается субъективный характер самого мотива, истиной в последней инстанции будет то, какой мотив человек *сам считает для себя основным*, как он воспринимает свою деятельность. И в силу этого в *современном мире существует столько творцов, сколько людей считают себя таковыми и действуют в соответствии с этим самоощущением.*

Не все западные социологи целиком разделяют такую точку зрения, однако большинство из них констатирует, что трудовая деятельность в постиндустриальных странах во все большей степени принимает

---

[1] *Bezold C., Carlson R., Peck J.* The Future of Work and Health. Dover — London, 1986. P.60—61.

[2] *Батищев Г.С.* Методологические аспекты формирования целостной личности. С.30.

форму, прежде свойственную лишь деятельности, которая осуществлялась в свободное время (leisure activity) и цели которой устанавливались без внешнего принуждения (unsupervised)[1], и с этих позиций противопоставляет рабочее и свободное время. Апелляции к соотношению рабочего и свободного времени настолько широко распространены в западной социологии, что ряд авторов расценивают изменение такого соотношения в пользу последнего как одно из фундаментальных доказательств исчезновения труда[2], что кажется нам весьма поверхностным.

Итак, мы рассмотрели несколько обстоятельств, характеризующих становление творческой деятельности. Первое — это формирование ее предпосылок, что предопределяется снижением роли материального производства в связи с высокой степенью насыщения традиционных материальных потребностей. Второе — изменение форм и характера производственной активности, обусловленное переходом от субъект объектного к субъект-субъектному типу взаимодействия в ходе производственного процесса. И, наконец, третье — кардинальные перемены в системе мотивации деятельности, в результате чего намечается преодоление традиционной трудовой активности и замена ее деятельностью, диктуемой внутренними потребностями индивида. Указанные три фактора — это не этапы становления творческой деятельности в собственном смысле слова, а, скажем так, наиболее значимые характеристики отдельных периодов ее вызревания в рамках высших фаз экономической общественной формации. Однако параллельно с вытеснением труда и замещением его творческой деятельностью — процессом, имеющим первостепенное значение для понимания сущности постэкономической общественной формации, — возникают и иные феномены, бесспорно заслуживающие внимания в той мере, в какой они задают направление прогрессу современного социума.

---

[1] См.: *Argyle M.* The Social Psychology of Work. N.-Y., 1972. P.259.

[2] См.: *Glaser H.* Das Verschwinden der Arbeit. S. 178.

Вторая фундаментальная черта постэкономического состояния: диффузия стоимости

По мере вызревания в высших фазах экономической общественной формации черт формации постэкономической происходит не только постепенное вытеснение труда более высокими формами человеческой активности, но и преодоление собственно экономических отношений. Между тем одним из наиболее важных экономических законов, действующих на всем протяжении вторичной общественной формации, является так называемый закон стоимости, связывающий пропорции товарного обмена с количеством человеческого труда, заключенного в тех или иных продуктах.

Поскольку при анализе самой проблемы *постэкономической общественной формации* мы придерживаемся марксовой методологической схемы, постольку и проблема кризиса стоимостных отношений будет рассмотрена нами как проблема диффузии той *стоимости*, понятие о которой встречается в работах родоначальников марксизма.

Как известно, значение марксовой теории стоимости, завершившей соответствующие исследования в рамках классической школы политической экономии, для марксистской доктрины в целом огромно и непереоценимо. Концепция стоимости связывает воедино два важных структурных блока марксовой теории: с одной стороны, она вытекает из понимания труда как отчужденной человеческой деятельности (и, более того, делает само представление о труде настолько ограниченным, что совершенно справедливым выглядит мнение английской исследовательницы Д.Элсон о том, что в марксизме имеет место не только трудовая теория стоимости (labour theory of value), но и «стоимостная» теория труда (value theory of labour)[1]); с другой стороны, именно на выводах, проистекающих из марксового понимания стоимости, базируются все основные элементы его социальной доктрины и, таким образом, получается, что

[1] См.: *Elson D.* The Value Theory of Labour. // The Representation of Labour in Capitalism. L., 1979.

«вся социальная теория К.Маркса интегрирована с его трудовой теорией стоимости...»[1].

В трудах классиков марксизма можно встретить ряд определений стоимости, рассмотрение которых хотелось бы предварить краткой оценкой общих положений, используемых ими при анализе данной проблемы.

Понятие стоимости они неразрывно связывают с понятием труда. Так, К.Маркс отмечает, что товар имеет стоимость потому, что представляет собой кристаллизацию человеческого труда, имеет его в своей основе[2]. При этом подчеркивается, что стоимость хотя и воплощается в определенной материальной субстанции, «товарном теле», как его называет К.Маркс[3], тем не менее являет собой общественное отношение, возникающее только в условиях известного типа общественной связи между производителями. Как указывает К.Маркс, «стоимость может проявляться лишь в общественном отношении одного товара к другому»[4]. Подчеркивая, что стоимость принимает наиболее за-

---

[1] *Hunt E.K.* Marx's Concept of Human Nature and the Labour Theory of Value. // The Review of Radical Political Economics. Vol. XIV. № 2. Summer 1982. P.25.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С.125.

[3] На наш взгляд, значение фактора вещественной формы товара в марксовой теории сильно преувеличено. Говоря о том, что каждый товар основывается на «веществе природы» и в результате человеческого воздействия на это вещество возникает «товарное тело», К.Маркс излишне акцентирует внимание на вещной форме товара, когда утверждает, что «труд становится стоимостью только в застывшем состоянии, только в его предметной форме» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С.60.) или что стоимость представляется «*предметной* (курсив мой. — *В.И.*) формой затраченного при производстве товара общественного труда» (Там же. С.545.). Делая упор на вещной форме товара, являющегося субстанцией стоимости, К.Маркс существенно ограничивает прогностические возможности своей теории, что особенно хорошо видно при анализе его подхода к проблеме производительного и непроизводительного труда (см.: *Иноземцев В.Л.* К истории исследования проблемы производительного труда в экономической литературе. М., 1991. Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 43691), а также некоторым иным проблемам.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С.56.

вершенные формы в обществе, основанном на товарном производстве как всеобщем явлении, он определяет ее как «овеществленный труд в его всеобщей общественной форме»[1].

Эта трактовка применительно к условиям буржуазного общества еще более категорична. Рассматривая все общественное производство как производство товаров, а рабочую силу — главную производительную силу общества — как обладающую товарной формой, К.Маркс пишет: «По мере того, как обмен товаров разрывает свои узколокальные границы,.. товарная стоимость вырастает в материализацию человеческого труда вообще»[2].

Подобный подход используется им и при анализе иных форм общественного производства. Показав на примере социума с всеобщей товарной экономикой, что именно в этих условиях возникает ситуация, когда любой человеческий труд превращается в труд, создающий стоимость, а та выступает в виде фактически любого овеществленного человеческого труда, К.Маркс распространяет это положение и на другие способы производства. «Определение стоимости, — отмечает он, — вытекает непосредственно не из наемного труда. При определении стоимости речь идет об общественном рабочем времени вообще, о количестве труда, которым вообще может располагать общество и долями поглощения которого отдельными продуктами соответственно определяется их общественный удельный вес»[3]. В данном случае автор, выводя определение стоимости из наиболее развитой формы товарного производства, приходит к заключению о его применимости и к другим общественным формам.

Несколько позднее Ф.Энгельс, анализируя исторические изменения в действии закона стоимости, утверждал, что в своей наиболее «чистой» форме закон стоимости действовал в эпоху, предшествовавшую всеобщему товарному производству и капиталистическому способу производства, но именно в условиях последнего появляются многочисленные модификации стоимости (в

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. 1. С.417.

[2] Там же. Т. 23. С.99.

[3] Там же. Т. 25. Ч. II. С.454.

том числе, например, цена производства), на основе которых и происходит обмен. Мы не ставим здесь своей задачей исследование этих форм. Остановимся на том, что стоимость в самом общем виде представляется классикам марксизма в качестве определенного общественного отношения, возникающего в условиях товарного производства и регулирующего обмен товаров на базе сопоставления овеществленного в них абстрактного человеческого труда.

Обратимся непосредственно к *определениям* стоимости, принадлежащим К.Марксу и Ф.Энгельсу.

К *первому* из них можно отнести формулировку, встречающуюся в одной из ранних экономических работ Ф.Энгельса и не считавшуюся в советский период в полной мере марксистской. Она гласит, что «стоимость есть отношение издержек производства к полезности»[1]. Данный тезис, на наш взгляд, может рассматриваться как определение некоей ценности продукта с точки зрения индивидуального предпочтения отдельного потребителя, однако непосредственно в качестве дефиниции стоимости как отношения, господствующего в основанном на товарном производстве обществе, он служить не может.

Нельзя, однако, не отметить, что проблеме полезности производимого продукта родоначальники марксизма всегда уделяли внимание, особенно возраставшее при рассмотрении ими вопросов будущего социального строя «В будущем обществе, — писал К.Маркс, — где исчезнет антагонизм классов, где не будет и самих классов, потребление уже не будет определяться минимумом времени, необходимым для производства; наоборот, количество времени, которое будут посвящать производству того или другого предмета, будет определяться степенью полезности этого предмета»[2]. Хотя приведенное высказывание напрямую не относится к определению стоимости, оно отражает известную схожесть позиций К.Маркса и Ф.Энгельса в понимании этого вопроса. Можно считать, что упомянутое определение стоимости отчасти воспроизводит в терминах, применявшихся ими в начальный период творчества, положение о том, что

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С.552.

[2] См.: Там же. Т. 4. С.97.

обмен товаров происходит на основе цен производства с учетом общественной потребности в данном товаре, что непосредственно определяет цену, по которой реализуется полученное благо. В целом же указанная дефиниция характерна для раннего периода творчества К.Маркса и Ф.Энгельса.

Второе определение, согласно которому под стоимостью товара понимается общее количество заключенного в нем овеществленного труда[1], представляется наиболее общим. В различных вариантах этого определения акценты делались на разные его стороны: на то, что субстанцией стоимости является только абстрактный труд как элемент, содержащийся в любом процессе человеческого труда; на то, что измерителем величины стоимости выступает не любой труд, а только сведенный к элементарным затратам физической и умственной энергии (так называемый «простой» труд); на то, что под индивидуальными затратами труда в большинстве случаев понимаются затраты, обусловленные общественными условиями производства, и т.д. В целом это определение достаточно четко отражает марксово видение проблемы, но несет в себе мало нового по отношению к тем определениям стоимости, которые давались представителями классической буржуазной политической экономии.

Третье определение стоимости развивает и конкретизирует второе определение. Как отмечает К.Маркс в «Капитале», «стоимость каждого товара определяется количеством труда, материализованного в потребительной стоимости товара, рабочим временем, *общественно* (курсив мой. — *В.И.*) необходимым для его производства»[2]. Данная формула вводится как сама собой разумеющаяся, и в силу этого можно предположить, что третье определение в меньшей степени отличается от второго, чем это может показаться, что оно содержится во втором в неявном виде. Упомянутая дефиниция фигурирует в работах К.Маркса и Ф.Энгельса настолько часто, что можно отметить лишь наиболее значимые

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С.138, 141; Т. 23. С.46, 47, 54, 84, 104, 106; Т. 20. С.191; Т. 22. С.184; Т. 24. С.422; Т. 25. Ч. I. С.188; Т. 25. Ч. II. С.438, и др.

[2] См.: Там же. Т. 23 С.198.

случаи ее использования[1]. В советский период данное определение считалось базовым. С незначительными модификациями оно было перенесено и в политическую экономию социализма, где в качестве эквивалента понятию стоимости широко применялось понятие общественно необходимых затрат труда.

Подход, выраженный в третьем определении, в неявной форме инкорпорирует элемент полезностной оценки. Это наглядно проиллюстрировано К.Марксом в третьем томе «Капитала», где показано, что только то количество продукта, которое отвечает общественной потребности в нем, обусловливает общественно необходимое рабочее время, затрачиваемое на его производство. Поэтому причины, позволяющие рассматривать третье определение как исчерпывающее, выглядели бы достаточно вескими, если бы не существовало еще одного, *четвертого*, определения, включающего в себя все предшествующие и обогащающего их.

Оно связано с исключительно важным моментом в оценке стоимости, а именно: ее величина обусловливается не тем количеством общественно необходимого рабочего времени, которое затрачивается на создание того или иного блага, а тем, которое необходимо для *воспроизводства* товара указанного вида[2], причем «при данном состоянии общества, при данном общественно-среднем уровне интенсивности и искусности применяемого труда»[3].

Кстати сказать, это определение стоимости появляется в трудах основоположников марксизма отнюдь не эпизодически. Конечно, определение стоимости как «отношения издержек производства к полезности» в значительной мере характеризует ранние работы К.Маркса и Ф.Энгельса, а четкие формулировки о величине стоимости, устанавливаемой посредством учета потребности общества в том или ином продукте, как и анализ обмена по ценам производства, присутствуют в более поздних их произведениях. Однако по сути дан-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С.325; Т. 20. С.319; Т. 23. С.47, 168—169; Т. 25. Ч. I. С.99; Т. 25. Ч. II. С.185, 191, 452, и др.

[2] См.: Там же. Т. 23. С.221.

[3] Там же. Т. 16. С.127.

ный подход фактически господствует на протяжении всего периода творчества родоначальников научного коммунизма. В «К критике политической экономии» подобное определение рассматривается в связи с изменениями в техническом базисе капиталистического производства. «Меновая стоимость, например, машины, — пишет К.Маркс, —определяется не количеством рабочего времени, которое она замещает, а количеством рабочего времени, которое затрачено на ее самое и которое поэтому требуется, чтобы произвести новую машину такого же рода»[1].

Аналогичны позиции К.Маркса и в его подходах к определению стоимости рабочей силы. Более того, в этом вопросе он не двигался от определения стоимости как затрат труда на производство товара к определению ее как затрат на его воспроизводство, а непосредственно отталкивался от последнего момента, изначально определяя стоимость рабочей силы через стоимость жизненных средств, необходимых для поддержания жизни рабочего, поскольку данный процесс воспринимался исследователем буржуазного способа производства в качестве предваряющего производство вещных благ. К.Маркс в первом томе «Капитала» (и Ф.Энгельс в своих конспектах) отмечает, что «стоимость рабочей силы определена рабочим временем, необходимым для производства и воспроизводства рабочей силы»[2], а во втором томе прямо распространяет на рабочую силу все закономерности формирования стоимости в товарном хозяйстве: «Как и стоимость всякого другого товара, стоимость рабочей силы определяется количеством труда, необходимого для ее воспроизводства»[3].

Так К.Маркс приближается к пониманию стоимости товара как количества рабочего времени, общественно необходимого для его воспроизводства. Классическое определение стоимости в этом аспекте мы находим в третьем томе «Капитала», где указывается, что «стоимость всякого товара определяется не тем необходимым рабочим временем, которое заключено в нем самом, а рабочим временем, общественно необходимым для его вос-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С.23.

[2] Там же. Т. 17. С.308.

[3] Там же. Т. 24. С.429—430.

производства»[1]. Трактовка стоимости через общественно необходимое рабочее время, которое должно быть затрачено на воспроизводство товара — логическое завершение развертывания формул стоимости в марксовой теории.

Данное определение, вытекая из третьей (имеются в виду проанализированные нами) дефиниции, содержит присущие ему ограничения. Коль скоро речь в нем идет об общественно необходимом рабочем времени, затрачиваемом на производство товара, то это подразумевает, что стоимость ранее произведенного блага, даже если его потребительские свойства не утеряны, обусловливается усилиями, затрачиваемыми на производство аналогичного блага в новых условиях, то есть на его воспроизводство. Когда утверждается, что стоимость товара определяется затратами труда, необходимыми для его воспроизводства, тем самым подчеркивается постоянно повторяющийся общественный процесс воспроизводства и затраты рабочего времени естественно рассматриваются как общественные. Более того. Говоря об общественных затратах труда на воспроизводство продукта, К.Маркс в неявной форме признает подтверждение обществом потребности в данном продукте, и, как результат, оказывается, что величина стоимости связана с общественной полезностью продукта, с тем, какое количество рабочего времени общество считает возможным затратить на его создание. Таким образом, немарксистский характер первого из приведенных нами определений весьма условен. Система марксовых определений стоимости самодостаточна и замкнута, и при принятии ряда теоретических допущений позиция исследователя фактически не поддается аргументированной критике.

Противоречивость марксовой теории стоимости становится если не очевидной, то по крайней мере весьма заметной, в той ее части, где классики марксизма обращаются к анализу хозяйственных систем, возникающих после преодоления капиталистического способа производства. Резкое противоречие между научной и революционной составляющими марксистской доктрины проступает здесь особенно выпукло.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. I. С.153.

Согласно логике К.Маркса и Ф.Энгельса, капиталистический способ производства, основанный на эксплуатации рабочей силы, превращенной в товар, и извлечении прибавочной стоимости, в результате углубления своих внутренних противоречий гибнет, освобождая дорогу социалистическому обществу. В новых условиях на смену хаотичному товарному производству приходит планомерное социалистическое хозяйство, организованное в общественном масштабе. Относительно него Ф.Энгельс замечает, что «непосредственно общественное производство исключает всякий товарный обмен, следовательно, превращение продуктов в товары, а значит, и превращение их в стоимости»[1].

Однако это рассуждение не совсем убедительно. Даже при непосредственно общественном производстве сохраняются существенные обстоятельства, обусловливающие регенерацию стоимостных закономерностей. Сохраняется сам труд как деятельность, направленная на удовлетворение материальных потребностей (ибо полный коммунизм, когда «богатства польются полным потоком», отнесен к результатам, а не к предпосылкам планомерного производства), сохраняется и категория затрат труда, количества рабочего времени, необходимого для воспроизводства того или иного блага, сохраняется даже сам процесс обмена продуктами, ибо в противном случае хозяйство социалистического общества оказалось бы натуральным, то есть развитие отличалось бы заметной регрессивностью. Таким образом, инструменты, делающие затраты общественно необходимого рабочего времени на воспроизводство блага стоимостью, остаются теми же, за исключением одного фактора — стихийности товарного обмена. Но ведь Ф.Энгельс указывал, что закон стоимости действовал и в докапиталистические эпохи, когда степень стихийности обмена была намного меньше, чем при капиталистическом способе производства; и даже К.Маркс признавал, что стоимость так или иначе обусловлена отношением издержек производства к полезности, а обе эти категории отнюдь не элиминируются с устранением товарного хозяйства.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С.320.

Все отмеченные обстоятельства свидетельствуют, что даже при планомерном производстве обмен продуктами будет оставаться условием жизнедеятельности общества вплоть до полного выхода человека за пределы «собственно материального производства», труд останется условием производства продукта, а его затраты станут важнейшим элементом общественной калькуляции, коль скоро они должны быть сопоставляемы с общественной полезностью производимых продуктов. И, наконец, большинство продуктов будет воспроизводимо, ибо новое общество предполагалось построить даже на тех производительных силах, которые были достигнуты еще при жизни классиков марксизма. *Таким образом, общество, основанное на труде, создающем воспроизводимое материальное благо и овеществляющемся в нем в общественно необходимом для воспроизводства продукта размере, предполагающее производство продуктов ради удовлетворения материальных потребностей своих членов, не может быть обществом, в котором естественным путем преодолены стоимостные отношения.* Перспективы построения подобного общества на соответствующем технологическом базисе иллюзорны, и такой социум неизбежно обрекает себя на самоуничтожение. Гигантский исторический эксперимент, начало которому было положено русской революцией — убедительное тому подтверждение.

Итак, мы подходим к пониманию явлений, которые должны сопровождать устранение стоимостных характеристик в рамках постэкономической общественной формации. В связи с этим следует еще раз напомнить условия возникновения стоимости. *Во-первых*, условием возникновения стоимостных отношений выступает товарное производство, то есть производство, предполагающее относительную экономическую обособленность и независимость производителей, а также осуществление хозяйственных связей между ними посредством обмена продуктами их труда. *Во-вторых*, в плане качественной определенности стоимость есть отношение между индивидуальными товаропроизводителями, на основе которого устанавливаются пропорции при обмене благ. *В-третьих*, в плане количественной определенности стоимость представляет собой величину общественно необходимых затрат труда, опосредующих воспроиз-

водство товара того или иного типа. Эти три обстоятельства являются фундаментальными для теории стоимости. Все это, разумеется, было отмечено советскими авторами, но дальше общих рассуждений о том, что соответствующие изменения в экономической жизни могут вызвать модификацию стоимостных отношений, их исследования не продвинулись.

Между тем существуют именно такие хозяйственные изменения, которые действительно могут устранить стоимостные закономерности. Принимая во внимание рассмотренные выше условия формирования стоимости, можно выделить три вида подобных изменений. *Первое.* Стоимостные отношения могут быть ликвидированы при формировании такой системы организации народного хозяйства, при которой движение благ в масштабах всего общества осуществляется по заранее разработанной схеме (что, заметим, даже при нынешних технических достижениях невозможно). *Второе.* Стоимостные отношения могут быть преодолены (хотя и частично) вследствие невозможности количественного определения стоимости, когда исчезает сама *воспроизводимость* значительного количества благ и исчисление затрат на их *воспроизводство* становится нереальным; причиной тому может быть как развитие производства мелкосерийных и уникальных благ, так и прогресс в производстве информации и расширение сферы субъект-субъектных взаимодействий, о чем уже говорилось. *Третье* — и это наиболее принципиальный и радикальный путь решения проблемы, — *стоимость может быть окончательно устранена с ликвидацией самого труда, являющегося ее субстанцией*; в этом случае обмен благами полностью утрачивает свой стоимостной характер и начинает базироваться на иных, не определяемых сегодня с достаточной точностью, принципах.

Преодоление стоимостных отношений посредством внедрения планово организованной экономики крайне сомнительно. В лучшем случае удастся избавиться от некоторых формальных проявлений закона стоимости или до неузнаваемости исказить пропорции обмена; большего здесь добиться нельзя. Единственной возможностью преодолеть стоимостные закономерности на основе планирования является аналогичная попытка, осуществляемая на базе производительных сил, выводящих

человека за пределы материального производства. Но если такое выведение мыслится без использования социалистической плановой экономики, то смысл ее внедрения теряется сам собой. Поэтому магистральный путь, ведущий к устранению закона стоимости, лежит вне организации планового хозяйства.

Этот путь связан с развитием постэкономической общественной формации, базирующейся на замене трудовой деятельности творческой. Этапы преодоления стоимостных отношений отчасти близки этапам становления творческой деятельности. Однако прежде чем перейти к их анализу, следует убедиться, что труд и стоимость связаны между собой именно в той степени, какой это предполагает марксова концепция. Забегая вперед, скажем, что внимание К.Маркса к труду как источнику стоимости в целом оправданно, хотя, на наш взгляд, не собственно труд служит источником соизмеримости благ.

Старый методологический спор между приверженцами трудовой теории стоимости и маржиналистами иногда кажется неразрешимым, а позиции сторон — несовместимыми. Первые утверждают, что, поскольку все произведенные блага — результат человеческой деятельности и воплощение ее же энергии, они сопоставимы на основе соизмерения затрат общественно необходимого для их производства рабочего времени. Вторые не менее обоснованно полагают, что значение того или иного продукта для человека и общества обусловлено потребностью в нем или даже ее актуальностью; считая действия человека по производству того или иного блага заведомо разумными и направленными на достижение полезности, эти теоретики убеждены, что полезность товаров — не менее важный их соизмеритель, нежели труд.

Итак, труд оказывается не единственным критерием сопоставимости благ. Полезность тоже не является ее единственным критерием. Если же признается, что критериев сопоставимости товаров может быть, по крайней мере, более одного, то это означает, что их может быть сколько угодно. *Между тем существует возможность доказать, что труд — важнейший источник сопоставимости благ. Для этого необходимо, во-первых, показать, что труд не является окончательной причиной такой сопоставимости, однако*

именно в нем заложен ее внутренний источник, и, во-вторых, обосновать тот факт, что, будучи основан на этой первопричине, труд включает полезностный критерий как свою составную часть. Подобным образом данная проблема в советском обществоведении не ставилась.

Здесь уместно еще раз напомнить, что труд — ответная реакция человека на воздействующие на него материальные факторы. Его сущность заключается в преодолении довлеющей над человеком внешней необходимости. Поэтому величина затрат труда в любом случае тесно коррелирует со степенью актуальности того или иного его вида, то есть со степенью потребности человека в каком-либо благе. Как справедливо заметил К.Маркс, количество труда, затрачиваемого на производство блага, определяется значимостью общественной потребности в нем.

Таким образом, все производимые людьми продукты объединяет то, что они в разной степени отражают давление природы на человека, обусловливающее создание соответствующих благ ради обеспечения воспроизводства и прогресса цивилизации. *Именно то, что все создаваемые человечеством блага являются естественной ответной реакцией человека на окружающий мир, и делает их едиными по своей сути.* В данном случае труд служит не причиной сопоставимости благ, а лишь *средством, которым указанная выше первопричина актуализирует себя в процессе человеческого бытия.*

Следует также указать, что категория полезности высвечивает другую сторону этой же проблемы. Внешняя материальная необходимость выступает предпосылкой к достижению блага; *труд* является средством преодоления такой необходимости, его величина, овеществленная в созданном продукте, отражает степень внешней необходимости, обусловившей трудовую деятельность человека; *полезность* же характеризует продукт труда не с точки зрения его предпосылок или самого процесса, а с точки зрения результата, признания человеком или обществом его значимости. Отсюда вывод: если *труд* является *средством* преодоления материальной необходимости, то *полезность* представляется *мерой* ее преодоленности и определяется только по завершении процесса производства, только a posteriori.

Проанализированная схема позволяет выяснить реальное соотношение категорий труда и полезности. Это понятия примерно равного уровня абстракции; ниже лежит понятие материальной необходимости, существующей для человека как некая данность; выше — категории стоимостного обмена и другие аналогичные понятия, с помощью которых возможна количественная оценка человеческой деятельности. Сама необходимость продуктивной деятельности является в данном случае наиболее глубинной характеристикой; труд как инструмент оценки собственно деятельности и полезность как инструмент оценки ее результата — однопорядковые категории. Полезность естественным образом дополняет понятие труда с точки зрения его результата; значит, какого-либо иного, дополнительного обстоятельства, которое могло бы унифицировать продукты деятельности, нет.

Все это подтверждает справедливость тех методологических основ, на которых К.Маркс построил свою теорию стоимости. Труд действительно может быть рассмотрен в качестве основы стоимости, хотя и не является наиболее глубинной причиной сопоставимости благ. Как следствие, преодоление стоимости возможно лишь путем устранения самого труда и замены его более высоким типом человеческой активности.

Преодоление стоимостных отношений происходит, на наш взгляд, в два этапа. На *первом* из них в итоге развития материального производства, повышения степени разнообразия создаваемых благ и расширения доли сферы услуг становится невозможным количественное изменение стоимостей и обмен в соответствии со стоимостными характеристиками, может быть скорее исключением, нежели правилом. На *втором* этапе осуществляется непосредственная замена трудовой деятельности творческой, в результате чего стоимость утрачивает и свою качественную определенность.

В советский период в пределах марксистской традиции появились исследования, авторы которых отметили целый ряд обстоятельств, связанных с первым из обозначенных нами этапов кризиса стоимостных отношений, однако большая часть выдвинутых ими тезисов носила паллиативный характер и была ограничена рамками примитивно понимаемого марксова определения стоимости.

Изменение численности занятых в отраслях экономики США, 1948—1990 гг., в тыс. человек

Годы	Добывающая промышленность	Обрабатывающая промышленность	Транспорт и коммунальное хозяйство	Строительство	Торговля	Финансы	Услуги
1948	994	15 582	4 189	2 198	9 271	1 800	5 181
1953	866	17 549	4 290	2 659	10 247	2 111	5 835
1958	751	15 945	3 976	2 717	10 750	2 481	6 765
1963	635	16 995	3 903	3 010	11 778	2 830	8 277
1968	606	19 781	4 318	3 350	14 099	3 337	10 567
1973	642	20 154	4 656	4 097	16 606	4 046	12 857
1978	851	20 505	4 923	4 229	19 514	4 724	16 252
1983	952	18 434	4 954	3 958	20 881	5 468	19 699
1988	713	19 350	5 527	5 110	25 132	6 649	25 669
1989	700	19 426	5 648	5 200	25 851	6 734	27 096
1990	736	19 081	5 849	5 196	26 214	6 853	28 356
Общий прирост	-25,96%	+22,45%	+39,62%	+136,35%	+182,75%	+280,66%	+447,30%
Темпы прироста	-0,61%	+0,53%	+0,94%	+3,24%	+4,33%	+6,68%	+10,64%

Источник: «Employment and Earning», Washington, US Bureau of Labor Statistics. 1990, № 9. Table b—1. P. 73.

Например, еще в 70-е годы возникла точка зрения, согласно которой (и этот подход вполне согласуется с четвертым из рассмотренных нами марксовым определением стоимости) стоимостные закономерности оказываются действенными в условиях только тех хозяйственных систем, в рамках которых производство благ носит массовый характер, а объемы такого производства зависят исключительно от экономических законов. М.Солодков писал в связи с этим, что «трудовая теория стоимости применима только к товарам, производство которых не может быть ограничено никакими обстоятельствами. К таким товарам относятся товары, производимые в отраслях материального производства»[1]. Другой известный наш экономист, Я.Певзнер, отмечал: «...Характер стоимостных отношений определяется характером воспроизводимости основных частей общественного богатства, специфическими чертами динамики их производства»[2].

Советские авторы не поднялись выше подобной трактовки, ограниченной двумя обстоятельствами. С *одной стороны*, попытка связать рассмотрение сферы проявления стоимостных отношений с воспроизводимостью благ была обусловлена исключительно характером и актуальностью дискуссии о производительном и непроизводительном труде, о сфере материального производства и непроизводственной сфере, которая активно велась в те годы среди советских экономистов. Тот же М.Солодков указывал, что «произведения искусства являются продуктами духовного производства и как таковые они не воспроизводимы, в отличие от товаров»[3]. В данном случае нет и намека на анализ нетрудового характера деятельности в непроизводственной сфере;

---

[1] *Солодков М.В., Крылов Л.С.* Методология исследования производительного труда при капитализме. М., 1974. С.142.

[2] *Певзнер Я.А.* Государственно-монополистический капитализм и теория трудовой стоимости. М., 1978. С.129.

[3] *Солодков М.В., Крылов Л.С.* Указ. соч. С.142, примеч. Нельзя не отметить, что автор весьма оригинально подходит к пониманию сути товара, полагая, судя по всему, что воспроизводимость — характерная черта товара, что вряд ли верно: товаром может считаться и невоспроизводимое благо, если оно создано в условиях, когда налицо предназначенность его к обмену.

все рассуждения сводятся только к констатации высокой степени индивидуализированности создаваемых в ней продуктов, и не более. *С другой стороны*, попытка Я.Певзнера также весьма нерешительна, ибо он ведет речь исключительно о том, что подобного рода сдвиги изменяют лишь характер стоимостных отношений, но не о том, что они преодолевают (пусть и не полностью) сами стоимостные характеристики. Доминирование именно такого подхода подтверждается также и тем, что объектом исследования советских авторов становятся в первую очередь внешние стороны стоимостных закономерностей. К примеру, Я.Певзнер, отмечая, что «невоспроизводимость, отсутствие «эластичности вверх» на стороне предложения»[1] является важнейшей чертой производства индивидуализированного продукта, рассматривает сквозь призму данного обстоятельства только проблему *формирования* цен на соответствующие блага.

Такая позиция советских марксистов объясняется отчасти и тем, что в СССР и странах восточного блока уровень развития производительных сил, характер мотивации деятельности и степень самореализации активного субъекта в его основной профессиональной деятельности в 70—80-е годы были гораздо менее совершенными, чем в постиндустриальных государствах. Именно поэтому теоретики останавливались всякий раз там, где необходимо было признать преходящий характер самого труда как вида деятельности, и строили паллиативные конструкции, временно помогавшие уходить от данного вопроса. По мнению отечественных авторов 70-х годов, труд в сфере искусства «является творческим, несравнимым и неповторимым трудом... не воплощается в общественно необходимый труд и не уравнивается с трудом других товаропроизводителей»[2]; «в данном случае затраты труда на соответствующий объект не имеют отношения к квантификации его полезности, ибо речь идет о труде такого качества, который не поддается разложению на простой, средний труд, лежащий в основе измерения стоимости»[3].

---

[1] *Певзнер Я.А.* Указ. соч. С.132.

[2] *Николов И.* Кибернетика и экономика. М., 1974. С.110.

[3] *Певзнер Я.А.* Указ. соч. С.133.

Позиции советских исследователей, наряду с той ограниченностью, которая обусловливалась элементами марксовой доктрины, отражали в целом ситуацию, характерную для первого этапа кризиса стоимостных отношений, когда основным фактором подрыва стоимостных пропорций становилось развитие производства уникальных и невоспроизводимых благ.

Отличительная черта *второго* этапа кризиса стоимостных отношений — вытеснение труда как вида деятельности творчеством. Теоретическим отражением данного процесса в западной литературе можно считать противостояние позиций известного футуролога Т.Стоуньера и социолога Ш.Бэйлина. В середине 80-х годов Т.Стоуньер попытался создать альтернативную теорию стоимости, избрав ее субстанцией не трудовую деятельность, не затраты труда, а собственно знание, затраты информации[1]. При этом футуролог определял информацию таким образом, что становилось фактически невозможным отделить понятие информации от понятия умственных усилий. Он показал, что информация как источник стоимости обладает многими характеристиками, ставящими ее в один ряд с трудом; по его мнению, информация, как и труд, способна обеспечивать возрастание и самовозрастание стоимости, и т.д. В данном случае мы видим лишь попытку модификации стоимостной теории, основанную на перенесении акцента с труда физического на труд умственный, и не более. В отличие от Т.Стоуньера Ш.Бэйлин, исследователь теории творчества, пишет: «...Признание отсутствия непрерывности, отсутствия заданности в творческом процессе является основой *общепризнанного* (курсив мой. — *В.И.*) положения, что ценность продуктов творчества не может быть объективно установлена»[2]. Подобная позиция представляется нам гораздо более справедливой, так как продукт творчества вызван к жизни таким процессом деятельности, который не носит экономической определенности и не детерминируется соображениями материальной целесообразности.

---

[1] См.: *Stonier T.* The Wealth of Information. A Profile of Post-Industrial Economy. L., 1983.

[2] Bailin Sh. Achieving Extraordinary Ends. An Essay on Creativity. Dordrecht, 1988. P. 128

Как мы только что отмечали, стоимость возникает как отражение усилий человека по преодолению его зависимости от внешних материальных факторов, в то время как носитель стоимости — вещный результат труда — оказывается средством преодоления таковой зависимости. В случае, когда мы имеем дело с продуктом творческой деятельности, совершенно очевидно, что ее целью может выступать только самосовершенствование личности самого активного субъекта, а таковой продукт стоимостными характеристиками обладать не может. Материальное благо, информация или услуга, выступающая как бы побочным результатом творческого процесса, не может быть оценена в стоимостных характеристиках не только потому, что данный продукт уникален и невоспроизводим, но в первую очередь ввиду нетрудового характера заключенного в нем человеческой деятельности.

В данном случае мы приходим к пониманию весьма важной проблемы, носящей переходный характер и относящейся как к сфере хозяйственной жизни и экономических категорий, так и к сфере личностной, наполненной категориями психологическими. Так как отнесение человеческой деятельности к сфере труда либо творчества определяется исключительно самосознанием действующего субъекта, то оказывается, что на современном этапе развития производительных сил и на современном уровне самоидентификации активного субъекта проблема стоимостной природы продукта деятельности в значительной степени зависит от того, как воспринимает каждый конкретный деятельный субъект характер своей деятельности.

Данное положение не столь парадоксально, каким оно кажется на первый взгляд. Интерпретированное в категориях индивидуального и общественного интереса, что будет предпринято несколько позже, оно представляется не только вполне логичным, но и совершенно очевидным.

В отличие от первого этапа кризиса стоимостных отношений, где при утрате традиционных пропорций обмена сохраняются основные фундаментальные черты товарного хозяйства, а именно: труд продолжает доминировать как основной вид человеческой деятельности, материальный результат трудовой деятельности продолжает оставаться ее целью, и присутствует, пусть и в значительно деформированной и видоизмененной форме, возмездность обмена, в период второго из выделяе-

мых нами этапов экспансия творческой деятельности проявляется на поверхности явлений в двух основных формах: с одной стороны, устраняется возмездность обмена, и материальные стимулы продолжают играть определяющую роль в системе мотивации деятельности; с другой стороны, и это будет рассмотрено нами позже, преодолевается отношение эксплуатации, отношение, в значительной степени становящееся следствием существования экономической системы, проявляющемся на субъективном уровне. На втором этапе кризиса стоимостных отношений закон стоимости не может рассматриваться как реально функционирующий (пусть и с определенными модификациями), так как полностью устраняется как субстанция стоимости, каковая есть труд, так и формы проявления стоимостных отношений, причем не только массовое производство воспроизводимых благ, но и само создание материальных ценностей, выступающее целью процесса деятельности.

С развитием второго этапа кризиса стоимостных отношений непосредственно связан и период окончательной деградации экономической общественной формации как фазы общественного развития. Оказываются разрушенными фактически все фундаментальные черты данной формации, и основные закономерности социального прогресса формируются под воздействием в первую очередь совершенствования личности отдельных членов общества, изменений в мотивационной системе деятельности и так далее. На первый план выходят чисто психологические проблемы, и прогресс отдельных личностей оказывается определяющим фактором социального прогресса. Поэтому картина становления экономической общественной формации окажется неполной, если не будут рассмотрены проблемы, связанные с изменением системы интересов и ценностей человека постэкономической общественной формации.

Третья фундаментальная черта постэкономического состояния: преодоление эксплуатации

Вся социальная доктрина марксизма — от теории формационного развития цивилизации до доктрины стоимости — пронизана гуманистическим духом, унаследо-

ванным от европейских философов века Просвещения. В той или иной степени каждый ее элемент так или иначе направлен на обоснование возможности создания более совершенного, более справедливого общества, причем *справедливость социального устройства напрямую связывается основоположниками марксизма с устранением эксплуатации человека человеком, существующей во всех классовых обществах.*

Однако, как это ни странно, феномен эксплуатации, который рассматривается в марксизме в качестве главного зла социального устройства, изучен в рамках марксовой теории далеко не полностью. Возможно, одной из существенных причин этому является то состояние экономической общественной формации, которое наблюдал К.Маркс, и которое не позволяло ему сделать выводы, кажущиеся сегодня едва ли не очевидными.

Так или иначе, основоположники марксизма рассматривали эксплуатацию как характерную черту любого классового общества. Начиная с азиатских деспотий и завершая капиталистическим способом производства — всюду видели они элементы эксплуататорских отношений. При этом следует отметить, что четкого определения эксплуатации в марксизме дано не было. Гораздо легче прослеживалась суть того конфликта, в котором воплощались отношения эксплуатации на уровне групповых и классовых интересов. Еще А.Смит указывал, что «их (рабочих и предпринимателей. — *В.И.*) интересы отнюдь не тождественны. Рабочие стремятся получить как можно больше, а хозяева — дать как можно меньше»[1]. Великой заслугой К.Маркса, и это подчеркивают все его последователи, стало открытие закона прибавочной стоимости и определение природы того излишка продуктов, который присваивает класс буржуа. Согласно постулатам марксизма, прибавочная стоимость возникает за счет априорно постулируемой способности рабочей силы создавать стоимость большую, нежели та, которой она сама обладает. Стоимость же самой рабочей силы определяется исходя из общих определений стоимости товара — затратами общественного необходимого рабочего времени на создание

[1] *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1964. С. 126.

благ, потребление которых позволяет рабочему восстанавливать и воспроизводить свою рабочую силу.

То рабочее время, в течение которого работник воспроизводит стоимость благ, необходимых ему для поддержания своей рабочей силы в состоянии, в каком она вовлекается в процесс производства (с учетом всех социальных условий соответствующей страны и соответствующего периода развития капиталистического способа производства) называется К.Марксом необходимым рабочим временем, а то, которое затрачивается сверх данного периода деятельности и приносит прибыль буржуа — прибавочным. Соответственно и создаваемый в первую из отмеченных часть рабочего дня продукт квалифицируется как необходимый, а во вторую — как прибавочный. Несколько останавливаясь на данном пункте, следует отметить, что основоположники марксизма неоднократно говорили в отношении первых классовых обществ, что в подобных социумах у работника изымается не только прибавочный продукт, но и часть необходимого.

При этом указывается, что эксплуатация присутствует как в первом, так и во втором случае, речь идет лишь о ее степени. Однако логично предположить, что, коль скоро введено само понятие необходимого и прибавочного продукта, то переход проведенной между ними грани должен являться чем-то большим, нежели чисто количественным изменением степени эксплуатации. *Здесь возникает первая проблема, не получившая достаточно полного освещения в рамках марксистской теории.*

С другой стороны, К.Маркс и Ф.Энгельс отмечают, что эксплуатация может быть устранена непосредственно с устранением капиталистического способа производства, устранение которого фактически тождественно устранению экономической общественной формации. Средством такого преобразования выступает вторая в истории человечества социальная революция. Однако К.Маркс прекрасно понимает, что на первоначальных этапах строительства коммунистического общества переход к принципу распределения по потребностям невозможен, а принцип распределения по труду предполагает в явной или неявной форме необходимость отчуждения определенного количества благ с целью обеспечения потребностей всего общества как социального целого.

Как отмечается им в «Критике Готской программы», помимо изъятия части общественного продукта в связи с необходимостью осуществления расширенного воспроизводства, из «оставшейся части... вычитаются... Во-первых, общие, не относящиеся непосредственно к производству издержки управления... Во-вторых, то, что предназначается для совместного удовлетворения потребностей, как-то: школы, учреждения здравоохранения и так далее... В-третьих, фонды для нетрудоспособных...»[1]. Таким образом, К.Маркс вполне отчетливо признает, что часть прибавочного продукта в условиях социалистического общества изымается обществом в пользу специально учреждаемых социальных институтов, функционирующих (или долженствующих функционировать) в интересах всех его членов.

Между тем известно, что в условиях азиатских империй изъятие прибавочного (и части необходимого) продукта производилось именно государством, которое затем распределяло этот продукт в соответствии с потребностями общества (понимаемыми в большинстве случаев не как потребности трудящихся классов). Тот факт, что каста жрецов или аристократия потребляли огромные богатства, являлся естественным с точки зрения существовавших в тот период представлений об общественном устройстве. Признавая данное присвоение прибавочного продукта обществом в целом (с преимущественным распределением его в пользу господствующих классов) эксплуатацией, мы не можем, оставаясь последовательными, признать отсутствие эксплуатации в рамках социума, в котором происходит целенаправленное изъятие части прибавочного продукта в пользу коллективных общественных институтов. Такова *вторая проблема, с которой сталкивается концепция эксплуатации в ее марксистской интерпретации.*

Как бы то ни было, мы считаем возможным констатировать, что марксова концепция эксплуатации является сугубо *количественной*, что она не дает представления о самом источнике эксплуатации, о явлениях, вызывающих ее к жизни, о соподчиненности интересов,

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 17.

предполагающей данное явление, о путях и методах ее эффективного преодоления.

На наш взгляд, сущность эксплуатации как общественного отношения может быть всесторонне исследована только с точки зрения тех социальных и групповых интересов, вне которых не существует и само данное отношение. Речь идет прежде всего о противоположности интересов трудящихся и так называемых «праздных» классов и методах поддержания общественной стабильности в условиях подобной противоположности.

Методы эти хорошо описаны основоположниками марксизма. При анализе вторичной общественной формации К.Маркс и Ф.Энгельс вполне отчетливо разделяли периоды господства внеэкономического и экономического принуждения к труду. Мы остановимся несколько ниже на странности самой указанной формулировки, отметим сейчас лишь то, что под первым понималось применение к трудящемуся прямого и неприкрытого насилия, а под вторым — создание таких условий, при которых деятельность представителей низших классов не могла протекать в формах, не являющихся наиболее присущих капиталистическому способу производства. Главы первого тома «Капитала», посвященные первоначальному накоплению капитала, прекрасно показывают процесс становления такого рода системы.

Между тем исследования основоположников марксизма, акцентировавших свое внимание на специфических чертах экономической общественной формации, оставили без должного внимания те черты сходства, которые имеют место в процессах эксплуатации — как проводящейся внеэкономическими, так и экономическими методами. Как мы помним, К.Маркс говорил даже о том, что труд, который в условиях раннеклассовых обществ был повинностью, исполняемой под угрозой прямого насилия, то при капиталистическом строе «труд уже стал свободным во всех цивилизованных странах»[1], что должно подчеркнуть неразрывную связь труда как отчужденной деятельности с отношениями частной собственности, вполне сформировавшимися в условиях капиталистического способа производства. Между тем

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. С. 242.

намного более важным, на наш взгляд, обстоятельством является тот очевидный факт, что отчужденный характер труда обусловлен не столько его связью с системой частнособственнических отношений, сколько *самим внешним характером побудительного мотива деятельности, которым характеризуется труд*.

Приняв во внимание подобную обусловленность, мы сможем легко осознать, что изъятие продукта деятельности само по себе не является эксплуатацией. *Эксплуатацией становится только отчуждение результата такой деятельности работника, при которой работник считает данный результат целью этой деятельности*. Продолжая данное рассуждение, приходим к совершенно очевидному выводу о том, что, коль скоро труд обусловлен внешним побудительным мотивом деятельности и направлен на освобождение человека от давление на него внешней материальной необходимости посредством создания материальных благ или условий их создания, то последние заведомо являются целью трудовой активности. Их изъятие у трудящегося субъекта в любых обстоятельствах — как при азиатском способе производства, так и в условиях социализма — будет субъективно восприниматься им как эксплуатация, как угнетение, как прецедент социальной несправедливости[1].

Таким образом, *эксплуатация не может быть преодолена в результате изменения отношений распределения, не может быть устранена на основе реорганизации классовой структуры общества, сколь бы глубокими ни оказались соответствующие изменения*. Отчуждение от непосредственного производителя части продуктов его деятельности в том случае, если именно материальные блага являются целью его активности неизбежно становится фактором эксплуатации. А коль скоро указанная система мотивации деятельности обусловливает существование той формы человеческой активности, которую мы обозначили как труд, то оказывается совершенно очевидным, что преодоление эксплуатации может быть осуществлено исключительно

[1] Подробнее см.: *Иноземцев В.* Эксплуатация: объективная данность и феномен сознания. // Коммунист. 1991. № 10. С. 8—17.

как обратная сторона процесса устранения самого труда как основного вида человеческой деятельности.

Более того. Именно на примере преодоления эксплуатации можно наблюдать наиболее интересные стороны развития социума периода становления постэкономической общественной формации. Когда мы говорили о развитии тенденции к расширению сферы творчества, было отмечено, что в процессе преодоления труда огромное значение приобретает фактор субъективного восприятия индивидом собственной деятельности как мотивированной утилитарными потребностями, связанными с «воспроизводством своей материальной жизни», либо же как свободной творческой активности, направленной на совершенствование самого себя. Несмотря на то, что понятия труда и творчества, как и сами данные процессы, диаметрально противоположны, самоосознание активного индивида в качестве трудящегося или творящего субъекта на первый взгляд, казалось бы, не имеет прямого отношения к складывающимся принципиальным общественным отношениям и к направленности развития хозяйственных систем.

Между тем именно вопрос о трудовом либо творческом характере деятельности является основным для определения путей совершенствования социумов сегодняшнего дня, причем его практическое преломление осуществляется именно через проблему эксплуатации. Осознание человеком своей деятельности как внутренне свободной не устраняет проблему распределения прибавочного продукта как *социальную проблему, как проблему воспроизводства частей общественного богатства*; указанные выше потребности общества как целого продолжают и вечно будут продолжать поддерживать необходимость отчуждения части продукта на удовлетворение общественных нужд; между тем понимание творческого характера деятельности преодолевают данное противоречие *как личную проблему, как проблему собственной самоидентификации и проблему отношения индивида к социальной структуре.*

Трем этапам развития человеческой цивилизации, первый из которых характеризовался доминированием инстинктивной предтрудовой деятельности, второй — господством труда, и третий — замещением труда творческой активностью, имманентно присущи три типа индивидуальных интересов и три типа их соподчинения,

три типа конституирования результирующего социального интереса. В первом случае каждый конкретный человек еще оставался частью живой природы, не идентифицируя самого себя как отдельного деятельного субъекта. В этом состоянии сложно говорить об индивидуальном интересе вообще; в случае же рассмотрения данного вопроса можно констатировать, что определяемый инстинктами «интерес» каждого конкретного субъекта аналогичен соответствующему «интересу» любого другого члена сообщества. Таким образом, все «интересы» как бы равновелики и равнонаправленны; поэтому подобная общность исключительно устойчива и, как показывает история человечества, воспроизводима фактически в неизменном виде на протяжении десятков тысяч лет. *Данное состояние человечества* можно рассматривать как *дообщественное состояние*, хотя для традиционного понятийного аппарата социологической теории странной кажется формулировка о дообщественном человечестве.

Формирование сугубо общественной формы социальной связи стало возможным только с формированием труда. Феномен эксплуатации появляется там и тогда, где и когда возникает труд как процесс, осознанной целью которого выступает материальное благо. Ограниченность материальных благ, очевидная на ранних ступенях прогресса человечества и не преодолеваемая в полной мере даже в условиях зрелого состояния экономической общественной формации, обусловливает ситуацию, при которой *любое изъятие части производимого продукта, в чью бы пользу оно ни производилось, не может не восприниматься трудящимся субъектом как противоречащее основной цели его деятельности, как эксплуатация*. Между тем, так как потребности всего сообщества человеческих существ как единого целого существовали всегда, перераспределение части производимых благ в пользу старейшин или немощных членов рода происходило и до превращения человеческой деятельности в труд в собственном смысле этого слова. Поэтому можно утверждать, что труд как осознанная деятельность, направленная на создание и присвоение материальных благ, экономический интерес, формирующий основы отношений собственности, и эксплуатация как неизбежное следствие любого перераспределения продуктов в исторических рамках эпохи

трудовых отношений, возникли одновременно и являются естественными чертами того состояния человечества, которое мы называем привычным для социологов словом «*общество*». *Общество*, на наш взгляд, может быть в сторогом соответствии с принятой нами методологией определено исключительно как *совокупность людей, объединенных противоречивостью их материальных интересов*. В этом моменте мы в определенной степени повторяем позицию Ж.-Ж.Руссо, который пусть несколько наивно, но вполне правильно и образно утверждал, что тот человек, который первым произнес слова: «Это мое!», стал истинным основателем гражданского общества.

Таким образом, если применить примитивную математическую аналогию, можно получить следующую картину: в дообщественном состоянии, когда люди были управляемы инстинктами, унаследованными ими из биологического мира, все их «интересы» являлись как бы векторами, равными по величине и направлению и находящимися в единой плоскости. Результирующая данных векторов не отличалась по направленности от каждого из них, в силу чего соподчинения интересов как такового не существовало, отсутствовали противоречия между интересами, а соответствующая система не несла в себе источника развития, находящегося в сфере производственных отношений. Единственным источником прогресса в дообщественном состоянии являлось противоречие между биологическими потребностями людей и крайне несовершенными средствами их удовлетворения. На следующем этапе развития, при возникновении общества, в условиях, когда прогресс производительных сил, вызванный ранее отмеченным противоречием, обеспечил, с одной стороны, достижение того уровня благосостояния, при котором возникли предпосылки появления «прибавочного» продукта, и, с другой стороны, дал возможность осуществления производительной деятельности в относительно автономном режиме, что способствовало отделению в сознании индивида результата собственной деятельности от результата деятельности других членов общности, возник индивидуальный материальный интерес, не тождественный примитивным, обусловленным инстинктами, «интересам» других людей. Продолжая следовать нашей математической аналогии, можно указать, что все ин-

тересы в данной ситуации остались в той же плоскости, что и ранее (то есть направлены на достижение материального благосостояния), однако они оказываются с определенного момента как разновеликими, так и разнонаправленными. Естественным образом возникает и результирующий вектор интереса, который символизирует интерес общества в целом, однако совершенно очевидно, что этот интерес может полностью соответствовать интересу отдельного члена социума лишь по причине чистой случайности. Процесс субординации интересов и является процессом жизнедеятельности общества, сама реализация материальных интересов, происходящая через взаимодействие с окружающим миром, называется нами трудом, а воздействие социума на трудящегося индивида с целью любого перераспределения создаваемых им благ выступает в качестве эксплуатации.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем возможным преодоление эксплуатации единственно вместе с преодолением труда и с устранением общественного типа связи между индивидами. При этом следует отметить, что процесс превращения труда во внутренне свободную деятельность, в творчество, является содержанием всей той исторической эпохи, которая обозначается нами как постэкономическая общественная формация.

На протяжении этой эпохи могут быть прослежены этапы преодоления эксплуатации, в значительной мере аналогичные этапам преодоления самого труда. Уже сегодня марксовы методы оценки степени эксплуатации оказываются фактически исчерпанными не столько в связи со сдвигами в структуре общественного производства, сколько вследствие нарастания количества уникальных и невоспроизводимых благ, в результате чего ни стоимость самих этих благ (являющихся результатами производства), ни стоимость рабочей силы (воспроизводство которой требует потребления данных благ во все возрастающих количествах) не представляются исчислимыми. Таким образом, идеи К.Маркса о количественных оценках степени эксплуатации оказываются лишенными их реального содержания. Между тем, как известно, доктрина социальной революции пролетариата в марксизме основана именно на признании того, что существенная часть рабочего времени непосредственного производителя безвозмездно присваивается капиталис-

том вместе с прибавочной стоимостью. Так как задачей социальной революции ставилось не устранение прибавочного продукта вообще, а *чисто количественное изменение пропорций его распределения, в результате чего у производителя изымался бы только тот прибавочный продукт, который используется на нужды всего общества, а не удовлетворяет потребности праздных классов*, то сама такая задача сегодня с очевидностью снимается с повестки дня, так как не существуют реальной возможности с уверенностью констатировать, что подобная цель уже не достигнута в современных постиндустриальных обществах. Следовательно, уже на нынешнем этапе общественного прогресса «объективистская», количественная, сторона процесса эксплуатации представляется в значительной мере преодоленной.

Одновременно с ростом индивидуализированности производимых благ в масштабах всего человечества ориентиры и цели деятельности постепенно смещаются от традиционных материальных стимулов, достаточно легко поддающихся экономической оценке, к иным видам мотивов, такой оценке, как правило, не поддающимся. Сегодня еще нельзя утверждать, что совершенствование собственной личности является не только единственной, но даже основной целью, которую ставит перед собой большинство наших современников. Последнее может быть достигнуто только в рамках состояния, целиком основанного на творчестве. Однако фактор общественной значимости того или иного вида деятельности, признания ее результативности становятся основополагающими элементами системы мотивации современной человеческой активности. Это показывает не только возрастание роли субъективного фактора в развитии общества, но и роли оценок деятельности каждого конкретного индивида со стороны других людей. Роль этих межсубъектных оценок, которая сегодня весьма велика, будет несомненно расти и в будущем.

Поэтому в нынешних условиях проблема эксплуатации, как никогда ранее, не сводима только к одной, объективистской ее стороне. Будучи тесно связанной с целью, которую ставит перед собой человек в процессе деятельности, она не может быть обнаружена только на основе анализа ее вещных результатов. Говоря же о целеполагании, мы сразу оказываемся в кругу проблем

индивидуальной психологии. Эксплуатация, чисто количественное измерение которой усложняется пропорционально степени развитости современных хозяйственных систем, подрывается окончательно только тогда, когда исчезает субъективное восприятие постоянно воспроизводящегося противоречия между материальными интересами отдельных индивидов.

Если продолжить нашу примитивную математическую аналогию, то с экспансией творческой деятельности интересы сначала отдельных индивидов, а затем и значительной части членов общества как бы выпадают из той плоскости традиционных материальных интересов, в которой находились все стремления людей экономической эпохи. В этом случае удовлетворение экономических интересов одних людей за счет присвоения продуктов творчества других не воспринимается и не может быть воспринято этими последними как эксплуатация, так как не возникает конфликта между удовлетворением материальных потребностей «эксплуататоров» и осуществлением целей, которые ставят перед собой «эксплуатируемые». Более того. С того момента, как возникают индивидуальные интересы, не связывающие деятельность отдельных субъектов с ее материальными результатами, изменяется и система ориентиров во всем обществе, так как результирующий интерес социума пусть медленно и очень нерешительно, но с непреодолимой силой смещается в сторону от традиционной экономической плоскости, что демонстрирует постепенное нарастание постэкономических тенденций.

Когда все потребности отдельных членов общества оказываются отражены целями разного уровня и разными по своей сути, когда объект, являющийся для одного человека вожделенной целью, для другого оказывается мимолетным, побочным результатом его самосовершенствования, то самого факта отчуждения произведенного блага становится недостаточно для фиксации отношений эксплуатации. Именно этот путь преодоления данного явления, столь ненавидимого гуманистами всех времен и народов, и является основным для человечества, вступающего на путь, ведущий его к становлению постобщественного состояния. Отчуждение части продуктов человеческой деятельности всегда сопровождало и всегда будет сопровождать человечество, как абсолютно необходимое для обеспечения его нор-

мального существования. Поэтому единственно возможным является преодоление эксплуатации не в ее объективно-экономическом, а в ее субъективно-нравственном аспекте, тем более что таковой и является наиболее принципиальным для современного человечества. Данный путь преодоления эксплуатации совпадает с магистральным направлением прогресса человечества в сторону возрастания роли и возможностей личности, причем одного субъективного преодоления эксплуатации достаточно для того, чтобы никогда впредь изъятие части продукта у его создателей не оказывало своего прежнего разрушительного воздействия на всю систему межчеловеческих отношений.

Двести лет назад идеологи Великой французской революции говорили: властители и короли кажутся нам великими только потому, что мы сами стоим на коленях; поднимемся же! Эксплуатация воздействует на общественные отношения до тех пор, пока большинство людей с их утилитарными потребностями являются винтиками единой машины, всецело зависимыми от воли другого человека, организации или государства. Так же, как в условиях массового производства материальных благ действуют в полной мере открытые К.Марксом и Ф.Энгельсом закономерности стоимостных пропорций обмена, так и феномен эксплуатации имеет почву лишь в условиях массового производства человека, в условиях экономической эпохи, эпохи неиндивидуализированного сознания.

Человек не может стать свободным раньше, чем он почувствует себя способным им стать; эксплуатация не может быть преодолена раньше, чем в индивидуальном сознании не будут преодолены в качестве единственных и основных цели обретения материального благосостояния, имманентным атрибутом достижения которых она является. Последнее не есть проповедь нищеты и морального совершенствования, так как реальное, а не мнимое освобождение сознания от факторов, связанных с ролью материального производства и его результатов, может произойти только в том случае, если эти факторы в ходе естественного хозяйственного прогресса превратятся из первоочередных во второстепенные.

***

Таковы основные черты постэкономической общественной формации, какими они видятся нам с учетом современного состояния трансформирующегося социума. Концепция постэкономической общественной формации, ее разработка и совершенствование представляются нам сегодня весьма существенными в силу целого ряда обстоятельств.

Во-первых, рассмотрение современных обществ Запада как примеров становления постэкономического общества позволяет понять как истинные направления движения подобных обществ, так и оценить степень их жизнеспособности и степень преодоленности основных социальных конфликтов, имевших место в условиях экономического состояния общества. На сегодняшний день мы можем характеризовать прогресс западных обществ как процесс эволюционного развития постэкономической общественной формации, замещающей формацию экономического типа и подготавливающей преодоление социальных форм связи между индивидами и становление постобщественного состояния человечества. Следует отметить, что достигнутый в области организации производительных сил прогресс изменил современные производственные отношения и модифицировал цели, выдвигаемые индивидами в ходе их деятельности, столь кардинальным образом, что существенные потрясения на основе *экономических* противоречий в современных постиндустриальных обществах представляются нереальными. Последнее, естественно, не означает, что в современном мире преодолены также и противоречия расовой, национальной, идеологической или религиозной природы.

Во-вторых, концепция постэкономической общественной формации показывает, что попытки революционного устранения социальных отношений экономической общественной формации, предпринятые на основе изменения поверхностных общественных форм, заведомо обречены на неудачу. Несмотря на то, что попытки революционного слома капиталистического способа производства — высшей ступени развития экономической общественной формации — являются ес-

тественными с точки зрения общей исторической динамики, таковые не могут привести осуществившие их народы к достижению постэкономического состояния иначе, чем через обеспечение прогресса технологий и создания условий максимально полного самовыражения личности составляющих данных общества индивидов. Практическое же осуществление таких попыток в странах Восточной Европы показало, что социалистическая система не смогла противопоставить системе западной ничего, что смогло бы не только осуществить выдающиеся технические достижения нынешнего столетия, но и обеспечить их усвоение обществом таким образом, который способствовал бы формированию новых мотивационных систем большей части его членов.

Между тем, в-третьих, концепция постэкономической общественной формации, построенная нами в строгом соответствии с марксовым принципом выделения трех больших общественных формаций, показывает общую справедливость марксовой исторической доктрины. Вряд ли существует настоятельная необходимость решительного отрицания марксовой теории общественных формаций, которая в ее первозданном виде достаточно комплексно и завершенно описывает становление и развитие цивилизации, обеспечивая при этом весьма совершенный теоретический и терминологический инструментарий для корректных и обоснованных оценок существующего положения вещей. Необходимо лишь, с одной стороны, не принимать за марксову теорию ее позднейшие примитивные интерпретации, и, с другой — не рассматривать марксизм как единственно верную теорию среди бесчисленного множества заблуждений. Данная концепция может быть вполне непротиворечиво соединена с некоторыми методологическими основаниями современных социологических и футурологических систем Запада, после чего окажется весьма действенным инструментом анализа основных тенденций, существующих в сегодняшнем мире. Тенденции же эти однозначно показывают возрастающую степень гуманизации современных обществ, их естественное движение к тому состоянию, которое в течение столетий оставалось недостижимой мечтой лучших представителей человечества.

Заключение

Человеческая цивилизация являет собой динамично развивающийся объект научного познания, объект, эволюционирующий вместе с прогрессом наших знаний о нем и в определенной степени даже под воздействием последнего. На протяжении тысячелетий люди пытались понять природу изменений сообщества себе подобных, вне которого жизнь каждого индивида была бы невозможна. Потребовались титанические усилия сотен поколений, чтобы в сознании человечества сформировались более или менее совершенные представления о развитии общества, законах его эволюции и перспективах прогресса.

Как уже говорилось, всю историю становления системы знаний об обществе и его перспективах можно разделить на три этапа. На *первом* из них близость человека к природе, его зависимость от нее воспринимались людьми как настолько неоспоримая данность, что человечество вполне естественно ассоциировалось с частью природы. Подобное «растворение» человека в мире определенным образом компенсировалось «очеловечиванием» и этого мира, восприятием его как разумного существа, одухотворенного самим Богом. Эта эпоха не знала понятия прогресса, а вся историческая динамика представлялась людям не более чем движением по кругу, не отмеченным ни одной сколь-нибудь характерной точкой. *Второй* этап развития исторической мысли уже начал различать в процессе эволюции человеческого рода некую направленность; были обозначены как исходный, так и конечный пункты истории; однако созданная таким путем искусственная ограниченность исторического времени привела к существенным деформациям в оценке каждого нового периода прогресса, свидетелем которого выступал автор очередной доктрины. Весь процесс совершенствования человеческого рода стал жестко подразделяться на периоды «до» и «после», причем границей «водораздела» становился тот исторический момент, в который разрабатывалась та или иная социаль-

ная доктрина. И, наконец, *третий* период, когда доминирующей оказалась диалектическая концепция развития, укоренил представление об обществе как о самостоятельной форме развития материи, открытого и в прошлое, и в будущее, проходящего несколько стадий, вычленяемых в соответствии с принципом закона отрицания отрицания.

Диалектический характер развития самого человеческого сообщества отразился в диалектическом характере смены исторических доктрин: от теорий, изображавших человечество одной из частей природы, по законам своей эволюции не выделяющихся из других ее составляющих, через теории оторванности общества от природы, его исторической закрытости — к концепциям, утверждающим становление общества из законов природы, появление специфических закономерностей социальной жизни и проповедующим открытость истории, ее нацеленности в будущее.

Между тем диалектика общественного прогресса предусматривает не только то, что история развивается согласно закону отрицания отрицания и перехода количественных изменений в качественные; она предполагает, что, *во-первых,* современный любому исследователю период не должен рассматриваться как предел социума, но в и, *во-вторых*, социум как таковой не должен рассматриваться в качестве предела эволюции форм человеческого общежития. Все эти обстоятельства требуют весьма кропотливой оценки с теоретической и даже терминологической точек зрения, поскольку с позиции сегодняшней социальной теории они во многом выглядят парадоксально. Посвятив каждую часть нашего исследования в той или иной степени преодолению кажущейся парадоксальности подобных утверждений, мы попытаемся в Заключении суммировать некоторые тезисы и выводы.

Человек, которого авторы самых различных социальных доктрин считали существом по своей природе социальным, *таковым не является.* Человеческое существо стало результатом развития материального мира, следствием естественного отбора, протекавшего в соответствии с закономерностями биологического порядка. В итоге этой эволюции у человекоподобных существ сформировался ряд признаков, которые и характеризуют человека как биологический вид.

Главная особенность Homo sapiens (человека разумного) — способность выделять самого себя из окружающего мира и воспринимать его как нечто внешнее. Благодаря этой способности он может различать в окружающем мире объекты как обладающие как определенными чертами сходства так и, напротив, отличиями. Сознательно группируя объекты внешнего мира, человек приобретает умение наделять их некими общими чертами, отграничивать характерные черты одного объекта от него самого и переносить их на совокупность подобных объектов в целом. Возникающая, таким образом, предпосылка *абстрактного мышления* знаменует собой величайшее отличие человека от других представителей животного мира. Абстрактное мышление позволяет ему осознать причинно-следственные связи, существующие в мире, подняться над общим принципом post hoc, ergo propter hoc и в конечном счете достичь понимания собственного места в окружающем мире.

Следует особо подчеркнуть, что становление человека как существа, способного абстрактно мыслить, вычленяя самого себя из окружающего мира, осознавать внешнюю необходимость и совершать действия, в процессе которых с помощью специально созданных орудий добиваться заранее намеченного материального результата, не идентично становлению человека как социального существа. В течение весьма продолжительного периода — целой исторической эпохи — человек обладал зачатками абстрактного мышления и проявлял себя в разумных действиях, однако не был социальным существом.

Общество возникает там и тогда, где и когда совокупность инстинктов как основного побудительного мотива деятельности полностью вытесняется разумной реализацией собственного материального интереса, причем этот последний неизбежно становится главной движущей силой для каждого конкретного индивида, составляющего общество. Однако в том случае, когда материальные интересы всех членов некоей группы оказываются абсолютно идентичными (хотя предположить подобную ситуацию крайне сложно), *общность* людей еще (или уже) не является *обществом* в том понимании, какое мы вкладываем в данный термин[1]. Гипотетический характер возникновения такой ситуации в условиях складывающейся цивилизации, когда жизнь

человека в каждый момент представляла собой непрекращающуюся борьбу за существование, позволяет утверждать, что *формирование осознанных материальных интересов людей является процессом, идентичным процессу становления человеческого общества.*

Однако, поскольку материальные интересы в условиях заведомой нехватки благ не могли не противоречить друг другу, социальный организм изначально строился *на противоречиях этих интересов*, причем именно их борьба и создавала основу общественной организации. Как мы уже отмечали, *общество оказалось совокупностью людей, объединенных противоречиями их материальных интересов.*

Это обстоятельство принципиально важно для уяснения хода и направленности эволюции человеческой цивилизации. Утверждая именно такое понимание общества, допустимо предположить, что в исторической перспективе возможно преодоление принципов общественной организации. Таковое может стать действительностью, во-первых, когда реализация материальных интересов каждого конкретного индивида ни при каких условиях не вступит в противоречие с реализацией аналогичных интересов других индивидов (что кажется фактически неосуществимым, ибо человечество вряд ли может поставить перед собой цель достичь такого состояния, при котором количество производимых материальных благ будет несоизмеримо превосходить все разумные потребности людей); во-вторых, когда сами интересы, движущие людьми, перестанут быть *материальными интересами, обусловленными материальными потребностями*, и основным мотивом человеческой деятельности будет стремление к совершенствованию собственной личности. В данном случае мы сталкиваемся с феноменом, который можно назвать постсоци-

---

[1] Определение общества, таким образом, исключает все нематериальные основы социального объединения. Известная формулировка св. Августина: общество есть «множество разумных существ, объединенных согласием относительно вещей, которые они любят» (St. Augustinus. De civitate Dei, XIX, 24), на наш взгляд, может быть применена только к более высокому, нежели собственно общественному, объединению людей, только к постсоциальному состоянию человечества.

альным состоянием человечества, поскольку закономерности, справедливые для социума, на этом этапе исторической эволюции уже не действуют.

Итак, человек не является исключительно общественным существом в том смысле понятия «общество», которое нами принимается. Он представляет собой высшую форму биологического мира, в которой этот последний как бы отрицает сам себя, давая жизнь более высокой форме; вполне адекватно воплощает социальную систему, основанную на формализации противоречий материальных интересов и развивающуюся в результате борьбы и соподчинения этих интересов; и, наконец, знаменует наступление более высокой, постсоциальной, фазы, закономерности которой на сегодняшний день не могут быть в полной мере исследованы. Поэтому не следует полагать, что социальные законы естественны и неизменны, что человечество вечно обречено существовать в рамках ранее открытых закономерностей.

Социальность человека, не являющаяся, таким образом, его сущностной чертой, представляется нам скорее *формой развития* человеческих существ на пути от чисто животных форм активности к постсоциальному состоянию, которое объективно сменяет эпоху общества (при этом и постсоциальное состояние не надо рассматривать как естественное для человека или как наиболее отвечающее его внутренней природе). Наступление постсоциального состояния столь же естественно, как само возникновение человека, как подчиненность его в определенный период развития материальным потребностям и игре материальных интересов. В этом отношении постсоциальная эпоха не более совершенна и справедлива, чем досоциальная и социальная эпохи, ибо категории совершенства и справедливости, выработанные в рамках исторического периода подобного масштаба, применимы только в его пределах.

Досоциальная, социальная и постсоциальная эпохи существенно отличаются не только разными формами соподчинения и взаимодействия интересов, разными мотивами человеческой деятельности и разными формами общения, но и вытекающими из данных обстоятельств различными типами этой деятельности. Развитие ее форм на протяжении всей истории человечества проходит периоды полной зависимости от окружающего прир-

одного мира, псевдосвободного вида деятельности и, наконец, свободной (исключительно в сравнении с сегодняшним днем) активности.

В условиях досоциальной эпохи мотив деятельности не был отделим от самого активного субъекта. Более того. Этот мотив инкорпорировался в действующего субъекта сугубо биологическим образом и функционировал на инстинктивном уровне, что отвечало преимущественно биологической сущности человека того времени. Соответствующее состояние объективно подрывалось развитием человеческого интеллекта; с ростом способности к абстрактному мышлению, с усложнением системы целеполагания и конкретизацией причинно-следственных связей человек осознавал не только относительную независимость (непричастность) себе подобных от окружающего мира, но и относительную независимость самого себя от остальных людей. Осознание собственных потребностей на уровне, более совершенном, нежели сугубо биологический, неизбежно приводило к появлению особого материального интереса, выделявшегося из общей массы унифицированных стремлений. Как только это происходило, суммарный вектор интересов того или иного сообщества отклонялся от первоначального курса, и возникали, с одной стороны, противоречия интересов, которым и суждено было сыграть главную роль в материальном прогрессе человечества, а с другой — средства смягчения данных противоречий и предотвращения их деструктивного воздействия на сообщество в целом. Таким образом, с появлением деятельности, осознанно нацеленной на реализацию определенного материального интереса, и началось становление социума в собственном смысле этого слова.

Сама эта деятельность, хотя и основывалась на *осознанной материальной необходимости*, вряд ли может быть названа свободной. Ее сущность — преодоление довлеющей над человеком внешней необходимости, создание условий, в которых он смог бы реализовать себя в иных, кроме направленных на собственное освобождение от влияния среды, формах деятельности. Поэтому деятельность, цель которой состоит в реализации материальных интересов индивидов, следует рассматривать как формирование предпосылок свободной деятельности, как деятельность псевдосвободную. В нашем анализе мы назвали данный ее вид *трудом*.

Труд как основной вид деятельности человека конституирует покоящееся на его базисе человеческое сообщество в качестве *социума*. Однако сама трудовая деятельность проделала достаточно долгий путь своего становления и совершенствования.

На *первом* этапе эволюции труда, когда инстинктивная деятельность была заменена целесообразной, человечество столкнулось с крайней ограниченностью материальных благ и отсутствием тех институтов, которые могли быть присущи только развитым формам трудовой активности. В результате противоречия материальных интересов приняли наиболее резкие формы, а необходимость поддержания целостности зарождающегося общественного организма породила жесткие, а зачастую и жестокие формы социальных отношений. Единственным способом распределения благ и обеспечения стабильности общественных систем стало насилие, широко применявшееся в первые тысячелетия цивилизации не только в отношениях между государствами и социумами, но и в повседневной организации *хозяйственной* жизни. На данном этапе развития имели место противоречия материальных интересов, деятельность большинства членов социума, безусловно, носила трудовой характер, но еще не было создано системы, основанной на принципах саморегуляции. Труд находился в зародышевой форме: с одной стороны, в результате трудового процесса индивиды удовлетворяли свои материальные потребности (что справедливо даже в том случае, если мы говорим о труде рабов), с другой же — далеко не всегда цель трудового процесса задавалась непосредственно трудящимся субъектом, нередко ее определяли другие члены общества.

Коренной перелом связан с универсализацией труда, с появлением возможности присвоения индивидом части общественного продукта в соответствии с тем значением, которое придавалось его труду остальными членами общества. С этого момента начинается *второй* этап эволюции труда, когда труд выступает уже в качестве деятельности, цель которой задается в первую очередь непосредственно самим трудящимся субъектом. Естественно, речь не идет о резкой исторической грани между первой и второй эпохами: период перехода занял тысячи лет, однако сам процесс был неизбежен и необратим. Наиболее адекватной формой оценки об-

щественной значимости трудовой деятельности стал процесс обмена ее продуктами, который, возникнув в некоторых секторах экономики, постепенно приобрел исключительную роль. На этом этапе общественного прогресса, объединяющем отчасти азиатскую и античную, а в гораздо большей мере — феодальную и индустриальную эпохи, человеческий труд выступает в форме *экономической* деятельности, наиболее адекватной своей природе, а пропорции обмена, степень развитости отдельных отраслей общественного производства, а также основные социальные закономерности регулируются в большей или меньшей мере степенью признания обществом важности того или иного вида трудовой активности.

Третий этап эволюции труда наступает с того момента, когда он начинает утрачивать черты утилитарности и всеобщности, когда общество становится неспособным оценить все его виды с точки зрения сводимости их к однородному простому труду, а также продукты различных видов труда с единых позиций общественной значимости. Предпосылкой данного этапа служит высокий уровень развития производительных сил, что позволяет отказаться от стремления максимизировать производство благ посредством их примитивизации и открывает возможности создания индивидуализированных продуктов и таких материальных благ, которые фактически невоспроизводимы ввиду высокой квалификации их творцов. Само материальное производство на этой ступени социального развития отодвигается на второй план перед созданием предпосылок такого производства: генерированием информации и технологий. Одновременно человеческая деятельность приобретает большее разнообразие, а материальные стимулы, традиционно занимавшие основное место, уступают его иным мотивам, в частности тяге человека к постижению нового, к собственному совершенствованию как личности. *Экономический* тип деятельности становится неэффективным; возникают возможности для постепенного замещения самого труда как такового более высоким типом деятельности.

Три этапа развития трудовой активности соответствуют трем основным эпохам эволюции социального организма. Центральную из них, когда трудовая деятельность в ее наиболее завершенном виде

определяет главные черты социальной структуры, мы вслед за К.Марксом называем *экономической общественной формацией.* Предшествующий период, характеризующийся становлением адекватных трудовой деятельности общественных отношений, может быть определен как *доэкономическое* состояние общества; а тот отрезок истории, на протяжении которого происходит деструкция основных закономерностей базирующегося на трудовой деятельности социума, мы именуем *постэкономической общественной формацией.*

Экономическая общественная формация наиболее полно отражает основные закономерности социальной жизни человека. Прогресс цивилизации в рамках данной формации означает рост степени свободы человека, снижение роли неэкономического воздействия на него со стороны социума в целом. Важнейшей формой социальной связи между индивидами становится связь между ними как производителями специфических благ. Блага эти могут либо иметь, либо не иметь материальную форму, однако их объединяет то, что они предназначены не только для собственно производителя, но и для других членов общества. Движение же благ внутри общественного целого осуществляется на принципах товарного обмена в соответствии со степенью актуальности общественной потребности, породившей производство того или иного товара. Степень актуальности потребности обусловливает количество общественно необходимого рабочего времени, как бы выделяемого социумом на создание блага. В процессе производства люди затрачивают значительные усилия, и материализованный в товарах труд (его количество зависит опять-таки от степени общественной полезности продукта) оказывается субстанцией *стоимости* — наиважнейшей характеристики товара в условиях господства принципов экономической общественной формации.

Стоимостные отношения, пронизывая все составляющие общественного целого, олицетворяют торжество принципов экономической общественной формации, демонстрируют обретение трудом своих наиболее адекватных форм. Кризис экономической общественной формации, кризис трудовой деятельности и кризис самой социальной формы общения индивидов исторически возникают там и тогда, где и когда наблюдается кризис стоимостных отношений. Будучи более поверхност-

ными, чем собственно труд, стоимостные характеристики вступают в период своей деградации задолго до того, как становится очевидной тенденция к замене труда более высоким типом человеческой активности. Получая особенно полное развитие в период господства массового производства, предполагающего сведение всех форм труда к простому механическому действию, стоимостные отношения отражают закономерности индустриальной эпохи, само предназначение которой — устранить недостаток унифицированных материальных благ, постоянно сопровождавший людей в предыдущие исторические периоды. Когда же технический прогресс и экспансия производства дают человечеству возможность удовлетворить традиционные материальные потребности и сами вызывают появление новых, когда условием даже чисто *экономического* процветания становится отказ от массового производства, казавшегося непременным атрибутом *экономической* эпохи, тогда стоимостные закономерности начинают претерпевать существенные модификации, за которыми на самом деле скрывается факт утраты стоимостными характеристиками их роли как основных показателей общественного производства.

Количественная неопределенность стоимости невоспроизводимых и уникальных благ, удельный вес которых в общей массе товаров стремительно нарастает, отражает более глубинный процесс, а именно — изменение характера деятельности, овеществляемой в соответствующих продуктах. В отличие от предельно экономизированной деятельности прошлого активность сегодняшнего дня содержит элементы иного типа мотивации, существенной чертой которой является стремление личности реализовать себя в создании чего-то качественно нового — будь то продукт, технология или информация. С этого момента не только *производство*, но и *потребление* становится индивидуализированным, возникает система связи между ними, разрушающая принципы экономического общества.

Указанные выше процессы обусловливают становление *постэкономической общественной формации*, и значимость данного явления в наши дни еще адекватно не оценена. Человечество оказывается на рубеже формирования новой социальной структуры, которая до сих пор не прогнозируется ни на уровне ее базисных элемен-

тов, ни на уровне источников ее саморазвития, ни на уровне основных противоречий и отношений. Подобная ситуация во многом весьма опасна, поскольку никогда прежде общество не сталкивалось с проблемой столь системной трансформации. Переход от *доэкономической общественной формации* к *экономической* осуществлялся в условиях, когда человечество не было единым целым, а сами люди даже не осознавали значения и последствий подобного изменения. Переход от одного способа производства к другому в рамках *экономической общественной формации* представлял собой последовательное углубление противоречий товарного хозяйства и развитие трудовых отношений, опосредуя становление наиболее совершенных форм данной общественной формации. Ныне мы оказались перед качественно новым сдвигом: переходя от труда к творческой деятельности, от экономической оценки благ к индивидуализированной, от относительно привычных социальных отношений к совсем неизвестным их формам, человечество рискует потерять основные ориентиры, определявшие его развитие на протяжении всей истории.

Дополнительный драматизм современному положению дел придает и то, что *постэкономическая общественная формация*, в отличие от *формации экономической*, не базируется на некоей комплексной социальной структуре, не построена вокруг конкретного основополагающего отношения или принципа. В то время как экономическая общественная формация являет собой систему отношений, порожденных господством в обществе трудовой деятельности, а ее развитие идентично процессу обретения трудовой деятельностью своих наиболее завершенных форм, постэкономическая формация, отрицающая основанную на труде хозяйственную систему, ориентирована на творческую деятельность, *в той же мере постсоциальную, в какой инстинктивная деятельность доэкономической общественной формации оставалась по своей природе досоциальной, то есть биологической*. Следовательно, постэкономическая общественная формация, будучи последней общественной формацией, вместе с тем является исходным состоянием постсоциального организма. И подобно тому, как принципы, господствовавшие в доэкономическую эпоху, были удовлетворительным образом исследованы только с позиций понимания

закономерностей экономической общественной формации, то есть ставшего социального целого, так и принципы постэкономической общественной формации могут быть в полной мере изучены лишь после всестороннего исследования законов и отношений постсоциальной эпохи. Невозможность же познания последних обусловливает невозможность адекватного изучения закономерностей постэкономического состояния общества. Методы экстраполяции, столь привычные для традиционных научных изысканий, оказываются неприменимыми к задачам сегодняшнего дня, что еще более подчеркивает значимость исторических перемен, перед которыми ныне стоит человеческая цивилизация.

Данную ситуацию можно легко себе вообразить, использовав в качестве иллюстрации так называемый «принцип холма». Человечество в дообщественном состоянии находилось как бы у подножия холма и не знало ничего иного, кроме равнины, строение которой не имело ничего общего со строением гор. Развитие общественного состояния можно представить как движение по склону холма в направлении его вершины. Хотя многое на этом пути менялось — и скорость прогресса, и некоторые формы его проявления, — один принцип оставался неизменным: цивилизация шла от низших форм *общественной* организации, основанных на использовании *экономических* закономерностей, к высшим формам *общественной же* организации, тоже основанной на использовании тех же *экономических* закономерностей. И если философы античного времени не могли и подумать о том, что возможна иная, кроме наблюдавшейся ими, форма общественной организации, то ученые средневековья уже не считали современный им строй чем-то незыблемым и нерушимым, стремились сквозь присущие ему черты разглядеть пусть и туманные, но все же заметные перспективы грядущего. И такое предвидение было возможно, ибо в недрах каждого этапа общественной эволюции вызревали черты нового ее этапа: доэкономическая общественная формация сменялась системами античного и азиатского типа, эти последние замещались феодальными порядками, а внутри них зарождались основы буржуазного способа производства.

Черты постэкономической общественной формации, которая в нашем сравнении может рассматриваться как

вершина горы, тоже вызревали в недрах капиталистического способа производства. Их становление было настолько эволюционным, что фактически прошло незамеченным для исследователей, акцентировавших внимание на революционных переломах общественного прогресса. Внешние черты постэкономической общественной формации сегодня достаточно легко наблюдаемы, но при этом остаются скрытыми основные движущие силы развития данной общественной формации.

Сущность постэкономической общественной формации состоит в преодолении закономерностей формации экономической, а значит, и закономерностей социальной формы движения как таковой. Однако весь предшествующий исторический опыт базируется на том, что преодоление чего-то старого является в гораздо большей мере становлением некоей новой реальности. Это положение справедливо и для переживаемого нами сейчас периода. Преодоление сугубо экономических закономерностей, столь присущих буржуазному обществу в классическом понимании данного термина, безусловно, означает становление новой формы человеческого общения, утрачивающего оттенок собственно социальности. Прогресс современного человечества не определяется чисто экономическими отношениями, как не определяется он и отношениями собственно социальными. И поэтому движение через вершину холма осуществляется как бы за счет некоей силы, источник которой нам пока неизвестен, ибо в полной мере его можно постичь только тогда, когда человечество совершит скачок в состояние, названное нами постсоциальным.

Все отмеченное выше указывает лишь на то, что человечество ныне наряду с невиданным прогрессом производительных сил, обеспечивающим динамичную модернизацию производства, экспансию творческой деятельности и индивидуализацию создаваемых благ, может потенциально столкнуться с действием самых неожиданных дестабилизирующих факторов, природа которых сегодня также не выглядит по-настоящему проясненной. Речь идет об этнических, национальных, региональных, экологических и иных проблемах, встающих перед цивилизацией. В настоящее время подобные проблемы оказывают более ощутимое воздействие на судьбы человечества, чем когда-либо прежде, и причина этого кроется в неструктурированности современных социаль-

ных систем, развивающихся в направлении самых значительных трансформаций в своей истории.

Существенные элементы нестабильности обусловлены также и тем, что экономическая общественная формация породила гигантские проблемы, связанные с неравномерностью материального прогресса в различных регионах земного шара. Правда, последние десятилетия с их технологической экспансией, активным проникновением новейших технологий в страны Юга и распадом восточного блока, открывающими простор для относительно быстрого сокращения столетиями укреплявшихся диспропорций, дают определенные надежды на то, что комплекс указанных проблем будет разрешен уже в первой половине XXI века. Это служит также одним из подтверждений того, что постэкономическая общественная формация будет наиболее всеобъемлющей из всех общественных форм, какие когда-либо знала история, формой, завершающей своим становлением само общественное состояние человечества.

Очевидная трудность адекватного понимания принципов саморазвития нового типа человеческой организации обусловливает необходимость обращения в первую очередь к проблемам не столько социальным, сколько личностным, не столько экономическим, сколько психологическим. Как говорил И.Кант, есть только две вещи, удивляться которым не перестанет человеческий род, — звездное небо над нами и нравственный закон в нас самих. Преобразовав природу и использовав ее дары в собственных целях, максимально усовершенствовав среду обитания и решив насущные материальные проблемы своего бытия, человечество неизбежно должно обратиться к процессам и закономерностям качественно иного порядка, поскольку именно они будут управлять движением новой цивилизации.

Преодолевая ограничения, существовавшие в период господства экономической общественной формации, человечество вступает в качественно новую эпоху своего развития. Субъектом этого периода прогресса цивилизации становится уже не социум как таковой, не общность людей, тесно спаянных материальными интересами и совершающих набор простых действий в силу необходимости удовлетворить свои насущные потребности, а совокупность индивидов, каждый из которых непо-

вторим не только в своих действиях и поступках, но и в их в мотивах, способах осуществления.

На протяжении тысячелетий выдающиеся мыслители стремились приблизить время, которое характеризовалось бы властью разума над природой, властью морали над страстями, властью права над грубой силой. От святого Августина до теоретиков века Просвещения философы стремились доказать не только другим, но и самим себе, что род людской связан узами согласия, что природа человека несет в себе положительное начало, что божеством или природой в него заложен источник добродетели, а зло и порок не есть особые субстанции, но суть лишь отступления от блага. Сегодня, когда человечество вплотную приблизилось к подобному состоянию (пусть и далеко не идеальному, но вполне отвечающему достаточно смелым мечтаниям идеалистов прошлого), оказывается, что это последнее выступает не основой интеграции общественного целого, а важнейшим инструментом развития индивидуализма, именно разрушающего это целое как *общественное*.

Выходя за пределы материальных запросов, избавляясь от субъективно воспринимаемого феномена эксплуатации, понимая собственную деятельность как свободную от внешнего принуждения, человек неизбежно начинает осознавать, что *его стремление к достижению согласия с другими себе подобными членами общества было порождено не его внутренней природой, а, напротив, условиями его существования, препятствовавшими реализации этой внутренней природы. Оказывается, взаимопонимание и согласие с другими людьми, согласие и примирение с целым обществом не заменяют и не могут заменить высшего типа согласия — внутреннего согласия с самим собой.*

Развитие нового типа человеческой общности начинается с того момента, когда индивид достигает понимания превалирующего значения внутреннего, имманентного ему мотива над внешним, ему чуждым. Еще в VI веке известный теолог Лактанций писал: «Узрите справедливость. Примите ее, если можете, и поместите ее в глубины сердца своего, и да не смущает вас, что это сложно и противоречит идеалам времени. Выбросьте из сердца своего все дурные мысли и желания, и тогда золотой век немедленно вернется к вам, ибо никоим

образом вы не сможете достигнуть его, кроме как посредством почитания истинного Бога». Какой бы наивной и условной ни казалась данная проповедь, в ней содержится неповторимая по своему богатству и актуальности идея — каждый человек достигает высших ступеней совершенства тогда, когда он сам, свободный от обстоятельств и духа времени, выбирает себе моральные ориентиры и действует в соответствии с внутренними устремлениями.

При этом внутренняя мотивация не всегда должна вызывать именно активное действие; творческий характер субъекта может проявляться как в действии, так и в отказе от него, что, обусловливается внутренними посылками. Анатоль Франс в романе «Восстание ангелов» приводит впечатляющий пример подобного рода бездействия. Книгу, повествующую о подготовке заговора темных сил, слуг Люцифера, против Господа, венчает сцена, в которой дьявол, собрав своих сторонников перед решительным сражением, удаляется, чтобы отдохнуть перед битвой. Во сне он видит свое торжество над небесными силами, свое восшествие на престол Господень, но при этом понимает, что такая перемена принесет мало нового в судьбы мира и человечества, избранных им в качестве объекта облагодетельствования. И Люцифер, выйдя к своим воинам, сказал «Друзья мои! Не будем завоевывать небо. *Нам достаточно сознания того, что это в наших силах*». Также и люди сегодня способны изменять систему социального устройства, модифицируя *свою внутреннюю природу* или даже существенным образом *изменяя представление о ней.*

Согласие с самим собой, осознание внутренней свободы становятся уже сейчас основными движущими силами прогресса. Новая эпоха в развитии цивилизации, эпоха, лежащая фактически за гранью человеческого общества в собственном смысле этого слова, начинается там и тогда, где и когда ориентация на достижение согласия в рамках социума сменяется ориентацией на достижение внутренней гармонии личности. Эксплуатация человека заканчивается там и тогда, где и когда сам человек поднимается до понимания собственных целей как более высоких по сравнению с теми, которых добивается с помощью его деятельности тот, кто стремится присвоить часть ее продуктов. Труд устраняется тогда,

когда человек осознает мотив своей деятельности как не привнесенный в нее материальными обстоятельствами. Экономические законы с неизбежностью отторгаются изменениями во внутренней структуре человеческой деятельности, системе ее мотивов и предпосылок.

Люди современной эпохи создали тот первоначальный материальный базис, на котором возникает возможность для развития явлений и отношений, собственно и делающих человека человеком. Покидая экономическую эпоху, человечество вступает в эру абсолютной субъективности, где действия каждой отдельной личности обусловлены ее внутренними потребностями, продиктованы законами морали, имманентными каждому человеку новой эпохи. И когда люди научатся не причинять зла себе подобным только потому, что эти подобные — люди, когда отвергнутые найдут в себе силы до конца дней боготворить отвергнувших их, когда любая деятельность будет восприниматься как внутренне свободная, — тогда человек достигнет поистине идеального состояния, и Люциферу не останется ничего иного, кроме как вечно взирать на него с завистью из глубины своей бездны.

ПРИЛОЖЕНИЯ

SUMMARY

Of all the objects of scientific research, human civilisation is the most dynamic, its evolution taking place alongside, and even under the influence of, developments in our understanding of it. For thousands of years we have struggled to comprehend the changing community of our fellow creatures, outside of which our existence as human beings would be unthinkable.

The dialectical nature of the human social development is reflected in the dialectics of changing historical doctrines: from theories depicting humanity as a constituent element of the natural world, indistinguishable in the laws of its development from other elements, through theories of humanity's historical exclusiveness and separateness from nature, to theories that evolve the development of society and specific patterns of social intercourse from natural laws, asserting that history is neither exclusive nor lacking in direction.

Moreover, the dialectics of social progress allows not merely for historical development according to the laws of the negation of the negation and the transition from quantitative to qualitative changes. It assumes that (i) the period contemporary to the researcher must not be treated as the limit of social organisation, but that, at the same time, (ii) a given society should not be treated as the highest form of human social evolution. All these factors demand a thorough assessment both in terms of theory and terminology, since to modern social theory they appear largely paradoxical.

In our work we have endeavoured to show that *humans*, whom the authors of the widest variety of social doctrines have taken to social beings, *are not indeed what they have been assumed to be*. Human beings are a consequence of the development of the material world, the result of natural selection subject to biological laws. The consequence of this evolution has been the formation of a number of features characteristic of human beings as a species.

The main feature of human beings as a specific biological species is their ability to distinguish themselves from their surroundings and perceive the latter as external. This ability enables humans to perceive the objects surrounding them as having particular aspects of similarity or difference. In consciously forming sets and groups of objects in the external world, humans acquire the ability to apprehend them as grouped according to certain common features, to

separate the distinguishing features of one particular object from the object itself and transfer them to a set of similar objects as a whole. The appearance in this instance of the prerequisites of *abstract thought* mark the enormous difference between human beings and other representatives of the animal world. Abstract thought allows humans to comprehend existing cause-effect relationships, rise above the general principle of *post hoc, ergo propter hoc*, and ultimately achieve an understanding of their own place in the world around them.

One should make special note of the fact that the development of humans as beings capable of abstract thought by distinguishing themselves from the external world, capable of understanding external necessity and acting with the help of specially created tools in such a way as to achieve a material result according to a preconceived plan is not identical to the development of humans as social beings. Over a very extended period of time — an entire historical epoch — humans were capable of the rudiments of abstract thought and reasoned action but were not social beings.

Society arises whenever and wherever the combination of instincts that serve as the basic motivation for activity is wholly overcome by reasoned pursuit of material interests, these material interests being the main driving force for each individual comprising the society. However, if the material interests of all members of a certain group turn out to be identical (though it is difficult to envisage such a situation), then such a *unit* of people is not yet (or no longer) *a society* in the sense in which we use this term. The hypothetical nature of such a situation arising during the development of civilisation, when every moment in a person's life is a constant battle for survival, permits the following conclusion: that *the development of consciously perceived material interests is a process identical with the formation of human society*.

However, given the obvious shortage of material goods, people's material interests could not help coming into contradiction with each other. From the outset the social organism was constructed on *the contradictions between material interests*: it was the struggle between these interests that underpinned the organisation of society. As we have already pointed out, *society* became *an aggregate of people united by the contradictions in their material interests*.

This factor is of prime importance in understanding the development and evolutionary trajectory of human civilisation. Assuming an understanding of society as corresponding to this condition, one can entertain the historical possibility of transcending the principles of social organisation. This may become a reality firstly when the pursuit of material interests by each specific individual does not contradict the pursuit of analogous interests by other individuals (which is practically impossible, since humanity can hardly aim for a condition in which the quantity of material goods produced will be disproportionately larger than that needed to meet everyone's reasonable needs), and secondly when the motivating interests themselves cease to be *material interests* conditioned by *material needs* and the basic motive for human deeds becomes a drive to perfect the personality. At this stage of historical evolution the laws applying to social organisation will no longer operate, and thus in this instance we have a phenomenon that one could call *the post-social condition of humanity*.

Consequently, in the sense of the concept of «society» adopted here, *humans* are not exclusively social beings. They are the highest life form in the biological world, a form in which the latter negates itself through giving life to a higher developmental form. The biological world creates a corresponding social system based on the formalisation of contradicting material interests and developing as a result of the struggle and coordination of these interests. Finally it announces the arrival of a higher, post-social phase, the laws of which cannot be exhaustively researched at the present time. Thus it is not the case that social laws are natural and unchanging, that humanity is doomed to exist within the framework of the laws we already know.

Human beings' *social nature*, therefore, is not their essential feature but rather *the developmental form* assumed on the road from purely animal forms to the post-social condition, which must objectively follow the epoch of society (though one should not assume the post-social to be a natural condition or the one that most closely corresponds to an internal human nature). The arrival of the post-social condition is just as natural as the appearance of human beings themselves, as their subordination over a particular period to the development of material needs and to the play of material interests. In this regard the post-social epoch is no more perfect and no more just than the pre-social and

social epochs, for the categories of perfection and justice, developed within the corresponding historical period, remain applicable only within its borders.

The pre-social, social and post-social epochs differ significantly not merely in terms of the different ways in which interests are coordinated and interact, the different motives for human deeds and different forms of intercourse, but also in terms of the *different types of human practice* that follow from them. The development of these forms through the course of human history knows periods of total dependence on the surrounding natural world, periods of pseudo-free forms of activity, and finally free (in comparison with current norms) activity.

In the conditions of the pre-social epoch the motive for activity was not separable from the active subject itself. Moreover, this motive was incorporated in the active subject in a highly biological manner and functioned at the instinctual level corresponding to the chiefly biological essence of humanity at that time. This condition was objectively undermined by the human intellect: with the growth of the capacity for abstract thought, the increasing sophistication of the system of goal-selection and the concretisation of cause-effect relationships, human beings became aware not only of the relative independence (non-participation) of their kind from the surrounding world but also of their own relative independence from other people. The awareness of their own needs on a level more adequate than the purely biological led inevitably to the appearance of specific material interests that stood out from the mass of unified wants. As soon as this took place, the resultant vectors representing the interests of different communities diverged from their original trajectories and there arose, on the one hand, the contradiction of interests that was fated to play the basic role in the material progress of humanity, and on the other, the means for resolving the contradictions and preventing their destructive influence on the community as a whole. Thus the development of social organisation in the real sense of the word began with the appearance of practice consciously directed towards the satisfaction of particular material interests.

Despite the fact that they were based on the *awareness of material necessity*, these actions could hardly be called «free». Their essence is in overcoming the external necessities that dominated humanity and in creating the conditions

in which human beings could fulfill themselves through forms of activity other than those aimed at merely freeing themselves from environmental influence. Therefore activity directed towards the pursuit of individuals' material interests should be seen as the development of the preconditions for free activity, as pseudo-free activity. In our analysis we have called this form of activity «labour».

Labour as the fundamental form of human activity establishes on its basis the community of human beings as *a social organisation*. However, the act of labour itself has undergone a prolonged process of formation and development.

During the *first* stage of the evolution of labour, when purposeful activity took the place of instinctual, humanity was faced both with extreme limitations on material wealth and the absence of those institutions that are inherent to advanced forms of labour. As a result, conflicts of material interest were fiercer and the need to maintain the integrity of the embryonic social organism gave rise to harsh and even vicious forms of social relations. Violence, widely employed for several thousand years at the dawn of civilisation not merely in relations between states and communities but also in the everyday organisation of *economic* life, was the only means by which wealth could be distributed and the stability of the social system ensured. At this stage of development conflicts of material interest were immediately obvious, the majority of society was undoubtedly involved in labour-related activities but a system based on principles of self-regulation had yet to be created. Labour was still in its embryonic form: on the one hand, individuals satisfied their material needs through the labour process (which is justifiable even in the case of slave labour), while on the other hand the objectives of the labour process were by no means always established by the subjects of labour, but were in part determined by other members of society.

A fundamental change is associated with the development of universal labour: the emergence of the possibility for the appropriation by labouring individuals of a part of their social product in accordance with the significance assigned to their labour by the other members of society. At this moment begins the *second* stage in the evolution of labour, during which labour has the quality of an activity, the objective of which is set directly by the subjects of labour themselves. Of course, there is no sharp historical

boundary between the first and second epochs — the period of transition has lasted thousands of years — but the process itself was inevitable and irreversible. The most suitable means of assessing the social significance of labour was the process of exchanging the products of this activity, a process which, having arisen in isolated sectors of the economy, gradually acquired an exclusive position. During this stage of social progress, linking antiquity in part with the Asiatic epoch and to a far greater extent the feudal with the industrial epoch, human labour adopts the form most suited to its nature, the form of *economic* activity. The proportions of exchange, the extent to which different sectors of social production are developed, and also basic laws of social behaviour, are all regulated to a greater or lesser degree by the social significance of the different types of labour.

The *third* stage in the evolution of labour starts to crystallize out from the moment when labour begins to lose its features of utility and universality, from the moment at which society loses its ability to evaluate all forms of labour in terms of their comparison with homogeneous simple labour, to evaluate the products of different forms of labour solely in terms of their social significance. A prerequisite of this period is a high level of development of the productive forces, enabling a departure from the objective of maximising the production of material goods by means of their primitivisation and opening up the possibility of creating individualised products and material goods that cannot practically be reproduced owing to the high skill levels of their producers. At this stage of social development material production yields priority to the creation of the prerequisites of this new type of production: to the generation of information and technology. At the same time human activity becomes more diversified and the traditional centrality of material stimuli makes way for other motives, in particular the drive for discovery and for one's own individual development. The *economic* form of activity becomes inefficient and the prerequisites appear for the gradual replacement of active labour itself by a higher form of activity.

These three stages in the development of labour correspond to the three epochs in the evolution of the social organism. The central of these, during which active labour in its most developed form determines the basic features of the social structure, we call the *economic social formation* in accordance with Marx. The preceding period charac-

terised by the development of social relations corresponding to active labour may be defined as the *pre-economic* social condition; that slice of history which sees the destruction of underlying laws based on social labour we call *the post-economic social formation.*

The economic social formation most fully reflects the basic laws of human social life. Within the framework of this social formation people are either individually free or the process of achieving this condition is at least underway. The progress of civilisation under the economic social formation is measured by growth in the extent of individual freedom, a reduction in the role of non-economic constraints on individuals from society as a whole.

The fundamental social relation between individuals becomes the connection between them as producers of specific goods. These goods may or may not have material forms, but they are all united by the fact that they are made not only for the producer but also for other members of society. The movement of goods within the social unity takes place according to the principles of commodity exchange corresponding to the immediacy of the social need giving rise to the creation of particular goods. The immediacy of a given need determines the quantity of socially necessary labour time assigned, as it were, by society to the production of a particular good. People expend significant amounts of effort in the course of making a particular good, and the labour materialised in the commodities (the quantity of which depends once again on the degree of their social usefulness) is the essence of value — the commodity's fundamental characteristic under conditions in which the principles of the economic social formation are dominant.

Penetrating the entire social body, value relations reflect the triumphant principles of the economic social formation and demonstrate that labour has attained its most integral form. A crisis of the economic social formation, a crisis of active labour and a crisis of the social form of relations between individuals arises historically whenever and wherever there is a crisis of value relations. A more superficial relation than labour itself, value enters a period of degradation long before the tendency towards the replacement of labour by a higher form of human activity becomes apparent. Achieving their fullest development in the period of mass production, which reduces all forms of labour to simple mechanical actions, value relations reflect the laws of

the industrial epoch, an epoch the very purpose of which consists in doing away with the shortages that faced human beings in previous historical periods by expanding the production of unified material goods. When technical progress provides humanity with the possibility of satisfying material needs and begins to give rise to new ones, when the condition of purely *economic* affluence becomes the denial of mass production, the apparently indispensable attribute of the *economic* epoch, value laws begin to undergo significant modifications. These changes conceal the fact that value is losing its role as the basic feature of social production.

The quantitative indeterminacy of the value of unique and irreproducible goods, the specific weight of which in the general mass of commodities is growing rapidly, is a reflection of a deeper process: namely, the changing nature of the activity materialised in the corresponding goods. In contrast with the highly economised activity of the past, today's activity contains within it elements of a different type of motivation, a major feature of which is individuals' desire to fulfill themselves in the creation of something qualitatively new, whether it is a product, technology or information. From this moment on, not just *production* but also *consumption* becomes individualised and a system of connections between production and consumption develops which destroys the principles of economic society.

The *first* «signal» indicating serious modifications in the relations characteristic of the economic social formation and confirming in particular the changing fundamental features of human activity is the diffusion of *value*, one of the most important constituents of the system of production relations of economised society.

The concept of value, the basis of which (in particular the connection between the value of a commodity and the expenditure of human labour in its creation) was laid down long before the development of classical political economy and was continually perfected during the search for as complete and accurate a definition as possible. We consider the most successful example of such a definition to be the well-known statement by Marx in Volume III of *Capital*. Marx underlined that the value of a commodity ... is determined not by the necessary labour time contained within it, but by the labour time *socially* necessary for its reproduction.

Two conclusions follow from this definition, and while the first is generally recognised within the Marxist tradition, the second is usually simply overlooked.

Value is possessed only by those goods which are able constantly to reproduce themselves. Moreover, the volume of such reproduction is restricted only by the proportion of social effort directed at the creation of such goods, but not by any other objective factors. In the opposite case, when the end product is unique and irreproducible, the quantitative definition of its value is eroded, and there emerges an irrational pseudo-assessment of this product.

In fact, value is *a form* of comparative assessment of goods but not *the cause* of that comparative assessment. We propose that comparative assessment of goods is possible only when it is possible to correlate the effect on the human individual of various forms of material need, the response to which is labour activity. This, in our opinion, is precisely the way in which the value of commodities and services has always been determined. This factor, however, was almost never examined by Soviet researchers, though it is of supreme importance in understanding the historical prospects for the development of value relations.

If we accept the proposition that, in the final analysis, value is created by the degree to which a given good is needed, which in its turn stimulates the corresponding labour activity, and that this value is defined quantitatively by the degree of resistance offered by the natural environment to human action upon it, we then realise that value relations may be completely overcome only when the material needs of man are satisfied to such an extent that they cease to be the main factor determining his activity. This means that the value characteristics of a given commodity (and the majority of commodities produced within the framework of the entire community), are the result of an activity generated by external material factors. *Activity motivated by factors not determined by material interests does not create value.*

Thus, the historical period of the existence of value relations is restricted to the period of the domination of (material need motivated) labour activity, and the erosion of value relations in contemporary industrialised countries, a fact which few would question, is itself indirect evidence of the completion of this economic social formation, although such an assertion must be made with a number of reservations and additional illustrations.

The *second* most important factor revealing the crisis affecting the economic form of social organisation in the current period is the lack of definition of the quantitative parameters of exploitation, and therefore, in fact, the elimination of such exploitation.

The exploitation of man by man, of one group of people by another group of people, or of the individual by the society, is seen in Marxist theory as the fundamental feature of any economic social formation. In any society in which the individual has cognised his own «Ego», and where the main motivation of his activity is the reproduction of material life, the material interests of different individuals must necessarily come into conflict. Moreover, it is evident that the entire economic social formation is characterised not only by the predominance of labour activity, but also by a shortage of the material goods needed by society (this assertion follows from our definition of labour as an activity directed at satisfying material interests, and which is transformed into other forms of activity if such material needs are absent). Insofar as the totality of material goods is limited, and much of the motivation for activity is linked to the satisfaction of material needs, the social contradictions which emerge on this basis would appear to be unavoidable. These contradictions assume various forms depending on the conditions of existence of any given society, forms ranging from those found in the caste-based societies of the Orient and the city-states of antiquity to factory-based capitalism, with its guarantees of political liberties. Whatever the form, however, there is a conflict between the economic (and political) elite and the producers of material goods. The aims of the exploiters not directly engaged in production on the one hand, and of the exploited on the other become irreconcilably opposed.

The change in the nature of human activity which accompanies the saturation of the market with material goods, and the consequent reduction in the role played by purely economic factors, is leading to marked modification of the forms of exploitation, and may even lead to its disappearance.

The development of the production of unique goods which cannot be reproduced is undermining the law of value, making a considerable number of goods non-comparable, and is also making it increasingly difficult to divide labour time into necessary labour time (that is, the period

during which the worker reproduces that which is the equivalent of his pay) and surplus labour time (the period during which he creates that profit which is appropriated by the capitalist). This factor is having an even greater effect in the sphere of the production of various kinds of non-material goods and information, where not only the sphere of production, but also the sphere of consumption becomes individualised, which makes value definitions irrational.

However, even more wide-ranging are the changes heralded by the appearance of creative activity free from motivation born of material interests. This means that such activity may have a material result not as its purpose (the aim being either the satisfaction derived directly from the activity itself, or the self-expression of the individual, or the improvement and perfection of one's own abilities and capacities), but merely as a by-product. In this case, the interests of the creator of the good and of its potential consumer (or those appropriating this product), are not set against each other in that antagonistic manner which characterises exploitation.

Thus we have returned once again to that group of problems which are mainly psychological rather than politico-economic. Today, the problem of exploitation is less than ever reducible to its purely objective aspect. Closely linked to the motivations of human activity and the purpose being pursued by the active subject, it can no longer be defined solely on the basis of an analysis of the material results of human activity. Therefore, with its purely quantitative definition rendered increasingly complex with the development of post-industrial society, exploitation is undermined, but it is eliminated only with the disappearance of the subjective perception of the constantly reproduced contradiction between the material interests of different members of society.

Thus exploitation continues to influence social relations for as long as the majority of people with their utilitarian needs continue to be merely cogs in the wheel and wholly dependent on the will of another individual or organisation, the state, or even elementary biological needs. To the extent that the laws of value exchange identified by Marx operate in a situation of mass production of non-individualised material goods, the phenomenon of exploitation is able to flourish only in a situation of mass human production and non-individualised consciousness, and exploitation is elimi-

nated together with the elimination in the individual mind of aims relating to the acquisition of material well-being, exploitation representing itself an invariable attribute of the system of these aims.

The processes mentioned above lead to the emergence of *the post-economic social formation*, a phenomenon whose significance is not adequately appreciated. Mankind is facing a new social structure, a structure which, even today, is still not recognised either at the level of its base elements, nor at the level of the sources of its internal development, nor yet at the level of its main contradictions and relations. Such a situation is in many ways very dangerous since society has never before come up against the problem of such a transformation of an entire system. The transition from *the pre-economic* to *the economic social formation* took place in a situation in which mankind did not constitute one integrated community, and the human individual himself was completely unaware of the significance and consequences of such a change. The transition from one mode of production to another within the framework of the economic social formation was in fact the on-going development of the contradictions of a commodity-based economy and the development of the labour relations which were to lead to more sophisticated forms of this social formation. Today, however, we are facing a qualitatively new shift: in the transition from labour (activity dictated by the need to satisfy material needs) to creative activity (activity engaged in for reasons not connected with material need), from the economic evaluation of goods to their individualised assessment, from relatively familiar to totally unknown forms of social relations, mankind risks losing those basic criteria which have determined its development throughout the course of the whole of recorded history.

The current situation is rendered even more dramatic by the fact that *the post-economic social formation*, unlike *the economic social formation*, is not constructed on the basis of any defined, fundamental relations or principle. At the same time, as the economic social formation was a system of relations generated by the dominance of labour activity in society, and the development of the economic social formation was identical to the process by which labour activity acquired its most sophisticated forms, the post-economic society, which rejects the economic system based

on labour, is orientated on creative activity, an activity *which is post-social in the same way as the instinctive activity of the pre-economic social formation remained essentially pre-social, that is, biological.* Thus the post-economic social formation, the last *social* formation, is also the initial phase of the post-social organism. As the principles which dominated in the pre-economic period were adequately researched only from the point of view of understanding the patterns of an economic social formation, that is, when it had become a socially integrated whole, so also the principles of the post-economic social formation may only be studied after a comprehensive analysis of the laws and relations of the post-social era. But the impossibility of cognising the laws and relations of the post-social era doesn't make it possible either to adequately study the laws of the post-economic social condition. The methods of extrapolation usually employed in traditional historical research are not applicable to the task now facing us, which only further underlines the significance of the historical changes currently facing human civilisation.

The present situation may be defined as a rejection of labour by the third, most perfected form of human self-expression — *creativity.*

Logically, this kind of human activity constitutes the final link in the dialectical triad — a synthesis which contains within itself in «sublated» form the main characteristics of thesis and antithesis. The activity of man at this new and higher evolutionary level is unlikely to lose its rational nature, since man today is more than ever a hostage of its own relations to the environment and his fellow-men. New technologies in the spheres of both material production and informatics require a high level of rational behaviour, maximally proportioned to the reaction by the environment to human action. There is, however, another factor which is somewhat less apparent. In transforming nature, in creating new technologies, in making the conditions of his own existence as secure as possible, and ensuring the almost total satisfaction of his basic material needs, which used to bind him so closely to the natural world, man has thereby incorporated within himself many of those bonds and patterns which he previously viewed as external and independent of him. The material interests of some individuals are satisfied without the efforts which this once required. As a result of all these changes, human activity, while not losing its rati-

onal nature, is losing its specifically labour-orientated motivations, the «externality» of labour-stimulating factors, and is becoming that synthesised form of activity which can be defined as creative.

Creativity is the most sophisticated form of activity among all those *which can be today subjected to scientific analysis*. Creative activity is characterised by conscious cognition and an internal system of motivations immanent in the active subject himself. The most fundamental motivation behind creative activity is the desire of the individual to express himself in a free activity independent of external material conditions. For this reason creativity possesses a whole range of characteristics which make it fundamentally different from labour. The historical boundary between them is that epoch-making transition which Engels called «a leap from the realm of necessity into the realm of freedom». We, however, are speaking in this particular case of the historical boundary of the development of society and the emergence of a post-social condition, the prelude to which is the post-economic social formation.

The essence of the post-economic social formation is that it has left behind the laws governing the economic social formation, and therefore, the laws governing social progress as such. However, the whole of the previous course of historical experience is based on the fact that moving away from something old is, in fact, the emergence of some new reality. This remains true for the period which we are living through today. The move away from purely economic laws, so characteristic of bourgeois society in the classic understanding of this term, is undoubtedly the process of the emergence of a new form of human intercourse that is not social as such. The source of human progress today is not to be found in the sphere of economic relations, nor yet in the sphere of purely social relations. As a result, progress is achieved thanks to a driving force whose source remains unknown to us, since it can only be fully cognised when mankind makes the leap into that condition which we have termed «post-social».

The impossibility of arriving at an adequate understanding of the principles by which the new type of human organisation is developing conditions the need to turn primarily to factors which are not social but individual, not economic but psychological. Kant once stated that there are only two things which never cease to amaze mankind — the

heavens above, and the moral law within ourselves. Having conquered nature and used its goods for our own purposes, having maximally improved our environment, and resolved the immediate material problems of our existence, mankind today must unavoidably turn to processes and laws of a very different order since only they are able to direct the progress of the new civilisation.

Having surmounted the restrictions which existed during the period of the dominance of the economic social formation, mankind enters a qualitatively new period of its development. The subject of this period in the progress of civilisation is not the social organism as such, nor the community of people closely bound together by material interests and carrying out a range of simple actions imposed by the need to satisfy their immediate requirements, but the totality of individuals, each of whom is unique not only in his actions, but also in the motivations and methods of those actions.

Down the centuries the great thinkers of mankind sought to bring nearer the day which they described as the rule of reason over nature, the rule of ethic over passion, the rule of law over brute force. From Saint Augustine to the theoreticians of the Age of Enlightenment, philosophers sought to prove not only to others but also to themselves that the human race was linked by bonds of harmony, that the nature of man contains a positive principle, that God or nature has placed within man the source of virtue, and that evil and vice is not a specific essence in itself, but merely deviation from the good. Today, when such a situation (perhaps not in its ideal form, but fully corresponding to the rather bold dreams of the idealists of the past), has been achieved, it seems that it does not constitute the basis of an integrated social whole, but is the main instrument of the development of individualism, destroying that integral whole in its social form.

Emerging from the boundaries of material aspirations, freeing himself from the subjectively perceived phenomenon of exploitation, and perceiving his own activity as being free from external coercion, man inevitably begins to realise that *his aspiration towards harmony with his fellow-members of society was born not of his innate nature but, on the contrary, was the result of the conditions of his existence, which prevented the realisation of this innate nature. It seems that mutual understanding and harmony*

with others, agreement and reconciliation with the whole of society, do not and cannot replace the higher form of harmony — inner harmony with oneself.

The development of the new type of human community begins from that moment when man comes to appreciate the prime importance of inner, immanent motivation over an external, alien driving force. As far back as the 4th century, the well-known theologian Lactance wrote: «Seek justice! Receive her, if you can, and place her in the depth of your heart, and let it not disturb you that this is difficult and contradicts the ideals of the time. Expel from your heart all evil thoughts and desires, and then the golden age will immediately return to you, since you can never attain it except by obedience to the true God». However naive and conditional this particular sermon may have been, it nonetheless contains an idea unique in its richness and relevance, namely that each individual achieves the highest level of perfection only when he himself, independently of circumstance or the fashion of the day, chooses moral guidelines and acts in accord with inner aspirations.

The internal nature of motivation need not always necessarily lead to active response: the creative nature of the subject may manifest itself both in action, and also in refusal to act, a refusal also conditioned by internal promptings. Anatole France, in his novel, *The Revolt of the Angels*, described a very sophisticated example of such inaction. The book, devoted to a description of the conspiratorial preparations of the dark forces in the service of Lucifer against God, ends with a scene in which the devil, having gathered together his supporters before the decisive battle, then goes away to rest before the battle begins. In his sleep he dreams of his triumph over the heavenly powers and himself seated on the throne of God, but then he also realises that such a change will introduce nothing new into the history of the world and mankind, which he has chosen as the object of his patronage. Returning to his troops, Lucifer tells them: «My friends! We shall not conquer the heavens. *The realisation that such a conquest is within our power is sufficient*». Thus also people today are capable of changing the system of social organisation by modifying their own internal nature, or even by significantly *modifying their concept of their internal nature.*

Harmony with oneself, awareness of internal freedom, is today becoming the driving force of human progress. This

new era in the development of civilisation, an era which, in effect, lies on the other side of human society in the proper sense of that term, begins whenever and wherever orientation on attaining harmony within the social organism is replaced by orientation on attainment of internal, individual harmony. The exploitation of man is completed when and where man himself rises to the awareness of his own aims as being higher than those which are being attained with the help of his activity by the one who is seeking to appropriate part of the product of that activity. Labour is eliminated when man cognises the motives of his activity as not being the material conditions introduced into it. Economic laws are inevitably rejected as a result of changes within the internal structure of human activity and within the system of motives and assumptions underlying that activity.

Modern man has created that initial material base on which it becomes possible to develop those phenomena and relations which make man specifically man. As he leaves the economic age, man enters the era of absolute subjectivity, where the actions of each individual are conditioned by his internal requirements, and defined in accord with the moral law inherent in each man of the new age. Then, when men cease to work evil towards their neighbour precisely because he is their neighbour, when the despised and rejected find within themselves strengths to bless those who despised and rejected them, when all activity may be perceived as an expression of internal freedom, then man will achieve that condition in which Lucifer has nothing left to do but to envy him from the depths of the bottomless pit.

RÉSUMÉ

De tous les objets de la connaissance scientifique, la civilisation humaine est celui qui présente le développement le plus dynamique, qui évolue en même temps que les notions à son sujet et, dans une certaine mesure, sous l'influence même du progrès de ces dernières. Les hommes ont tenté durant des millénaires de comprendre le mécanisme des changements propres à la communauté de leurs semblables, hors de laquelle la vie de chacun ne saurait se concevoir.

Le caractère dialectique du développement de la communauté humaine s'est traduit dans la nature dialectique de la filiation des doctrines historiques : depuis les théories représentant l'humanité comme une des composantes de la nature, régie par les mêmes lois que les autres éléments de celle-ci, jusqu'aux théories dissociant de la nature une société historiquement close, puis aux conceptions qui font procéder le devenir social des lois de la nature tout en relevant les modalités spécifiques de la vie sociale et le caractère *ouvert* de l'histoire, son orientation vers l'avenir.

Cependant, la dialectique même du progrès social présuppose non seulement que l'histoire se déploie en accord avec la loi de la négation de la négation et de la transformation de la quantité en qualité, mais aussi que, *premièrement*, toute période contemporaine ne saurait être examinée comme la limite du *socium*, et que, *deuxièmement*, le *socium* en tant que tel ne peut apparaître comme la limite de l'évolution des formes de la vie communautaire. Autant de circonstances qui requièrent une minutieuse approche théorique, voire terminologique, car elles ont un aspect éminemment paradoxal au point de vue de la théorie sociale actuelle.

Dans l'étude présente nous avons tenté de montrer que l'*homme n'est pas* cet être d'essence sociale que les auteurs des doctrines sociales les plus différentes s'attachaient à mettre en exergue. L'être humain a été le résultat du développement du monde matériel, l'aboutissement d'une sélection naturelle qui obéissait à des lois d'ordre biologique. Le fruit de cette évolution a été la formation, chez les humanoïdes, de traits essentiels qui caractérisent l'homme en tant qu'espèce d'êtres vivants.

La caractéristique principale de l'homme en tant qu'espèce biologique spécifique est son aptitude à se différencier lui-même du monde environnant, à percevoir celui-ci comme quelque chose d'extérieur. C'est en raison de

cette capacité que l'homme peut appréhender dans le monde qui l'entoure les objets pourvus de traits de ressemblance ou offrant au contraire des signes de distinction avec lui. En constituant consciemment des groupes et des ensembles d'objets dans le monde extérieur, l'homme est à même d'examiner une série d'objets réunis par des traits communs, de détacher d'un objet certains traits caractéristiques et de les appliquer à un ensemble d'objets comparables. Cette prémisse même de la *pensée abstraite* est en fait ce qui distingue essentiellement l'homme des autres représentants du monde animal. C'est la pensée abstraite qui permet à l'homme d'appréhender la causalité inhérente au monde, de s'élever au-dessus du principe *post hoc, ergo propter hoc*, pour atteindre en définitive à la compréhension de sa propre place dans le monde environnant.

Il importe de noter que le devenir de l'homme en tant qu'être apte à penser l'abstrait, à se différencier du monde ambiant, à prendre conscience de la nécessité extérieure et à accomplir des actes qui lui permettent, au moyen d'outils spécialement conçus, d'atteindre le résultat matériel escompté, n'est nullement identique à son devenir en tant qu'être social. L'homme a possédé, durant une période historique relativement longue, des embryons de pensée abstraite qui se traduisaient par des actes raisonnables, sans qu'il soit pour autant un être social.

La société émerge également lorsque l'ensemble des instincts, en tant qu'incitation essentielle à l'action, se trouve entièrement évincé par la réalisation raisonnable d'un intérêt matériel qui est le moteur principal d'un individu concret faisant partie de la société. Cependant, lorsque les intérêts matériels de tous les membres d'un groupe humain donné s'avèrent être parfaitement identiques (même s'il est extrêmement complexe de supposer une telle situation), cela ne suffit pas encore — ou déjà plus — à faire de cette *communauté* d'hommes une *société* au sens où nous l'entendons. Le caractère hypothétique de cette situation dans le devenir d'une civilisation où la vie de l'homme apparaissait, à chaque instant, comme une lutte incessante pour l'existence, permet d'affirmer que *la formation des intérêts matériels conscients des hommes est un processus identique à celui de la formation de la communauté humaine.*

Il n'en reste pas moins que, dans la mesure où les intérêts matériels des hommes ne pouvaient qu'entrer en

contradiction entre eux, vu l'insuffisance de biens matériels, l'organisme social a été d'emblée bâti *sur les contradictions des intérêts matériels*, cette lutte des intérêts se trouvant à la base même de l'organisation sociale. Ainsi que nous l'avons déjà noté, la *société* est apparue comme *un ensemble d'hommes unis par les contradictions de leurs intérêts matériels*.

C'est là une circonstance fondamentale pour comprendre la marche et l'orientation de la civilisation humaine. En appréhendant ainsi l'évolution de la société, il est permis de supposer que les principes de l'organisation sociale peuvent être surmontés et dépassés dans un perspective historique. Cela peut être envisagé, premièrement, au cas où la réalisation des intérêts matériels de chaque individu concret n'entrera pas en contradiction, dans aucune circonstance, avec la réalisation d'intérêts analogues d'autres individus (ce qui semble en fait inaccessible, étant donné que l'humanité ne sera sans doute pas en mesure de s'assigner pour but un état où le nombre des biens matériels produits serait incomparablement supérieur à tous les besoins raisonnables des hommes); deuxièmement, au cas où les intérêts qui mettent en branle les hommes auront cessé d'être des *intérêts matériels* déterminés par des *besoins matériels*, cependant que l'activité humaine aura pour motivation principale l'aspiration au perfectionnement de la personnalité individuelle. En l'occurrence, on aura affaire à ce qu'on peut appeler l'*état post-social de l'humanité* car, à cette étape de l'évolution historique, les lois valables pour le *socium* n'agiront déjà plus.

Il apparaît donc que l'*homme* n'est pas un être exclusivement social au sens que nous donnons à la notion de « société ». L'homme constitue la forme supérieure du monde biologique, une forme par laquelle ce monde se nie en quelque sorte lui-même en donnant vie à une forme plus évoluée. L'homme peut ainsi incarner de façon adéquate un système social fondé sur la formalisation des contradictions entre les intérêts matériels et se développant par le fait même de la lutte et de la hiérarchisation de ces intérêts. Ceci annonce enfin l'avènement d'une phase supérieure, post-sociale, dont les lois ne peuvent pas être entièrement étudiées dans les conditions présentes. Pour toutes ces raisons, il est faux de supposer que les lois sociales sont naturelles et immuables, que l'humanité est éternellement vouée à exister dans le cadre des lois découvertes jusque-là.

La *socialité* de l'homme n'est donc pas un trait essentiel mais bien plutôt une *forme de développement* des êtres humains sur le chemin qui les mène des formes d'activité purement animales à l'état post-social, objectivement appelé à remplacer l'époque de la société (ce faisant, l'état post-social ne doit pas non plus être considéré comme la condition naturelle de l'homme, comme celle correspondant le mieux à sa nature profonde). L'avènement de l'état post-social est aussi naturel que l'apparition même de l'homme, que sa subordination, à une étape donnée de l'évolution, aux besoins matériels et au jeu des intérêts matériels. A cet égard, l'époque post-sociale n'est pas plus parfaite ni plus juste que les époques pré-sociale et sociale, étant donné que les catégories de perfection et de justesse élaborées dans le cadre d'une période historique de pareille ampleur ne sont applicables que pour cette dernière.

Les époques pré-sociale, sociale et post-sociale se différencient non seulement par les formes de subordination et d'interaction des intérêts, par les motivations de l'activité humaine et les formes de communication, mais aussi par les *types d'activité humaine* qui découlent de ces circonstances. L'évolution des formes d'activité au cours de l'histoire humaine passe par des périodes de dépendance complète vis-à-vis du monde naturel environnant, d'activité pseudolibre et, enfin, réellement libre (en comparaison seulement de l'activité actuelle).

Dans les conditions de l'époque pré-sociale la motivation de l'activité restait inséparable du sujet le plus actif. Qui plus est, cette motivation était incorporée de façon strictement biologique au sujet agissant et elle fonctionnait au niveau instinctif, en parfait accord avec l'essence primordialement biologique de l'homme de cette époque. Cet état se trouvait objectivement sapé par le développement de l'intellect humain; par suite de l'essor de l'aptitude à la pensée abstraite, de la complication du système d'objectivation et de la concrétisation des liens de causalité, l'homme prenait conscience non seulement de l'indépendance (non-incidence) relative de ses semblables vis-à-vis du monde ambiant, mais encore de son indépendance relative à l'égard des hommes l'entourant. L'appréhension des besoins à un niveau plus parfait que le plan strictement biologique conduisait inévitablement à l'émergence d'un intérêt matériel spécifique, détaché de la masse commune des aspirations unifiées. Dès qu'une telle

chose se produisait, le vecteur général des intérêts de telle ou telle communauté s'écartait de son orientation initiale en laissant apparaître, d'un côté, des contradictions d'intérêts appelées à jouer un rôle primordial dans le progrès matériel de l'humanité, et, de l'autre, des moyens aptes à atténuer ces contradictions, à empêcher leur action destructive sur l'ensemble de la communauté. C'est par conséquent avec l'émergence d'une activité tendant consciemment à la réalisation d'un intérêt matériel bien précis que le *socium* au sens propre a commencé à se former.

Cette activité elle-même ne peut toutefois être qualifiée de libre, bien qu'elle repose sur une *nécessité matérielle consciente*. Elle consiste à surmonter la nécessité extérieure pesant sur l'homme, à créer des conditions où l'homme puisse se réaliser dans d'autres formes que celles qui concourent à l'affranchir de l'influence du milieu. C'est pourquoi l'activité visant à réaliser les intérêts matériels des individus doit être considérée comme pseudolibre : nous l'appellerons ici *travail*.

Le *travail* en tant que forme d'activité principale de l'homme est à la base de la communauté humaine définie comme *socium*, mais cette activité elle-même est passée par une évolution et un perfectionnement assez prolongés.

A la *première* étape de l'évolution du travail, lorsque l'activité instinctive fut remplacée par une activité finalisée, l'humanité se trouvait confrontée à l'extrême limitation des biens matériels et à l'absence d'institutions propres aux formes d'activité laborieuse évoluées. Il en résulta les contradictions les plus aiguës entre les intérêts matériels, cependant que la nécessité de maintenir l'intégrité de l'organisme social naissant engendrait des formes de rapports sociaux brutales, voire cruelles. La violence a été, au cours des premiers millénaires de la civilisation, le seul mode de répartition des biens et de sauvegarde de la stabilité des systèmes sociaux, étant largement présente dans les rapports entre les Etats et les *sociums*, mais aussi dans l'organisation quotidienne de la vie *économique*. A cette étape de l'évolution, marquée par les contradictions des intérêts matériels, l'activité de la majorité des membres du *socium* relevait certes du travail mais il n'existait pas encore de système basé sur les principes de l'autorégulation. Le travail n'avait qu'une forme embryonnaire : d'un côté, les individus satisfaisaient leurs besoins matériels au terme du processus laborieux (ce qui vaut même pour les esclaves); de

l'autre, il s'en fallait de beaucoup que le but du travail soit pris en conscience par le sujet laborieux immédiat, cet objectif étant le plus souvent défini par d'autres membres de la société.

Le tournant radical a été lié à l'universalisation du travail, à la possibilité pour l'individu laborieux d'acquérir une partie du produit social en accord avec la valeur que d'autres membres de la société attribuaient à son travail. A partir de ce moment commence la *deuxième* étape de l'évolution du travail, celui-ci apparaissant dès lors comme une activité dont le but est fixé en premier lieu par son sujet immédiat. Il n'existe évidemment pas de frontière historique nette entre les deux premières étapes : la période de transition aura duré des milliers d'années, mais le processus était inévitable et irréversible. L'évaluation sociale de l'activité laborieuse a trouvé sa forme la plus adéquate dans le processus d'échange des produits de cette activité, lequel, après être apparu dans certains secteurs de l'économie, a acquis peu à peu une importance exceptionnelle. C'est à cette étape du progrès social, qui recouvre en partie les périodes asiatique et antique mais surtout féodale et industrielle, que le travail humain a revêtu une forme d'activité *économique* la plus adéquate à sa nature profonde, tandis que les proportions de l'échange, le degré de développement des différents secteurs de la production sociale, ainsi que les principales lois sociales, dépendent dans une mesure plus ou moins importante de la valeur que la société accorde à tel ou tel type d'activité laborieuse.

La *troisième* étape de l'évolution du travail se cristallise à partir du moment où ce dernier commence à perdre son aspect utilitaire et universel, où la société s'avère incapable d'évaluer tous les types d'activité par rapport au travail simple, homogène, d'évaluer les produits des différentes formes de travail à partir d'une position unique concernant leur valeur sociale. Ladite période doit avoir pour prémisse un niveau élevé de développement des forces productives, qui permette de renoncer à maximaliser la production de biens en primitivisant ces derniers et qui favorise la création de produits individualisés, de biens matériels au fond irreproductibles en raison de la haute compétence de leurs créateurs. A ce degré de l'évolution sociale, la production matérielle est elle-même reléguée au second plan, derrière la création des conditions nécessaires à sa réalisation : la génération d'informations et de technologies. Parallèlement,

l'activité humaine se diversifie toujours davantage, tandis que les incitations matérielles, jusque-là à la première place, s'effacent devant d'autres motivations, notamment l'aspiration à appréhender le nouveau, à se perfectionner en tant que personnalité. Le type d'activité *économique* perd alors de son efficacité, les conditions étant peu à peu réunies pour remplacer le travail en tant que tel par un type d'activité supérieur.

Ces trois étapes de l'évolution de l'activité laborieuse correspondent aux trois principales époques du devenir de l'organisme social. Le maillon central, celui où l'activité laborieuse dans sa forme la plus achevée définit les principaux traits de la structure sociale, est appelé par nous, à la suite de Marx, *formation sociale économique*. L'époque antérieure, qui se caractérise par la constitution de rapports sociaux conformes à l'activité laborieuse, peut être définie comme l'état *pré-économique* de la société; quant à la période où l'on assiste à la destruction des lois principales du *socium* basé sur l'activité de travail, nous l'appellerons *formation sociale post-économique*.

C'est la formation sociale économique qui traduit le mieux les lois fondamentales de la vie sociale de l'homme. L'individu y est soit personnellement libre, soit en passe de le devenir. Le progrès de la civilisation apparaît dans le cadre de la formation sociale économique comme un développement du degré de liberté de l'homme, allant de pair avec la diminution de l'influence non économique exercée sur lui par le *socium* dans son ensemble.

Le lien social entre les individus revêt ici pour forme principale le rapport entre eux comme producteurs de biens spécifiques. Ceux-ci peuvent avoir ou non une forme matérielle, mais ils ont tous en commun d'être confectionnés non seulement à l'usage de leur producteur en tant que tel, mais aussi pour d'autres membres de la société. Pour ce qui est du mouvement des biens au sein du tout social, il repose sur les principes de l'échange de marchandises en fonction de l'actualité du besoin social qui a suscité la production de telle ou telle marchandise. Le degré d'actualité d'un besoin social est ce qui détermine la quantité de temps de travail socialement nécessaire, en quelque sorte octroyé par le *socium* pour la production de tel ou tel bien. Au cours de sa réalisation les hommes fournissent des efforts importants, si bien que le travail matérialisé dans les marchandises (dont le nombre dépend là encore du degré d'utilité sociale du

produit créé) s'avère être la substance de la *valeur* — qui est la caractéristique principale d'une marchandise vu la domination des principes propres à la formation sociale économique.

Les rapports de valeur qui pénètrent toutes les composantes du tout social traduisent en fait le triomphe des principes de ladite formation, prouvant par là même que le travail a acquis ses formes les plus adéquates. La crise de la formation sociale économique, celle de l'activité laborieuse et de la forme sociale de communication entre les individus, se manifestent historiquement lorsque se dessine justement une crise des rapports de valeur. Etant donné qu'il s'agit là de rapports plus superficiels que le travail lui-même, tout ce qui touche à la valeur entre en dégénérescence bien avant que se soit manifestée sans ambiguïté la tendance à remplacer le travail par une forme d'activité humaine supérieure. Pour autant qu'ils se développent le mieux sous le règne de la production de masse, qui implique de ramener toutes les formes de travail à une simple action mécanique, les rapports de valeur reflètent les lois de l'époque industrielle, d'une époque dont la mission même est de parvenir à effacer, grâce à l'expansion de la production, le défaut qui caractérisait les biens matériels unifiés tout au long des périodes historiques précédentes. En revanche, lorsque le progrès technique permet à l'humanité de satisfaire les besoins matériels traditionnels et commence même à en susciter de nouveaux, lorsque le refus de la production de masse, qui semblait pourtant un attribut imprescriptible de l'époque *économique*, devient une condition de l'essor même purement *économique*, les lois liées à la valeur se mettent à subir des modifications essentielles qui, en réalité, traduisent la perte de leur rôle en tant que caractéristiques principales de la production sociale.

L'imprécision quantitative de la valeur des biens uniques, non reproductibles — dont la part dans le nombre global des marchandises produites croît de façon accélérée —, reflète un processus encore plus profond : le caractère changé de l'activité matérialisée dans des produits correspondants. A la différence de l'activité économisée à l'extrême, telle qu'elle existait auparavant, l'activité présente laisse entrevoir les éléments d'un autre type de motivation, dont le trait essentiel est l'aspiration de la personnalité à se réaliser dans la création d'une qualité nouvelle, qu'il s'agisse d'un produit, d'une technologie ou d'une informa-

tion. Dès lors, aussi bien la *production* que la *consommation* sont individualisées, et l'on voit émerger des liens entre la production et la consommation qui sapent les principes de la société économique.

Le *premier* « signal » annonçant une sérieuse modification des rapports propres à la formation sociale économique, et confirmant en particulier que les traits fondamentaux de l'activité humaine ont changé, est le caractère désormais diffus de la *valeur*, laquelle apparaissait jusque-là comme l'une des composantes primordiales du système des rapports de production de la société économisée.

La conception de la valeur, dont les bases furent établies bien avant la naissance de l'économie politique classique (notamment en ce qui concerne le lien entre la valeur de la marchandise et le travail humain fourni pour sa création), n'a cessé de se perfectionner dans la recherche d'une définition la plus complète et correcte possible. L'exemple le plus réussi à cet égard est à nos yeux la thèse bien connue de Marx, qui affirme dans le troisième tome du *Capital* que « la valeur de toute marchandise... est définie non par le temps de travail nécessaire contenue en elle, mais par le temps de travail *socialement* nécessaire à sa reproduction ».

Il découle de cette définition deux circonstances évidentes, mais si l'une est, de façon ou d'autre, admise dans le cadre de la tradition marxiste, la seconde est généralement ignorée.

N'ont de valeur que les biens pouvant être constamment reproduits, le volume de cette reproduction n'étant limité que par la part d'efforts sociaux visant à la création de biens analogues, et par aucune autre circonstance objective. Dans le cas contraire, lorsque le produit est unique, non reproductible, la détermination quantitative de la valeur disparaît pour céder la place à une forme d'évaluation irrationnelle, pseudovalorisée, du produit correspondant.

Or la valeur est une *forme* de commensurabilité des biens, non pas leur *cause*. Nous présumons que les biens ne sont commensurables que si l'on parvient à comparer l'action de différents besoins matériels sur l'homme, dont la réaction à ces besoins constitue justement l'activité laborieuse. C'est précisément ainsi que, selon nous, la valeur des marchandises et des services a toujours été évaluée. Mais cet aspect n'était pratiquement jamais pris en compte par les chercheurs soviétiques, alors qu'il est d'une impor-

tance capitale pour saisir les perspectives historiques de l'évolution des rapports de valeur.

Si l'on accepte que la valeur est en définitive suscitée par le degré d'actualité du besoin de tel ou tel bien chez l'homme, en entraînant une activité laborieuse appropriée, et qu'elle est quantitativement déterminée par le degré de résistance du milieu naturel à l'action exercée par l'homme, il nous apparaît que les rapports de valeur ne peuvent être entièrement dépassés que lorsque les besoins matériels de l'homme seront satisfaits au point de n'être plus la source principale de son activité. Il s'ensuit que les caractéristiques d'un produit liées à la valeur n'existent que lorsqu'un produit donné (de même que la majorité des produits créés dans le cadre de l'ensemble du *socium*) est le résultat d'une activité engendrée par des circonstances matérielles extérieures. *Une activité dont la motivation est affranchie des facteurs déterminés par des intérêts matériels ne crée pas de valeur.*

Par conséquent, la période d'existence des rapports de valeur est historiquement limitée à celle de la domination de l'activité laborieuse, tandis que la sape des rapports de valeur dans les pays post-industriels modernes (qui ne fait aujourd'hui guère de doute) apparaît comme le témoignage indirect que la formation sociale économique touche à son terme, même si une telle assertion s'accompagne de nombreuses réserves et demande à être concrétisée.

Le *deuxième* facteur capital, qui révèle la crise à laquelle est en proie la forme économique d'organisation de la société à l'étape actuelle, réside selon nous dans l'indétermination des paramètres quantitatifs de l'exploitation et, pour cette raison même, dans l'effacement et la disparition proprement dite de cette dernière.

L'exploitation de l'homme par l'homme, d'un groupe d'hommes par un autre ou de l'homme par le *socium*, est considérée par la théorie marxiste comme un trait fondamental de la formation sociale économique. Là où l'homme a pris conscience de son propre « moi », là où la motivation principale de l'activité du sujet entre en contradiction avec la production de vie matérielle, il est inévitable que les intérêts matériels de différents sujets se heurtent entre eux. Il ne fait par ailleurs aucun doute que la formation sociale économique se caractérise tout entière, outre son activité de travail dominante, par l'insuffisance de biens matériels nécessaires à la société, l'évidence de cette assertion déco-

ule de la définition du travail comme activité visant à satisfaire les intérêts matériels, laquelle se transforme en d'autres types d'activité si lesdits intérêts font défaut.

Du fait que l'ensemble des biens matériels est limité et qu'une part notable des motivations de l'activité s'associe à la satisfaction de besoins matériels, les contradictions sociales apparaissent inévitables. En fonction des conditions d'existence de tel ou tel *socium*, elles revêtaient différentes formes, depuis les Etats de caste orientaux et les *polis* antiques jusqu'au capitalisme des fabriques qui, s'il garantissait la liberté politique, ne pouvait éviter le conflit entre l'élite économique (et politique) et les producteurs de biens matériels, cependant que les objectifs des exploiteurs n'ayant pas une participation directe à la production et ceux des exploités s'avéraient être diamétralement opposés.

A partir du moment où l'activité humaine change de caractère, alors même que se produit une saturation des besoins matériels de l'homme et que décroît le rôle des lois de type économique, on assiste à une modification substantielle de l'exploitation, qui se trouve même en passe de disparaître en tant que phénomène.

Le développement de la production de biens uniques, irreproductibles, sape l'action de la loi de valeur et rend incomparables un grand nombre de marchandises, mais cela entrave aussi fortement la fameuse division du temps de travail en temps nécessaire (pendant lequel le travailleur produit l'équivalent de son salaire) et temps ajouté (pendant lequel est créé le profit que s'approprie le capitaliste). Cette considération vaut encore plus pour la production de toute sorte de biens non matériels et d'information, lorsque tant la sphère de production que celle de consommation sont individualisées, en sorte que les caractéristiques de valeur deviennent irrationnelles.

Des changements bien plus étendus sont suscités par l'activité créatrice, affranchie de toute motivation liée à des intérêts matériels. Cela signifie qu'une telle activité peut avoir un résultat matériel non pas comme objectif (soit satisfaction directement obtenue par le processus, soit autoréalisation dans l'activité ou perfectionnement de ses possibilités et capacités), mais seulement comme effet dérivé. En l'occurrence, les intérêts du créateur d'un bien et de son consommateur potentiel, ou de la personne s'appropriant ce produit, ne sont pas opposés de la façon antagonique qui implique une exploitation.

Ceci nous ramène à des problèmes d'ordre plus psychologique que politico-économique. L'exploitation est moins que jamais, dans le contexte actuel, réductible à son seul aspect objectiviste. Etant étroitement liée à la motivation de l'activité humaine et à l'objectif que s'assigne le sujet actif, l'exploitation ne peut pas être constatée, appréhendée, uniquement à partir de l'analyse des résultats matériels de l'activité humaine. C'est aussi pourquoi l'exploitation, dont la détermination purement quantitative se complique au fur et à mesure du développement de l'économie post-industrielle, ne peut être considérée comme disparue que lorsque s'efface la perception subjective de la contradiction, constamment reproduite, entre les intérêts matériels des différents membres de la société.

En bref, l'exploitation agit sur les rapports sociaux tant que la majorité des gens, avec leurs besoins utilitaires, apparaissent comme les rouages d'une machine unique, dépendant entièrement de la volonté d'une autre personne, d'une organisation, d'un Etat ou simplement de besoins biologiques élémentaires. De même que les lois de l'échange de valeur découvertes par Marx agissent pleinement dans le contexte de la production massive de biens matériels non individualisés, de même le phénomène d'exploitation ne dispose d'un terrain fertile que dans les conditions de la production de masse, de la conscience non individualisée, pour disparaître lorsque la conscience individuelle a dépassé les objectifs de bien-être matériel, dont elle est un attribut indissociable.

Les processus susmentionnés président à l'émergence de la *formation sociale post-économique*, dont l'importance n'est toujours pas appréciée à sa juste valeur. L'humanité se trouve confrontée à une nouvelle structure sociale qui, jusque-là, n'est appréhendée ni dans ses éléments de base, ni dans les sources de son développement, ni même dans ses contradictions et rapports principaux. Pareille situation est d'autant plus dangereuse que la société n'a jamais eu affaire à une transformation systémique d'une telle ampleur. Le passage de la *formation sociale pré-économique* à la *formation économique* s'était réalisé alors que l'humanité ne constituait pas un tout unique et que les hommes n'avaient même pas pris conscience de la portée et des conséquences du changement accompli. La transition d'un mode de production à un autre dans le cadre de la *formation sociale économique* apparaissait comme un déroulement conséquent

des contradictions de l'économie marchande et comme le développement des rapports de travail, qui médiatisaient la genèse des formes les plus parfaites de la formation sociale donnée. Aujourd'hui, par contre, on se retrouve face à un changement d'ordre qualitatif : en passant du travail à l'activité créatrice, de l'évaluation économique des biens à une appréciation individualisée, des rapports sociaux traditionnels, relativement familiers, à des formes tout à fait inédites, l'humanité risque de perdre les repères principaux qui ont déterminé son évolution tout au long de l'histoire écrite.

Cet aspect dramatique est accentué du fait que la *formation sociale post-économique* ne repose pas, contrairement à la *formation économique*, sur une structure sociale d'ensemble, pas plus qu'elle n'est pas bâtie autour d'un rapport ou d'un principe fondamental. Alors que la formation sociale économique est un système de rapports nés de la domination dans la société du travail, cependant que le développement de ladite formation est allé de pair avec l'adoption des formes les plus parfaites par l'activité laborieuse, la formation post-économique, qui nie le système économique basé sur le travail, s'oriente sur l'activité créatrice, c'est-à-dire *une activité tout aussi post-sociale que l'activité instinctive propre à la formation sociale pré-économique demeurait par essence pré-sociale, i.e. biologique.* Voilà pourquoi la formation sociale post-économique, tout en gardant son caractère social, est néanmoins aussi le point de départ de l'organisme post-social. Et de la même façon que les principes ayant dominé l'époque pré-économique ne furent étudiés comme il faut qu'à partir de la compréhension des lois propres à la formation sociale économique, devenue un tout social, les principes de la formation post-économique ne peuvent être dûment analysés qu'après une étude exhaustive des lois et rapports de l'époque post-sociale. Or l'impossibilité d'appréhender ces derniers rend impossible une étude adéquate des lois de la société post-économique. Les méthodes d'extrapolation, si coutumières dans les études historiques traditionnelles, ne peuvent s'appliquer aux tâches présentes, ce qui ne fait que souligner toute l'importance des changements historiques auxquels la civilisation humaine est aujourd'hui confrontée.

L'état actuel se définit par la négation du travail par une troisième forme plus parfaite, celle de l'auto-expression humaine : la *création.*

Ce type d'activité humaine apparaît logiquement comme le dernier élément de la triade dialectique, comme la synthèse qui renferme sous forme « abrogée » les caractéristiques fondamentales de la thèse et de l'antithèse. L'activité humaine parvenue à un niveau d'évolution supérieur ne perdra certainement pas son caractère raisonnable, étant donné que l'homme est aujourd'hui, plus que jamais par le passé, l'otage de sa propre relation à la nature environnante et à ses semblables. Les nouvelles technologies, tant productrices que sociales, réclament de l'homme un comportement éminemment rationnel, une réaction en rapport optimal avec la réaction du milieu aux efforts fournis. Il est cependant une autre circonstance qui saute moins aux yeux : ayant transformé la nature, créé des technologies nouvelles, sécurisé à l'extrême les conditions de sa propre existence et assuré une pleine satisfaction de ses principaux besoins matériels, qui auparavant le liaient de façon si étroite à la nature, l'homme n'a fait que s'incorporer lui-même aux multiples liens et lois qu'il percevait jusque-là comme extérieurs et indépendants de lui. Les intérêts matériels des individus peuvent être satisfaits sans les efforts auparavant nécessaires. Il résulte de tous ces changements que l'activité humaine, sans perdre son caractère raisonnable, abandonne les motivations spécifiquement laborieuses, tout « extérieures », qui la suscitaient, et se transforme en un type d'activité synthétique que l'on peut baptiser *création*.

La création est le type d'activité le plus parfait parmi ceux *qui peuvent être aujourd'hui choisis comme objet de l'analyse scientifique*. L'activité créatrice a pour caractéristique d'être un système de motivation conscient et interne, immanent au sujet actif. Et sa motivation foncière est l'aspiration de l'individu à se réaliser dans une activité libre, indépendante des conditions matérielles extérieures. C'est pourquoi la création offre une série de différences fondamentales par rapport au travail, tandis que la frontière historique entre les deux est cette époque de transition où se produit, selon Marx, le « saut du règne de la nécessité à celui de la liberté ». Ce dont il s'agit en l'occurrence, c'est de la limite historique du développement de la société et de l'avènement de l'état post-social, dont la formation post-économique est justement le prélude.

La formation sociale post-économique consiste à dépasser les lois de la formation économique, donc celles de la forme sociale du mouvement en tant que telle. Or toute

l'expérience historique antérieure montre que le dépassement de l'ancien s'accompagne en bonne partie de la genèse d'une réalité nouvelle. Cela vaut aussi pour la période que nous traversons aujourd'hui. Le dépassement des lois strictement économiques, propres à la société bourgeoise dans l'acception classique du terme, va indéniablement de pair avec la gestation d'une nouvelle forme de communication humaine qui aura perdu sa teinte sociale proprement dite. Le progrès de l'humanité moderne n'a pas sa source dans la sphère des rapports économiques, ni dans celle des rapports sociaux proprement dits. Le mouvement à travers le sommet de la colline se fait en quelque sorte grâce à une force dont la source nous reste inconnue, vu qu'il ne peut atteindre son but que lorsque l'humanité aura effectué son saut vers l'état post-social.

Etant donné qu'il est impossible d'avoir une compréhension adéquate des principes de développement du nouveau type d'organisation humaine, il semble nécessaire de s'adresser en priorité aux problèmes moins sociaux que personnels, moins économiques que psychologiques. Comme le disait Kant, il n'y a que deux choses dont l'humanité ne cesse de s'étonner : le ciel étoilé au-dessus de nous et la loi morale en nous. Ayant dompté la nature et utilisé ses dons à ses propres fins, ayant perfectionné au maximum le milieu ambiant et réglé les problèmes matériels vitaux de son existence, l'humanité ne peut que se tourner vers les processus et les lois d'un tout autre ordre, seules capables de régir le mouvement d'une civilisation nouvelle.

C'est en surmontant les limites ayant existé sous le règne de la formation sociale économique que l'humanité pénètre dans une époque foncièrement nouvelle de son évolution. Et le sujet de cette période du progrès de la civilisation n'est plus le *socium* en tant que tel, la communauté des hommes étroitement liés par les intérêts matériels et accomplissant un ensemble d'actions simples pour satisfaire leurs besoins vitaux, mais bel et bien un ensemble d'individus, dont chacun est incomparable dans ses actes comme dans leurs motivations et leurs modes de réalisation.

Les grand penseurs de l'humanité ont aspiré durant des millénaires à rapprocher le temps où la raison étendra son empire sur la nature, où la morale dominera les passions, où le droit l'emportera sur la force brutale. De saint Augustin aux théoriciens des Lumières, les philosophes tentaient de prouver à leurs semblables, ainsi qu'à eux-mêmes, que

l'espèce humaine est cimentée par une entente profonde, que l'essence de l'homme est porteuse d'un principe positif, que la nature ou la divinité l'ont investi d'une source de vertu, que le mal et le vice ne sont pas des substances spécifiques mais seulement une dérogation au bien. A l'heure où cela est atteint — fût-ce de façon non idéale, mais parfaitement en accord avec les rêves plutôt audacieux des idéalistes passés —, il apparaît que cet état n'est pas l'assise de l'intégration du tout social mais un instrument primordial pour le développement de l'individualisme, qui détruit ce tout en tant que totalité *sociale*.

Allant au-delà des limites des aspirations matérielles, se débarrassant du phénomène de l'exploitation perçu de façon subjective, acceptant sa propre activité comme un acte affranchi des contraintes extérieures, l'homme est inévitablement conduit à prendre conscience que *son aspiration vers l'entente avec ses semblables, avec les autres membres de la société, ne procède pas de sa nature profonde mais des conditions de son existence qui faisaient obstacle à la réalisation de cette liberté intérieure*. Il s'avère que *la compréhension et l'entente avec autrui, la concorde et la réconciliation avec la société entière ne sauraient remplacer cette entente supérieure qui est l'accord profond avec soi-même*.

Le développement d'un nouveau type de communauté humaine commence dès l'instant où l'homme saisit la prééminence de la motivation interne, immanente, sur les motivations qui lui sont extérieures, étrangères. Déjà au IVe siècle le théologien Lactance écrivait : « Sachez voir la justice ! Acceptez-la si vous pouvez et placez-la tout au fond de votre coeur, sans vous laisser troubler par sa complexité et sa contradiction avec les idéaux du temps. Rejetez hors du coeur toutes les mauvaises pensées, tous les désirs mauvais, alors vous reviendrez immanquablement à l'âge d'or, car il n'est possible de l'atteindre qu'en adorant le Dieu véritable. » Aussi naïf et convenu que soit ce sermon, il renferme une idée d'une richesse et d'une actualité incomparables, à savoir que chaque homme atteint les degrés suprêmes de la perfection lorsqu'il a su s'affranchir des circonstances et de l'esprit du temps pour se choisir des repères moraux et agir en conformité avec ses aspirations profondes.

Ce faisant, le caractère immanent de la motivation ne doit pas toujours déboucher sur une action; la créativité du sujet peut se manifester en effet aussi bien dans l'acte que

dans son refus, un refus qui procède de raisons intérieures analogues. Anatole France a décrit dans la *Révolte des anges* l'exemple le plus accompli de ce genre d'inaction. Ce livre montrant les préparatifs d'un complot des forces des ténèbres, des serviteurs de Lucifer contre le Seigneur, s'achève par une scène où le diable, ayant rassemblé ses affidés pour la bataille décisive, s'écarte pour se reposer avant le combat. Il voit alors en rêve sa victoire sur les forces célestes, son avènement au trône de Dieu, mais il se rend compte que cela changera bien peu aux destinées du monde et de l'humanité choisis comme cible de sa générosité. Et Lucifer vient donc trouver ses guerriers pour les appeler à ne plus conquérir le ciel car *il leur suffit d'avoir conscience que c'est en leur pouvoir.* De même, les hommes sont aujourd'hui capables de changer le système d'organisation sociale en modifiant leur nature profonde ou simplement en *changeant l'idée qu'ils se font de leur nature intime.*

L'entente avec soi-même, la conscience de la liberté intérieure sont aujourd'hui les forces motrices principales du progrès humain. Une époque nouvelle dans l'évolution de la civilisation, une époque qui gît en fait au-delà de la société humaine proprement dite, commence lorsque la volonté de parvenir à l'entente au sein du socium cède la place à la volonté d'atteindre à l'harmonie intérieure de la personnalité. L'exploitation de l'homme prend fin lorsque ce dernier appréhende ses propres finalités comme supérieures à celles que l'on peut atteindre dans une activité qui vise à posséder une partie des produits de celle-ci. Le travail est évincé lorsque l'homme prend conscience que la motivation de son activité ne procède pas de circonstances extérieures. Les lois économiques sont inéluctablement répudiées par les changements qui affectent la structure profonde de l'activité humaine, le système de ses motivations et de ses prémisses.

Les hommes de l'époque moderne ont créé la base matérielle à partir de laquelle il apparaît possible de développer les phénomènes et les rapports qui font à proprement parler de l'homme un homme. C'est en quittant l'époque économique que l'humanité accède à l'ère de la subjectivité absolue, où les actes de chaque personnalité sont déterminés par des besoins intérieurs, ainsi que par les lois morales immanentes à chaque homme de l'époque nouvelle. Et lorsque les humains auront appris à ne pas faire du mal à leurs

semblables pour la seule et unique raison que ces semblables sont des hommes, lorsque ceux qui ont été rejetés puiseront en eux la force d'adorer ceux qui les ont répudiés, lorsque toute activité pourra être perçue comme une liberté intérieure, alors l'homme aura atteint cet état que Lucifer lui-même ne pourra que lui envier éternellement du fond de son abîme.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Аристотель. Никомахова этика.

Аристотель. Политика.

Аристотель. Физика.

Батищев Г.С. Диалектика творчества. М., 1984. Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 18609.

Батищев Г.С. Диалектический характер творческого отношения человека к миру. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. М., ИФ АН СССР, 1989.

Бельтов Н. Основные вопросы марксизма. СПб., 1901.

Блан Л. История Французской революции. Т. I. СПб., 1907.

Бланки Л.О. Социальная критика. // *Бланки Л. О.* Избранные произведения. М., 1952.

Блок М. Апология истории. М., 1986.

Бэкон Ф. Сочинения. Т. 1. М., 1974.

Варга Е.С. Об азиатском способе производства. // В кн.: *Варга Е.С.* Очерки по проблемам политэкономии капитализма. М., 1965.

Вейтлинг В. Гарантии гармонии и свободы. М., 1952.

Виппер Р. Социальная философия Сен-Симона. // *Мир Божий*. 1901. № 12.

Волгин В.П. Очерки по истории социализма. М., 1935..

Гесиод. Труды и дни.

Гильдебранд Б. Политическая экономия настоящего и будущего. СПб., 1880.

Гоббс Т. Левиафан. М., 1898.

Дворцов А. Шарль Фурье. М., 1938.

Демокрит в изложении Диодора.

Дубровский С.М. К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М., 1929.

Евангелие от Матфея.

Екклесиаст.

Ермакова А.В. Человек и организация труда в условиях современного капитализма. М., 1988. С. 10.

Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. ИТ. 1. Ч. 1. М., 1978.

Изложение учения Сен-Симона. М.-Пг., 1923.

Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1974.

Иноземцев В.Л. К истории исследования проблемы производительного трауда в экономической литературе. М., 1991. Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 43691.

Иноземцев В.Л. К понятию непроизводственной сферы. // Торговля и общественное питание в условиях перестройки. Донецк, 1989.

Иноземцев В.Л. Капитализм, социализм или постиндустриальные общества? // Коммунист. 1991. № 4.

Иноземцев В.Л. Специфика современной стадии развития капитализма. // Некоторые проблемы исследования современного капитализма. М., 1989. Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 40078.

Иноземцев В.Л. Summa contra principi. // «Свободная мысль». 1993. № 1.

Иноземцев В.Л., Хоруженко Н.В. Характер общественного прогресса при переходе от первичной общественной формации ко вторичной. // Материалы XXVII Всесоюзной научной студенческой конференции. Философия и научный коммунизм. Новосибирск, 1989.

Историк-марксист. 1930. Т. XVI.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938.

Источники по истории Реформации. Выпуск 1. М., 1906.

Кан Г. Грядущий подъем: экономический, политический, социальный. // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.

Каутский К. Противоречия классовых интересов в 1789 году. М., 1923.

Кинкулькин М. Против извращении марксистско-ленинского учения об общественно-экономических фор-

мациях. // Вестник Коммунистической академии. 1934. № 3.

Конт О. Дух позитивной философии. СПб., 1910.

Конт О. Система позитивной политики. // Родоначальники позитивизма. Вып. 2. СПб., 1910.

Корсунский А.Р. Проблема революционного перехода от рабовладельческого способа производства к феодальному в Западной Европе. // Вопросы истории. 1964. № 5.

Кравченко А.М. Социология труда в XX веке. М., 1987.

Кропоткин П.А. Великая Французская революция. // *Кропоткин П.А.* Собрание сочинений. Издание, проверенное автором и разрешенное им для России. Т. 2. М., 1919.

Кунов Г. Марксова теория исторического процесса, общества и государства. Т. 2. М.-Л., 1930.

Ленин В. Полное собрание сочинений. Т. 1.

Ленин В. Полное собрание сочинений. Т. 30.

Ленин В. Полное собрание сочинений. Т. 34.

Ленин В. Сочинения. Т. 1.

Ленин В. Сочинения. Т. 22.

Лютер М. К христианскому дворянству германской нации. Харьков, 1912.

Мадьяр Л. Предисловие. В кн.: *Кокин М., Папаян Г.* Цзин-Тянь. Аграрный строй Древнего Китая. М., 1930.

Маркс К., Энгельс Ф. Т. 1

Маркс К., Энгельс Ф. Т. 2

Маркс К., Энгельс Ф. Т. 3

Маркс К., Энгельс Ф. Т. 4

Маркс К., Энгельс Ф. Т. 6

Маркс К., Энгельс Ф. Т. 7

Маркс К., Энгельс Ф. Т. 8

Маркс К., Энгельс Ф. Т. 13

Маркс К., Энгельс Ф. Т. 16

Маркс К., Энгельс Ф. Т. 18

Маркс К., Энгельс Ф. Т. 19

Маркс К., Энгельс Ф. Т. 20

Маркс К., Энгельс Ф. Т. 21

Маркс К., Энгельс Ф. Т. 23

Маркс К., Энгельс Ф. Т. 24

Маркс К., Энгельс Ф. Т. 25. Ч.1

Маркс К., Энгельс Ф. Т. 25. Ч.2

Маркс К., Энгельс Ф. Т. 26. Ч.1
Маркс К., Энгельс Ф. Т. 26. Ч.2
Маркс К., Энгельс Ф. Т. 26. Ч.3
Маркс К., Энгельс Ф. Т. 27
Маркс К., Энгельс Ф. Т. 29
Маркс К., Энгельс Ф. Т. 35
Маркс К., Энгельс Ф. Т. 37
Маркс К., Энгельс Ф. Т. 42
Маркс К., Энгельс Ф. Т. 47
Маркс К., Энгельс Ф. Т. 48
Маркс К., Энгельс Ф. Т. 49

Маршалл А. Принципы политической экономии. Т. 1—3. М., 1983.

Медведев В. Великий Октябрь и современный мир. // Коммунист. 1988. № 2.

Межуев В.М. Культура как объект познания. // Философские проблемы культуры. М., 1984.

Милль Дж.Ст. О.Конт и позитивизм. СПб., 1906.

Милль Дж.Ст. О свободе. Лейпциг, 1861.

Милль Дж.Ст. Основы политической экономии. Т. 1. М., 1980.

Милль Дж.Ст. Право труда. // *Милль Дж.Ст.* Рассуждения и исследования политические, философские и экономические. Вып. 2. СПб., 1865.

Милль Дж.Ст. Система логики, силлогистической и индуктивной. М.,1899.

Михайлов М.И. История Союза коммунистов. М., 1968.

Мор Т. Утопия. М., 1978.

Николов И. Кибернетика и экономика. М., 1974.

ап. Павел. Первое послание к коринфянам.

Певзнер Я.А. Государственно-монополистический капитализм и теория трудовой стоимости. М., 1978.

Первая книга Моисея. Бытие.

Платон. Государство

Платон. Законы.

Плотин. Эннеады.

Полибий. Всеобщая история.

Положительная философия Огюста Конта в изложении доктора *Робинэ.* СПб., 1898.

Поршнев Б.Ф. Периодизация всемирно-исторического прогресса у Гегеля и Маркса. // Философские науки, 1969, 2.

Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979.

Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.

Пригожин А. Проблемы общественных формаций. // Под знаменем марксизма. 1930. № 7—8.

Прокл. Первоосновы теологии.

Против механических тенденций в исторической науке. М.-Л., 1930.

Раков Л.Л. К проблеме разложения рабовладельческой формации. // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 66. М., 1933.

Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о начале и основаниях неравентсва между людьми. М., 1770.

Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о начале и основаниях неравенства между людьми. СПб., 1907.

Сен-Симон А. де. Взгляд на собственность и законодательство. // *Сен-Симон А. де.* Избранные сочинения. Т. 1.

Сен-Симон А. де. Катехизис промышленников. // *Сен-Симон А. де.* Избранные сочинения. Т. 2.

Сен-Симон А. де. О промышленной системе. // *Сен-Симон А. де.* Избранные сочинения. Т. 2. М.-Л., 1948.

Сен-Симон А. де. О теории общественной организации. // *Сен-Симон А. де.* Избранные сочинения. Т. 1.

Сен-Симон А. де. Очерк науки о человеке. // *Сен-Симон А. де.* Избранные сочинения. Т. 1. М.-Л., 1948.

Сен-Симон А. де. Письма к американцу. // *Сен-Симон А. де.* Избранные сочинения. Т. 1.

Сен-Симон А. де. Рассуждения литературные, философские и промышленные. // *Сен-Симон А. де.* Избранные сочинения. Т. 2.

Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. М., 1962.

Смит А. Теория нравственных чувств. СПб., 1895.

Солодков М.В., Крылов Л.С. Методология исследования производительного труда при капитализме. М., 1974

Социология Конта в изложении *Риголажа.* СПб., 1898.

Спорные вопросы методологии истории. Харьков, 1930.

Сталин И. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950.

Сталин И. О диалектическом и историческом материализме. М., 1954.

Сталин И. Сочинения. Т. 8. С. 21—22

Сталин И. Сочинения. Т. 13. С. 239.

Таксер А. Проблемы общественно-экономической формации. // Под знаменем марксизма. 1932. № 1—2. С. 186.

Тацит. Сочинения. Т. 1. Л., 1969.

Тоффлер О. Будущее трауда. // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.

Тюрго А.Р.-Ж. Последовательные успехи человеческого разума. Речь в Сорбонне 11. XII. 1750. // Родоначальники позитивизма. Вып. 1. СПб., 1910.

Фурье Ш. Критика строя цивилизации. // *Фурье Ш.* Избранные сочинения Т. 2. М.,1952.

Фурье Ш. Пути будущего. // *Фурье Ш.* Избранные сочинения Т. 1. М., 1951.

Фурье Ш. Судьбы мира и человечества. // *Фурье Ш.* Избранные сочинения Т. 1. М., 1951.

Чирков В.И. Мотивация трудовой деятельности. Критический анализ зарубежных теорий трудовой мотивации. Ярославль, 1985.

Честертон Г.К. Вечный Человек. М., 1991.

Шелике В.Ф., Поповский В. А. Актуальные проблемы понятиного аппарата теории социальной революции. // Философские науки. 1979. № 5.

Шефтсбери Э.Э.К. Моралисты. // *Шефтсбери Э.Э.К.* Эстетические опыты. М., 1975.

Юм Д. Исследование о принципах морали. // Сочинения. Т. 2. М., 1965.

Юм Д. Трактат о человечесой природе. // Сочинения. Т. 1. М., 1965.

Юм Д. О совершенствовании в искусствах. // *Хатчесон Фр., Юм Д., Смит Ад.* Эстетика. М., 1973.

Ясперс К. Современная техника. // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.

St. Albertus Magnus. Politica.

Argyle M. The Social Psychology of Work. N.-Y., 1972.

Aron R. The Industrial Society. Three Lectures on Ideology and Development. N.-Y.-Wash., 1967.

St. Augustinus. De civitate Dei.

St. Augustinus. Epistulae.

Bailin Sh. Achieving Extraordinary Ends. An Essay on Creativity. Dordrecht, 1988.

Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.-Y., 1973.

Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N.-Y., 1978.

Bell D. The Third Technological Revolution and Its Possible Socio-Economic Consequences. // Dissent. Vol. XXXVI. №2. Spring 1989.

Benkert G.F. The Thomistic Concept of International Society. Wash., 1942.

Best F. Technology and the Changing World of Work. //The Futurist. Vol. XVIII. 1984. №3. April.

Bezold C., Carlson R., Peck J. The Future of Work and Health. Dover - London, 1986.

Comte A. A General View on Positivism. L., 1898.

Comte A. Course de philosophie positive. T. 1. P., 1830.

Comte A. Course de philosophie positive. T. 4. P., 1839.

Comte A. Opuscules de philosophie sociale. 1819—1828. P., 1883.

Cumberland R. De legibus naturae... Lubeca et Francofurti, 1683.

Deutsch R.E. Tomorrow's Work Force: New Values in the Workplace. //The Futurist. 1985. Vol. XIX. December.

Dougherty G.V. The Moral Basis of Social Order According to St. Thomas. Wash., 1941.

Elson D. The Value Theory of Labour. //The Representation of Labour in Capitalism. L., 1979.

Faunce W.A. Problems of an Industrial Society. San Francisco, 1968.

Ferguson Ad. Essay on the History of Civil Society. Basil. 1789.

Fourier Ch. Oeuvres completes. T. VI. P., 1845.

Garnier J. Traitw e'economie politique. 5eme ed., P., 1863.

Gilby Th. The Political Thougnt of St. Thomas Aquinas. Chicago. 1958.

Glaser H. Das Verschwinden der Arbeit. Die Chancen der neuen Taetigkeitsgesellschaft. Duesseldorf, 1988.

Grotius G. De jure belli ac pacis.

Jaques E. Work, Creativity and Social Justice. N.-Y., 1970.

Jewons W.S. The Principles of Economics. L., 1905.

Inosemtsev V.L. On the Limitations of the Marxian Theory of Value: Some Methodolog ical Aspects of the Problem. //Social Sciences. Vol. XXIII. 1992. №4.

Hackmann J.R., Lawler E.E. Employee Reactions to Job Characteristics. // Journal of Applied Psychology. 1971. №3.

Herder I.G. Ideen zur der Philosophie der Geschichte der Menschheit.

Herzberg F. Work and the Nature of Man. N.-Y., 1966

Hobbes Th. De cive.

Hume D. Essays Moral, Political and Literary. Vol. 1. L., 1912.

Hunt E.K. Marx's Concept of Human Nature and the Labour Theory of Value. //The Review of Radical Political Economics. Vol. XIV. №2. Summer 1982.

Kahn H., Brown W., Martell L. The Next 200 Years. A Scenario for America and the World. N.-Y., 1976.

Kahn H., Wiener A. The Year 2000. A Framework for Speculation on the Next 33 Years. London, 1967.

Lactantius. Divine institutes.

Locke J. Second Treatise on Legislation.

Marx K. Misere de la philosophie. P., 1961.

Marx-Engels Gesamtausgabe. Abt. 1. Bd. 25.

Marx-Engels Gesamtausgabe. Abt. 2. Bd. 5.

Marx-Engels Werke. Bd. 13. S. 9.

Maslow A.H. Motivation and Personality. N.-Y., 1970.

Mill J.St. Chapters on Socialism. // The Fortnightly Review. New Series. Vol. XXV. 1879. February-April.

Mill J.St. M. Guizot's «Essays and Lectures in History». //The Edinburg Review. №166. Oct. 1845.

Montesquieu Ch. L'esprit des Lois.

Naisbitt J. Megatrends. The New Directions, Transfoming Our Lives. N.-Y., 1984.

Norrison R. La philosophie de Saint Augustin. P., 1865. T. 2.

Nuernberger Ph. Mastering the Creative Process. // The Futurist. 1984. Vol. XVIII. №4. August.

Opaschowski H.W. Wie leben wir nach dem Jahre 2000? Szenarien ueber die Zukunft von Arbeit und Freizeit. Hamburg, 1987.

Perlio V. Superprofits and Crises: Modern U.S. Capitalism. N.-Y., 1988.

Rosenfeld R., Servo J. Business and Creativity. //The Futurist. 1984. Vol. XVIII. №4. August.

Servan-Schreiber J.J. Le defi mondiale. P.,1980.

Smeth Ad. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. L., 1894.

Smith Ad. Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms. Oxford, 1896.

Stonier T. The Wealth of Information. A Profile of Post-Industrial Economy. L., 1983.

Stumpf S.E. Socrates to Sartre. A History of Philosophy. L., 1948.

Tertullianus Q.S.F. Apologiae.

St. Thomas Aquinas. Contra impugnantes Dei cultum et religionem.

St. Thomas Aquinas. De rege et regno.

St. Thomas Aquinas. De regimine principum.

St. Thomas Aquinas. Summa contra gentiles.

St. Thomas Aquinas. Summa theologiae.

Voltaire. Oeuvres completes. P., 1877—1882. T. 1—52. T. 18.

Wohlers E., Weinert W. Employment Trends in the United States, Japan and European Community. Oxford, 1988.

Содержание

Введение 11

Глава первая
СТАНОВЛЕНИЕ МЕТОДА **25-95**

Неадекватные теории ***30***
Постулаты античной традиции *30*
С именем Христа *39*
«Новое издание» теории общественного договора *48*
Страна Утопия *55*
На пути к адекватности ***63***
Первые шаги *64*
Либерализм Нового времени *69*
Первые попытки экономического взгляда на историю *74*
Становление позитивизма *81*

Глава вторая
МАРКСИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ **96-154**

Общий обзор исторической динамики ***97***
Возникновение цивилизации *99*
Раннеклассовые общества *104*
Феодализм *108*
Марксова периодизация истории ***113***
Понятие «общественная формация» *115*
Понятие «экономическая общественная формация» *125*
Учение о революциях ***138***

Глава третья
УПАДОК МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ 155-186

Величайший революционер-практик и его «вклад» в теорию 156
Дискуссия 1929—1934 гг. и ее итоги 165
Завершение дискуссии. Позиция И. Сталина 176

Глава четвертая
ПОСТЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ФОРМАЦИЯ: ГРАНИЦЫ ПОНЯТИЯ И ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ 187-265

Логическое место понятия постэкономической общественной формации 187
Первая фундаментальная черта постэкономического состояния — исчезновение труда . 203
Труд и творчество 203
Теория творчества. Терминология 215
Этапы становления творческой деятельности 219
Вторая фундаментальная черта постэкономического состояния: диффузия стоимости 232
Третья фундаментальная черта постэкономического состояния: преодоление эксплуатации 251

Заключение 266

Приложения 283

Summary 285

Résumé 303

Библиография 322

Научное издание

ИНОЗЕМЦЕВ Владислав Леонидович

К ТЕОРИИ ПОСТЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМАЦИИ

Ответственный редактор *А.И.Антипов*
Редактор *Л.В.Бычкова*
Художественные редакторы *Д.Б.Бадмаев, П.Н.Иваницкий*
Компьютерная верстка *Ю.Б.Зайцева*

Ответственный за выпуск *П.Н.ИВАНИЦКИЙ*

Набор, верстка и издание книги осуществлено при участии
издательства «ВЕК»

Тираж 3000 экз. Зак. № **566**.

АО **"Астра семь"**

121019, Москва, Филипповский пер., д. 13